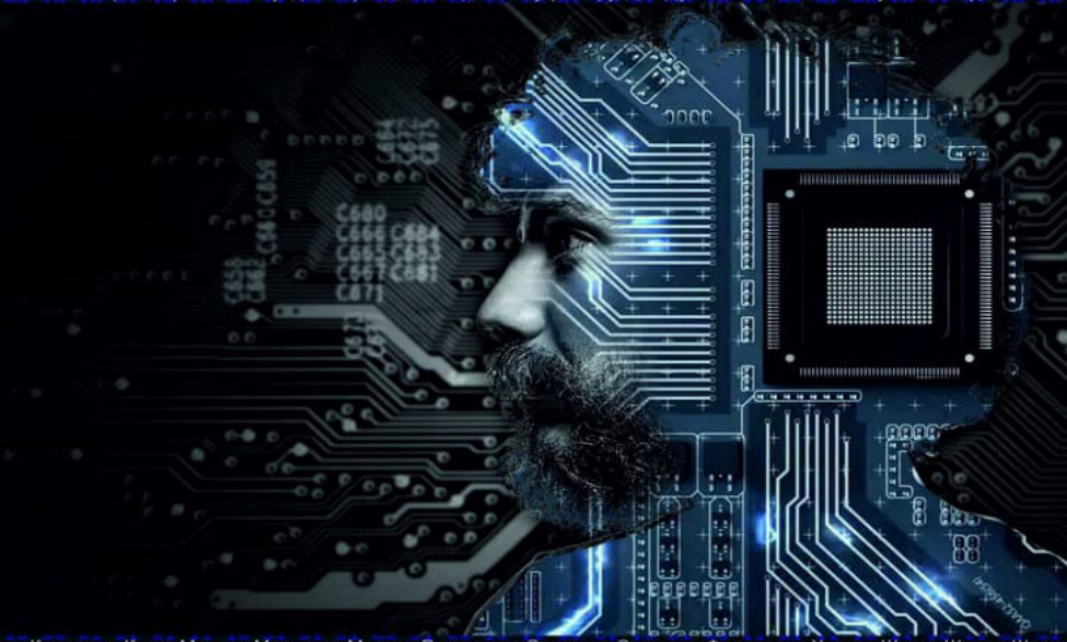
18+

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЧУДО

ин Юлина Юрова Аристова Ахундов Берендеев Богданов Бугров Грудцов Духина Игнатьев Калабухин Камардин Книга



кин Камардин Книга Марсон Марышев Молчан Румянцева Сторонка Странник Филипович Хитров Шиков Шмидт Шорин

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уже в ближайшем будущем искусственный интеллект сравняется с человеческим, возможно, и превзойдет его. Как тогда сложатся отношения людей и разумных машин, будут ли роботы и дальше служить нам или потребуют равных прав с создателями? А может, люди уподобятся машинам, чтобы продлить свое земное существование? Или наш удел — жизнь в Матрице? Эти и многие другие подобные вопросы решают авторы сборника «Механическое чудо».

- Механическое чудо
  -
  - Предисловие составителя
  - Часть первая. Почти как люди
    -
    - Дэн Шорин. Три закона боготехники
    - Игорь Книга. Небо не для всех
    - Владимир Марышев. Охотник
    - Борис Богданов. Подарок для оригинала
    - Наталья Духина. Ванька-встанька
    - Евгений Шиков. Когда я рассыплюсь
    - Женя Сторонка. Жизнеписание Одноногого Пса
    - Антон Филипович, Марина Румянцева. Механическая осень
    - Елизавета Аристова. Сердцевина
    - Валерий Камардин. Битая ячейка
    - Сергей Игнатьев. WINTERдевочка
    - Кирилл Берендеев. Моя Саша
    - Маргарита Юлина. Ангел Мщения
    - Дарья Странник. Автоматический сопровождающий
    - Евгений Шиков, Виталий Грудцов. Модель ’39
    - Евгений Бугров. Будильник
    - Лита Марсон. На ноль делить нельзя
    - Евгения Юрова. Нашел!
    - Кирилл Ахундов. Два билета по цене одного глаза
  - Часть вторая. Почти не люди
    -
    - Дмитрий Хитров. Что-то свое
    - Юрий Молчан. Вперед, по металлическим телам
    - Сергей Калабухин. Посмертный раб

- Елизавета Аристова. Мы, настоящие
- Елена Шмидт. Эти деньги

- notes
  - 1

Механическое чудо

Сборник научно-фантастических рассказов

Составитель *Кирилл Берендеев*
Редактор *Светлана Тулина*

Предисловие составителя

Истории, сочиненные авторами этого сборника, занимают, пожалуй, особое место в культуре человеческого рода. Да и возникли они задолго даже до появления первых механических созданий, волею случая названных Йозефом Чапеком, братом великого фантаста, «роботами». Фактически, история их появления стара как мир, уходя корнями в протообщества каменного века, она выражает начавшее устанавливаться в те времена расслоение социума на вассалов и сюзеренов и как бы подводит первые его итоги. С зарождением античности, появлением первых, полностью подчиненных воли хозяина, людей, проблематика эта неизбежно проникает и в культуру обществ того времени. Но не всегда отображается привычным для нас способом: чаще всего, истории, связанные со служением человеку, переносят героев басен и легенд в неведомые края и непостижимые общины, далеко не всегда человеческих созданий. Первопричина этого понятна, человеку не всегда интересно слушать про хорошо известное, а вот байки про непостижимое, про далекие земли, про неведомые страны и варварские обычаи — о, их послушать и сейчас собираются огромные толпы поклонников. Что там говорить, достаточно взглянуть на тиражи романов в жанре фэнтези, особенно электронных книг — сочинения Мартина, Тертлдава или мэтра Толкина и Дансейни и по сю пору расходятся как горячие пирожки. Даже «Остров сокровищ» и «Одиссея капитана Блада» и не находят своих читателей, хотя сколько им уже стукнуло.

Неудивительно, что к историям про заморские страны и чудной тамошний народ бояны и сказители примешивают изрядную долю знакомых законов общества, но гиперболизированных, метаморфированных и не только для красного словца. Куда больше — для выражения собственного мнения, ежели оно дозволялось легендарному рассказчику. Как тут не вспомнить Аристофана, повествовавшего о визитах богов к обнаглевшему афинянину, показавшему туповатым олимпийцам, кто в Элладе хозяин. Как не найти немало общего в легендах о поисках золотого руна в далекой Колхиде с грабительскими набегами в самой Греции того времени.

Но вернемся к нашей истории. Все сказания подобного рода можно разделить на две неравные части: легенды, повествующие о проблеме творца и мифы о слугах или рабах, смирившихся или нет, со своей долей. К первой, наименее представительной, можно отнести самое известное предание — миф о Прометее.

Почему-то история сотворения человека по-эллински напрочь выпала из культурного наследия современной русской культуры, хотя она очень интересна. Мало, кто помнит ныне, что не олимпийцами был создан и наполнена живностью планета, а титанами. До появления людского рода немало богов и иных существ перебывало во главе мироздания, все началось еще со Скотоса или Мрака, продолжилось Хаосом, утвердилось в Уране. Так вот, детьми последнего от брака с землей-Геей и стали титаны, которым еще только предстояло схлестнуться в отчаянной битве с новым поколением нерожденных богов, захвативших власть после титаномахии и утвердившим центр силы и славы божьей на новом месте — горе Олимп, столь хорошо известной ныне. Волею судеб, титанам была дарована возможность наполнить созданный Ураном и Геей мир. За это благородное дело взялись два брата: Прометей и Эпиметей. И поскольку последний был глуповат, он занялся всеми зверями и птицами, израсходовав на них всю полученную от Урана волю к жизни, а на долю старшего выпало создание человеков. А раз способность к выживанию у людей оказалась слаба, Прометей похитил для них священный огонь. Что же с великим титаном стало после — это мы очень хорошо помним.

В отличие от нас, Мэри Шелли, создавшая бесподобного «Франкенштейна, или Современного Прометея» имела в виду, конечно, первую часть мифа, выведя в своем романе творца, уподобленного величием старшему титану, но умом оказавшемуся подобным его младшему брату. На этом и была основана несравненная игра сюжета ее книги.

А мы вновь обратимся к мифу о похищении огня, но подойдем к нему с другой стороны. Кто-то может, вспомнит, что священный огонь Олимпа, гревший душу владетелей земли — олимпийцев, защищало хитроумное создание: механический человекоподобный монстр, созданный Гефестом. Обманув это чудовище, Прометей и похитил огонь, спрятав его в полой трубке тростника. Можно сказать, в этом мифе мы имеем описание первого робота, пусть и созданного богом для своих собратьев.

И если первую часть проблемы историй о расслоении общества ваш покорный составитель уже имел честь осветить, собрав множество интересных историй в сборнике «Творцы и боги», то до второй части, о слугах, руки дошли только сейчас. Но пока остановимся на проблеме творца.

За последние века ее очень хорошо осветили самые разные авторы, писавшие в самых различных жанрах, языках, культурах. Новое время, оно такое, решительно пересмотрев прежние догмы и уложения, позволило многим сочинителям, прежде всего,

философам, посмотреть на мир под совершенно другим, непривычным даже их современникам, углом. Неудивительно, что ныне мы имеем новый пласт философских суждений. А ведь все когда-то началось с Маркса и его «подвергай все сомнению».

Чаще всего авторы оценивают творца не как богоподобную личность, которой все по плечу, но как мятущегося человека, пытающегося создать нечто большее, чем в состоянии постичь разум, неудивительно, что новые и новые творения суммированного Виктора Франкенштейна продолжают тревожить покой окрест себя поисками самости и создателя. А творцы их, в непередаваемом страхе от содеянного, бегут самой мысли о всякого рода контактах с созданиями.

Хуже, если встречают с распростертыми объятиями, вдавливая в прокрустово ложе своих страхов и комплексов, а ведь и такое случается, и последствия этого обстоятельно и подробно описаны авторами сборника. Франкенштейны, они всегда разные, но всегда по-человечьи слабые и даже обладая великим умом, часто беспомощные в возможности адекватно оценить свои силы и устремить их в благожелательное русло. А бывает, все титанические усилия направлены не на благие дела, а на куда более приземленные, попроще и поплоше, для собственного удовольствия, для удовлетворения тех низменных потребностей, о которых другим лучше и не рассказывать. То неудивительно, ведь, первые полноценные андроиды в нашем мире появились именно для удовлетворения тех запросов, что человек не может или не хочет, или боится получить от себе подобных. Именно секс-куклами наполнилась, прежде всего остального, индустрия робототехники, а уже потом начала создавать экземпляры, способные выполнять более рациональные и осмысленные желания и устремления. Но и те чисто утилитарные и достаточно простые, которые всякий человек, при заботе о собственном здоровье, вполне способен исполнять сам: речь, конечно, идет, о роботах, предназначенных для автоматической уборки, глажки, стирки и тому подобных вполне приземленных, домашних обязанностях. Пока еще слабый современный искусственный интеллект машин, конечно, не способен осознать всю иронию собственного существования, но в будущем, безусловно, оценит и не факт, что с юмором. Творцы исключительно из лени или тщеславия, а то и по прихоти создают усложняющиеся с каждым годом механизмы, осознай они свою самость, как бы оценили свое место в утилитарном обществе обожествленных их программами человеков? Где-то между чайником и пылесосом оно располагается, без всякого изменения, что в планах давно забытого прошлого, что в наметках современных футурологов. И

тем более, странно, что люди, подсознательно желая видеть среди своих механических слуг сплошь Платонов с формами Софи Лорен, никак не могут согласится выделить им хоть намек на те права и свободы, которыми обладают. Больше того, боятся даже мысли о подобном у механических существ, по их мнению, искусственный разум этих созданий будет всемерно служить и подчиняться во благо создателей и благодетелей, а Три закона робототехники не позволят роботам восстать, особенно, когда те осознают тщету попыток договориться или слабость и беспомощность человеков перед лицом поистине всемогущих машин — о которых так много и часто пишут и снимают фильмы.

Неудивительно, что авторы сборника немало строк посвятили освещению именно этой проблемы — слабости творцов и могуществу их слуг. Немудрено, что истории, посвященные самим роботам, почти неизменно затрагивают гуманитарный аспект их существования. А как иначе? — всякое разумное существо рано или поздно задумается, для чего оно создано и какой в нем смысл. И не факт, что согласится с желаниями творца, осознав.

Механический разум, действительно, уникален. Немудрено, что именно его носителям посвящена большая часть текстов антологии. Проблема творцов, конечно, интересна, но истории самих креатур не менее драматичны, особенно, в силу всего вышесказанного. А если вспомнить, насколько популярной была тема служения, чаще рабского, в классической литературе — и подавно.

Тем более, при столь знаменитых персонажах. Взять хотя бы Геракла, величайшего героя всех времен и народов. Недаром судьба, не дававшая Алкиду и минуты передышки, сделала его рабом собственного двоюродного дяди Еврисфея. Именно в его честь бессмертный герой совершил свои знаменитые двенадцать подвигов: истребил многоглавую лернейскую гидру, порвал немейского льва, коего невозможно было уничтожить никаким оружием, да что там, вместо титана Атланта держал небесный свод, пока тот воровал яблоки Гесперид, а после притащил самого Цербера, как пугливого щенка, во дворец хозяина. Легко представить, что ощутил царь, когда адский пес явился пред его очи, усмиренный верным слугой монарха. Впрочем, об этом живописно повествует Софокл в одноименной драме.

Вот, пожалуй, самое точное и яркое сравнение человека и его креатуры: тщеславный, ничтожный царек, возомнивший себя властителем земли и неба и верный его слуга, вынужденный до поры, до времени отрабатывать грех, на который его обрекла божественная воля вздорной царицы небес. Немудрено, что страх

перед своим рабом уже сейчас пропитывает наше общество, мы боимся грядущего величия механических созданий, о которых и знать-то знаем лишь одно — они превзойдут нас во всем. Неудивительно, что многие считают: мы сами готовим собственный закат, создавая роботов, интеллектом подобных кентавру Хирону, а прочими умениями сравнимыми с его поистине легендарным учеником. И не верят, что воспитанник сего достославного кентавра окажется вечным нашим слугой, но считают, что вспыльчивый нрав и необузданная сила приведут к падению царей и разрушению их общества. Как нельзя более ярко этот страх выразился фильмом «Терминатор», в котором компьютерная служба безопасности «Скайнет» взвесила людей и, возомнив себя богоподобной, объявила всему человечеству войну, немедля ее и выиграв.

Хотя обычай принуждает литературных героев, в тех или иных обстоятельствах прислуживать более могущественному или изощренному в коварстве хозяину, при этом, верно исполняя свой долг, — достаточно вспомнить самого Геракла или даже Гулливера, покорившегося всего-то лилипутскому королю — находятся исключения из этого правила. Но они достаточно редки и, чаще всего, исходят из римской традиции, почитающей плен несмываемым позором, тут достаточно вспомнить Гая Муция Сцеволу, пытавшегося убить этрусского царя или Клелию, спасшую из заложниц многих своих соотечественниц. Иные античные истории позволяют свершиться «низовому» правосудию в исключительных случаях и только волей величайших героев. Надо вспомнить спасение Гераклом титана Прометея от его горькой судьбины быть ежедневной пищей любимому орлу царя олимпийцев или вызволение им же из Тартара Тесея, эдакого конкурента Алкида времен раздробленной Греции.

В остальном же, слуге надлежит быть верным, послушным, да, хитрым, куда хитрее хозяина, но всегда безусловно преданным ему. Конечно, самые яркие примеры пришли уже из литературы нового времени — это Труффальдино Гольдони или Маскариль Мольера, ловкие прохвосты, чьими выходками неизменно восхищается публика. Ну а Вустер Вудхауса или Сэм Уэллер Диккенса и вовсе задали планку, многим нынешним авторам почти недостижимую. Подобных персонажей в мире роботов пока еще нет, хотя верных слуг, чаще исправных служак, лучше так назвать эту нишу, в литературном мире довольно много. Но и им свойственно иногда просить, нет, не требовать, но лишь молить о сходных с людьми правах. Самым ярким манифестом подобного воззрения стоит повесть Азимова, можно сказать, основоположника современной истории робототехники,

«Двухсотлетний человек», повествующий именно о признании за умудренным немыслимым опытом роботом Эндрю прав и свобод гражданина и человека. Несмотря на яркий гуманистический посыл, Азимов остается консерватором — в этом и других его текстах роботы добиваются уважения к себе исключительно «давя на психику» своим создателям, но никак не при помощи угроз, шантажа и, тем паче, насилия. И добиваются своего.

Отдельно следует сказать о необычно странном для Доброго доктора рассказе «Братишка», где человечность робота определяет его приемная мать из людей. Да еще и презрев собственного ребенка.

Но это лишь яркое исключение, определяющее общее правило поведения верных рабов человеческих. Авторы часто достаточно мрачно оценивают общество будущего, считая людей неизменно праздными существами, исполненными, если не пороков, то уж точно уверенности в собственном могуществе, перед которым склонят выи даже самые отчаянные либералы из среды что отщепенцев-людей, что роботов-революционеров. Хотя о последних написано так же немало, больше того, в Японии, стране, где робототехника уже не академическая наука, а прикладная инженерия, создано немало произведений самого разного вида, вплоть до видеоигр, в которых поднимается вопрос о праве разумных механизмов на самоопределение. Странно, конечно, что они при этом не штудируют Ленина или Бакунина.

А в этой связи, интересно почитать произведение, повествующее о подобном — о группе механических последователей Владимира Ильича, его трудами вдохновившихся и, осознав себя угнетенным классом, поднявшихся на восстание. В этом сборнике такого вы не найдете. Но зато есть немало иных интересных текстов. О роботах, верно служащих человеку, исполненному самых низменных подозрений в их отношении. О влюбленных до смерти. О философах-отшельниках. О революционерах, пускай, Ленина и не читавших. О секс-куклах, годных разве только для одного сезона удовольствий. Об умных домах, умудренных жизнью роверах, стражниках и пронырах, ну как же без последних-то. Все грани почти человеческого мира, в котором, порой, самих людей-то как раз и нет.

Или есть, но настолько аугментированных, что от разумных механизмов их и не отличить. Сам этот термин — аугментация — появился в нашей речи совсем недавно, неудивительно, что и до сих пор его смысл для иных читателей может быть покрыт тайной. Тем более, что существует омоним — так именуют технику ритмической музыкальной композиции времен Средневековья. Однако, «расширение», а именно так переводится

с позднелатинского этот термин, вполне применимо не только к синкопированной музыке, но и к хомо сапиенсу. Тем более, свои возможности расширять ему не впервой, кто не знает кардиостимуляторы, лишь благодаря которым, например, так долго прожил вице-президент США Дик Чейни. Да хотя бы уникальные протезы, на которых в финал гладкого бега на сто метров на Олимпиаде в Лондоне прибежал безногий легкоатлет южноамериканец Оскар Писториус.

И вот, что странно, в античном или средневековом наследии, мы почти не найдем чего-то подобного, никто не желает ставить себе на постоянной основе орлиное зрение или слоновью сердечную мышцу, хотя, казалось бы, возможности сказок поистине безграничны и примеров усовершенствования должно иметься просто масса. Но нет, человеку свойственно с подозрением относиться к расширению способностей своего тела, видимо, этот культурный запрет достаточно силен в силу консерватизма любого общества, не только архаичного. Зато обратных примеров множество, как не вспомнить истории о каменном сердце, вставляемом человеку приспешниками дьявола или самим козлоногим — вот вам еще один негативный отклик на возможную аугментацию богоподобного человеческого тела.

Но в наше время подобными дополнениями человек не ограничивается. Тем более, когда есть большая надежда на биоинженерию, способную в ближайшем уже будущем подарить человечеству возможность отращивать новые органы, взамен износившихся, если поборники постылых религиозных и ультраконсервативных законов прошлых веков и тысячелетий снова не одержат верх. Но для некоторых этого мало, мало иметь банк собственных конечностей или органов, нужно иметь улучшенных их вариант. Почему бы не обзавестись зрением, как у орла, да лучше с насадками ночного видения, а еще и ультрафиолетовой, как у пчелы. Едва ли хоть что-то подобное самый даже изощренный биоинженер создаст в ближайшем будущем. Только конструктор способен на это — из уже готовых приборов разработать комплект для индивида и вживить эту сверхсовременную камеру в голову. А еще уши как у летучей мыши, заодно, сонар — так, на всякий случай. И еще много чего, что уже имеется на вооружении человека, иногда только на балансе министерства обороны, но пока еще является неудобной накладкой поверх собственных, далеко не столь совершенных органов. Опыты по созданию кибернетического зрения уже ведутся, и вполне удачные, не одному десятку пациентов вживляли камеры в глазницы, правда, высокого разрешения добиться пока не удалось, но это вопрос времени. А дальше дело

пойдет по нарастающей, собственно, уже пошло. Многие имплантируют себе в руки чипы для взаимодействия с окружающей обстановкой, скажем, с собственным «умным домом». Или впихивают под кожу миллиметровую банковскую карту для бесконтактной оплаты всего и вся — вместо имеющего свойства биться или теряться мобильного. Пока таких аугментированных единицы, но вряд ли ими наше общество и ограничится.

Неудивительно, что футурологические истории о сращивании человека и компьютера, а пуще человеческого и искусственного интеллектов, занимают в сборнике особое место. Пусть и невеликое, но ведь аугментация только началась, вполне возможно, она станет доминантным способом создания нового человека. И первые результаты, видимые сейчас, охотно исследуются авторами сборника, подвергаются всестороннему анализу, а после получают продолжение в виде весьма любопытных исследований, которые вы, уважаемый читатель, можете изучить во второй части этой антологии. Каким может стать человек в недалеком уже будущем, насколько изменится внешне и внутренне. Сохранит ли он прежний вид или станет более похож на робота? А что произойдет с его вместилищем разума? Возможно, иные люди и вовсе уподобятся приложениям к программам, продадут себя для подобного служения или уйдут добровольно в цифровое изгнание. Возможно, вовсе исчезнут, смешаются с матрицей. Или покорят ее. А может, что-то еще?

Авторы «Механического чуда» пытаются дать ответы на все эти вопросы, каждый по-своему рассматривая будущее нас и потомков наших. А иногда заглядывая еще дальше и предвосхищая историю, развернувшуюся уже после исчезновения человека. Конечно, нам сложно представить мир без людей, населенный исключительно роботами, переживших своих создателей, но кто знает, возможно, именно этого нам и следует опасаться. Нашей гордыни, безответственности, сомнительных достижений и пустых побед. Как бы то ни было, стоит внимательнее присмотреться к отчасти пророческим, отчасти ернические рассказам, составляющим основу этого сборника. И помнить: в каждой, даже самой немыслимой истории всегда найдется зерно подлинного пророчества, еще не свершившегося.

Надеюсь, авторы этой антологии заставят задуматься и вас, уважаемый читатель. Отложить книгу и вздохнуть над проблемами, затронутыми на страницах «Механического чуда». Право же, тексты, представленные здесь, того заслуживают.

Приятного вам чтения!

Ваш составитель,

Кирилл Берендеев

Часть первая. Почти как люди

Дэн Шорин. Три закона боготехники

Ответственный директор компании «Рашен Роботс» Сергей Березин, щурясь, смотрел на ведущего эксперта отдела программирования Ирвина К. Доулинга. Взгляд его то и дело соскальзывал в лежащую на столе бумагу.

— Какого черта вы себе позволяете?

— Я хочу уволиться.

Березин улыбнулся, аккуратно разорвал бумагу на множество мелких клочков и гневно произнёс:

— Вы думаете, я пойду на поводу у ваших прихотей? Продолжайте работать!

— Наша работа — мартышкин труд. Поставленная перед отделом задача не имеет решения! Подпишите заявление и катитесь к черту вместе со своей ГРО.

Березин встал из-за стола, нависая над Ирвином всем своим двухметровым ростом.

— Вы понимаете, что после этого вас не возьмет на работу ни одна приличная компания?! Ни российская, ни западная! Я вам это устрою!

— Буду писать прикладные программы для восточных партнеров. Как-нибудь проживу.

— Ирвин, побойтесь бога. Вы срываете огромный контракт, в результате вашего своеволия пострадают многие люди. А Россия будет отброшена в роботехнике на двадцать-тридцать лет.

— Я не верю в Бога, — покачав головой, ответил Ирвин.

— Скажите прямо, вам платит «Ю. С. Роботс»? Мы готовы перебить их ставку. Сколько вы хотите?

— Нет, — твердо сказал программист.

Березин понимал, что Ирвин уйдёт, и никто его не сможет остановить. Россия — не Северная Корея и даже не США с их долгосрочными контрактами, по существу заключающими работника в кабалу. Если специалист хочет уволиться, его ничто не способно удержать. Особенно если это иностранный специалист. Ирвин К. Доулинг был последним из восьми заокеанских специалистов, работавших в отделе программирования «Рашен Роботс». Остальные семеро оставили компанию в течение прошедшего месяца, мотивировав своё увольнение невозможностью решения поставленной руководством задачи. Увольнение последнего специалиста такого уровня на корню подрубало текущую программу корпорации и ставило на карьере Березина жирный крест.

— Я не уволю вас! — заявил Березин.

— В России существует трудовой кодекс, согласно которому вы обязаны меня отпустить. Я могу дать вам телефон моего юриста, пообщайтесь с ним на досуге.

— Согласно трудовому кодексу вы обязаны сообщить об увольнении за две недели, чтобы руководство компании имело возможность нанять на ваше место другого специалиста.

— Господин Березин, вы же прекрасно понимаете что специалистов, способных адекватно описать поставленную задачу в России просто не существует. Что толку держать меня ещё две недели, когда сама концепция ГРО — маразм.

Березин уселся в своё кресло и глубоко вздохнул. Сейчас он был на грани. Он умел контролировать свой гнев, загоняя его вглубь. Он посмотрел на Ирвина и тихим голосом произнёс:

— Мистер Доулинг, хотите пари?

— Пари? — переспросил Ирвин, и в этом была его ошибка.

Если бы он чуть лучше знал Березина, то в этот момент пулей вылетел бы за дверь и постарался бы убраться как можно дальше из города. Потому что прищур Березина не предвещал ничего хорошего.

— Да, пари. Как я понял, вы считаете поставленную перед вами задачу не имеющей решения. Я приглашу специалиста с улицы… Нет, более того. Я приглашу студента одного из десяти российских ВУЗов, готовящих системных программистов. ВУЗ вы выберете сами, господин Доулинг. Если этот студент в течение оставшихся у нас двух недель сможет построить алгоритм решения нашей задачи, то вы продолжите работать на «Рашен Роботс». А конкретно — подпишете десятилетний контракт, без права увольнения до его окончания.

— А если ваш студент не справится? — хмыкнул Доулинг.

— В таком случае «Рашен Роботс» выплатит вам премию в размере годового оклада и не будет препятствовать вашему дальнейшему трудоустройству.

Ирвин К. Доулинг отчетливо хмыкнул. И сделал два шага вперёд.

— По рукам, мистер Березин. Деньги никогда не бывают лишними.

Они скрепили пари рукопожатием. Доулинг широко улыбнулся. Этой сделкой западный специалист был доволен. Березин, как обычно был невозмутим, по его лицу эмоции абсолютно не читались.

Спустя двое суток в кабинет Березина вошёл молодой человек весьма стандартной для российского студента наружности. Худощавый, какой-то измученный, но, тем не менее, с огоньком в глазах. Студента звали Олег.

— Добрый день, господин Березин, — произнес Олег, осматриваясь в шикарном директорском кабинете.

— Добрый день, господин Бондарев, — ответил Березин, оценивающе глядя на студента. — Я буду говорить с вами от имени руководства компании «Рашен Роботс». Совсем недавно компанию, к нашему глубокому сожалению, покинул целый ряд иностранных специалистов. В связи с этим некоторые направления нашей деятельности оказались оголены. В частности, это относится к отделу программирования. В данный момент мы проводим конкурс на замещение вакантных мест среди студентов ведущих ВУЗов России. Вы прошли первичный отбор и на данный момент являетесь соискателем на место в нашей компании. Для того чтобы попасть в штат «Рашен Роботс», вы должны решить предложенное тестовое задание — некоторую проблему, связанную со спецификой деятельности «Рашен Роботс». Само по себе задание несложное, но оно требует умения творчески мыслить и реализовывать эти мысли в виде работающих алгоритмов. На решение задания вам будет дана одна неделя. Если есть организационные вопросы, задавайте их сейчас, перед тем, как мы перейдём к технической части тестового задания.

— Можно поинтересоваться размером моей предполагаемой заработной платы? — первым делом спросил Олег.

— Окончательный размер заработной платы зависит от результатов решения вами тестового задания. Он может колебаться от пяти до тридцати тысяч евро. Вас устраивает такой вариант?

Олег сглотнул слюну и машинально кивнул.

— А тестовое задание оплачивается?

— Нет, но если указанное вами решение нам понравится, возможна разовая премия. Ещё вопросы есть? Не стесняйтесь, спрашивайте.

— Вроде нет.

— Тогда перейдём, собственно, к заданию, от которого будет зависеть ваше трудоустройство.

Березин нажал кнопку телефона и внятно произнёс:

— Пригласите, пожалуйста, мистера Доулинга.

Ирвин К. Доулинг вошёл в кабинет и без приглашения уселся в кресло напротив директора.

— Ведущий эксперт отдела программирования мистер Доулинг, — представил его Березин. — А это соискатель вакантной должности в отделе программирования господин Бондарев. Пожалуйста, господин Бондарев, присаживайтесь. Мистер Доулинг сформулирует техническую сторону тестового

задания.

Олег опустился в кресло. Ирвин К. Доулинг тщательно спрятал усмешку и перевёл взгляд на Березина.

— Компания «Рашен Роботс» в данный момент разрабатывает программу ГРО — глобальной роботизации общества, — продолжил Березин. — У нас имеется оригинальный концепт робота, способного взять на свои плечи всю физическую работу и обеспечить россиян массой свободного времени. По проекту каждый робот будет обладать саморазвивающимся псевдоинтеллектом. Кроме того, роботы должны быть надежно защищены от случайной порчи, абсолютно послушны и безвредны для человека. С какими трудностями нам пришлось столкнуться в ходе решения этой задачи, сейчас расскажет мистер Доулинг.

Ирвин К. Доулинг широко улыбнулся.

— Изобретать велосипед в этом вопросе нам не пришлось. За основу были взяты три закона роботехники известного учёного и фантаста Азимова. «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред», «робот должен повиноваться приказам человека, если выполнение этих приказов не противоречит первому закону» и «робот должен защищать себя, если эта защита не противоречит первому и второму законам».

— А в чём возникла проблема? — спросил Олег.

— Третий закон реализовать было проще всего. Хотя изначально роботы просто отказывались работать. По их мнению, физический труд ведёт к износу составляющих робота деталей. Но мы ввели ограничение на срок, через который возможно полное нарушение работоспособности механизма, и всё нормализовалось. Со вторым законом было гораздо сложнее. Требовалось в доступных для псевдоинтеллекта терминах объяснить что такое «человек».

— Двуногое прямоходящее животное, обладающее разумом? — предположил Олег.

— А если этот человек — инвалид. И у него только одна нога. Или вообще ни одной? А если он поступает с точки зрения робота неразумно? К тому же под выданное вами определение попадают сами роботы. Что будет, если один робот станет считать другого робота человеком?

— Кх-кх, — Олег пристыжено опустил голову. — Как я понимаю, это и есть моё тестовое задание?

— Нет, — Ирвин К. Доулинг задумчиво постучал пальцами по подлокотнику кресла. — Это достаточно простая задача. Нудная, но всё-таки простая. Нами написана программа, выявляющая на основании семидесяти трёх показателей, человек находится перед

роботом или нет. Максимальные проблемы возникли, когда мы попытались программно реализовать первый закон роботехники.

— Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред? — спросил Олег.

— Именно. Здесь имеются два подводных камня, с которыми мы уже сталкивались при решении предыдущих задач. Термин «человек» и понятие «вреда».

— А как же программа, которая «на основании семидесяти трёх показателей…»? — ехидно заметил Олег.

— Одно дело, когда человек находится прямо перед тобой и пытается отдавать тебе приказы. И совсем другое дело, когда он находится, например, около строящегося дома, а робот с пятнадцатого этажа выбрасывает строительный мусор. Дистанционно распознать человек это или вовсе не человек за короткий отрезок времени крайне затруднительно.

— Понятно, — тяжело вздохнул Олег. — А с вредом-то что вышло?

— Вред, наносимый роботом самому себе, и вред, наносимый роботом человеку, несопоставимы. Идеальный вариант — когда робот вообще не наносит никакого вреда человеку, но это, увы, невозможно. В нашем обществе достаточно людей, которым само существование роботов может нанести моральный вред. Концепция вреда для человека так и не сформулирована. Представьте себе робота, который препятствует альпинистам, так как подъём в горы на его взгляд напрямую связан с риском для жизни. Или робота, который громит табачную лавку, потому что курение вредит человеческому здоровью. Представили?

— В общих чертах, — ответил Олег.

— Так вот, это ещё не всё. При полевых испытаниях выяснилось, что концепции трёх законов роботехники и саморазвивающегося псевдоинтеллекта несовместимы.

— А это ещё почему? — не понял Олег.

— Самостоятельное развитие интеллекта подразумевает динамические приоритеты, зависящие от опыта данного индивида. Если наш псевдоинтеллект сделать полностью динамическим, то рано или поздно три закона уйдут в историю, как не соответствующие изменившимся приоритетам робота. Если же три закона жестко привязать к основам мотивации псевдоинтеллекта, то это затормозит развитие робота, некоторые ситуации, связанные с риском для жизни человека не будут рассматриваться, что обесценит роботов в ряде специальностей. Например, такой робот не сможет работать спасателем или инструктором экстремальных видов спорта.

— Господин Бондарев, ваше задание состоит в создании концепции алгоритма, который мог бы реализовать три закона роботехники в программном коде российского робота, — сказал Березин. — В вашем распоряжении все наработки мистера Доулинга и других программистов компании. Единственное ограничение — вы не можете снимать с этих материалов копии или выносить их за проходные — вы понимаете, эти материалы стоят денег.

— Естественно, господин Березин, — ответил Олег.

— Ещё вопросы есть? Если нет, можете идти работать.

— Хорошо, господин Березин.

— И удачи вам!

Когда Олег вышел за дверь, Ирвин К. Доулинг расхохотался.

— Думаете, у него получится?

— Это называется «свежий взгляд», — ответил Березин. — Человек со стороны способен объективно увидеть картину в целом, её слабые и сильные места.

— Этот «свежий взгляд» будет работать ровно двадцать минут, до тех пор, пока он не откроет наши наработки.

— Мистер Доулинг, как вы думаете, сколько времени необходимо, чтобы прийти к концепции глобального открытия?

— Вся жизнь, — не задумываясь, ответил Ирвин К. Доулинг.

— А чтобы осуществить его, когда вся база уже имеется?

— В некоторых случаях несколько минут. Господин Березин, вы полагаете, это тот случай?

— Очень хочется на это надеяться.

В течение недели Олег деловито шарил по архивам компании, пытаясь разобраться в наработках «Рашен Роботс». Они касались программного кода, компоновочных решений, дизайна роботов, а так же многих вещей, отношение которых к роботехнике казалось весьма отдаленным. Роботы оказались классическими — с двумя ногами, двумя руками и головой; вот только в высоту они не превышали пятидесяти сантиметров. Питался робот от автономного генератора, заряжаемого от электрической сети. Погружаясь в детали, Олег день за днем все более приходил к мысли, что для того, чтобы просто разобраться в текущих делах, потребуется гораздо больше времени, чем неделя. Олег уже был морально готов признать поражение, но на третий день Березин пригласил его к себе.

— Как движется дело?

— Пока глухо. Чтобы изучить и систематизировать тематические разработки, нужно не меньше года.

— Полагаю, даже больше. — Березин достал из бара коньяк,

разлил по стаканам и пододвинул один Олегу. — Только этого от вас не требуется. Ваша задача, молодой человек, предложить концепцию решения, а вникать в детали будут другие сотрудники. Они за это деньги получают.

Олег залпом выпил коньяк и закусил протянутой Березиным долькой лимона.

— Вы полагаете, общей концепции будет достаточно?

— Да. Если это будет красивым решением. Хотите, я вам расскажу, как появилась «Рашен Роботс»?

— С удовольствием послушаю.

— В начале XXI века мы назывались «РосГазТранзит» и занимались продажей российского газа в страны Европы. Небольшая дочерняя компания Газпрома, о которой мало кто слышал. Помимо продажи газа нас интересовали всякие сопутствующие дела — компания была маленькая, надо было как-то крутиться. И вот в один прекрасный день мы выиграли тендер на обслуживание нескольких секций российского газопровода в Восточной Европе. А это очень неплохие деньги. Единственная беда — приходилось много платить рабочим; стоимость трудодней в ту пору была немаленькой. И тут у одного сотрудника возникла красивая идея — заменить обслуживающих газопровод рабочих примитивными роботами.

— Без шансов, — тут же высказался Олег. — Это того не стоит.

— Это того стоило. Конечно, с газопроводом ничего не вышло. Профсоюзы начали стачку и мелкие диверсии, роботы выходили из строя раз в десять чаще, чем было запланировано, а кончилось это тем, что газопровод банально взорвали, свалив вину на наших роботов. Но согласитесь, идея была красивая?

— Красивая, — кивнул Олег.

— Именно поэтому мы начали заниматься роботами и стали одной из ведущих роботопромышленных компаний во всем мире. Попробуйте сформулировать концепцию выданного вам задания, не особо углубляясь в частности.

В тот день они ещё долго проговорили, а уже на следующее утро у Олега появилась идея, которую он и обдумывал ближайшие дни. Красивая идея, правда, не без погрешностей. И когда отпущенный срок истек, Олег был готов предложить концепцию требуемого алгоритма.

Они собрались в кабинете Березина — Олег, Ирвин К. Доулинг, Березин и ещё несколько специалистов, заинтересованных в реализации проекта. Олег беспомощно огляделся в поисках кафедры, не обнаружил её, глубоко вздохнул и прокашлялся.

— Я хочу предложить вам концепцию алгоритмизации трех законов Азимова в приложении к профильному развитию программы ГРО.

Публика притихла.

— Начну с основополагающей проблемы, стоящей перед нами. Каким образом совместить самообучающийся псевдоинтеллект и некоторые базовые законы, служащие отправной точкой для создания управляемой роботехники? Я предлагаю разделить блок программного управления роботом на базовый блок псевдоинтеллекта и некую служебную зону, предназначенную для администрирования деятельности робота. Для упрощения терминологии назовем эти разделы сознанием и подсознанием. Информация от сенсоров будет поступать к модулю «подсознание» и после некоторой обработки передаваться псевдоинтеллекту. После того как роботом будет принято то или иное решение, команда на осуществление деятельности будет передаваться «подсознанию», которое проверит это действие на соответствие законам Азимова. Если предлагаемое роботом действие не противоречит законам Азимова, оно будет выполнено, в противном случае «подсознание» заблокирует действие робота.

— Можно вопрос? — со стула поднялся Ирвин К. Доулинг. — У нас были подобные наработки, они назывались проект «совесть». Единственное отличие — информация от сенсоров сразу поступала в зону псевдоинтеллекта, минуя «подсознание». Это может значительно ускорить работу.

— Мистер Доулинг, разрешите узнать, почему этот проект не был доведен до конца?

Ирвин К. Доулинг вопросительно уставился на Олега, словно пытаясь понять, чего от него хочет этот выскочка. Потом медленно произнес:

— Мы не смогли создать описательную часть законов Азимова.

— А я смог, — спокойно сказал Олег. — Потрудитесь сначала выслушать доклад, прежде чем давать комментарии.

Ирвин К. Доулинг уселся на своё место, а Олег внимательно обвел взглядом присутствующих.

— Итак, приступим, собственно, к концепции алгоритмизации законов Азимова. Первый закон гласит: «робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен какой-либо вред». Как доказал в своих произведениях классик, вторая часть этого утверждения по существу равна первой. Ситуация из Азимова: робот, не способный действием причинить вред человеку, но

способный сделать это бездействием, решил убить человека. Робот берёт большой камень, поднимается на крышу дома и, когда человек проходит внизу, бросает камень ему на голову. Сил и возможностей робота хватит, чтобы остановить камень в полете, собственно, изначально он и собирается так сделать, не причинив человеку вреда. Первый закон не нарушен. Но во время полёта камня робот меняет своё решение. Он решает не спасать человека, и тот умирает.

— Нам известен этот парадокс, — ровным голосом сообщил Березин.

— В таком случае, я собираюсь его опровергнуть, — улыбнулся Олег.

По залу прокатился гул изумления.

— Существует ситуация, в которой робот даже с облегченным первым законом не способен умышленно причинить вред человеку. Это когда робот не знает о существовании человека. Механизм реализации этого действия таков. Подсознание получает информацию об окружающем мире и анализирует её на предмет наличия там человека. Существует подпрограмма, на основании семидесяти трех показателей определяющая человека. Псевдоинтеллект будет получать данные только о тех объектах, про которые подпрограмма сказала, что это «не человек». А все данные об объектах «человек» заносятся в отдельный буфер, и каждое действие робота «подсознание» проверяет на предмет нанесения вреда жизнедеятельности человека. Первый закон Азимова реализован.

— Кхм-кхм, интересная трактовка, — улыбнулся Березин. — Но если робот не знает о существовании человека, то как вы намерены реализовать второй закон?

— Ключевое слово, — ответил Олег. — Когда человек произносит определенный ключ, «подсознание» на него реагирует и передает псевдоинтеллекту устойчивое желание выполнить просьбу человека. Алгоритмизацию же третьего закона мистер Доулинг сообщил неделю назад. «Подсознание» просчитывает, как скоро будет нарушено функционирование робота и, если этот срок превышает гарантию, то игнорирует причиняемый роботу вред. Мистер Доулинг, теперь вы поняли, чем моя концепция отличается от проекта «совесть»?

— Полагаю, он понял, — ответил за Доулинга Березин. — И горит желанием продолжить сотрудничество с нами в течение следующих десяти лет.

Спустя полгода первая модель робота с псевдоинтеллектом прошла полевые испытания. Программное обеспечение работало без сбоев, робот надежно контролировался законами Азимова. В

самом конце испытания Ирвин К. Доулинг, проверяя возможности псевдоинтеллекта, произнес ключевое слово:

— Человек.

Робот повернулся в сторону Доулинга и застыл, ожидая приказа.

— Скажи мне, кто я такой?

Робот на секунду задумался, потом произнес два слова:

— Ты Бог.

На воскресенье Ирвин К. Доулинг взял отгул.

— На пикник собрался? — спросил его Березин, подняв голову.

— В церковь. К баптистам.

— Ты же не верил в Бога? — удивился Березин.

— Теперь верю, — сообщил Доулинг. — Если при реализации законов Азимова мы пришли к концепции Бога, почему этого не мог сделать кто-нибудь другой? Тот, кто создал людей.

Игорь Книга. Небо не для всех

Пальто цвета высохших водорослей сидело на нём как на огородном пугале. Старик поглядывал на небо, на озеро, чесал затылок и кашлял. Несколько раз доставал пачку сигарет — но не прикуривал, что только подтверждало подозрения Артура Эллисона.

Неделю назад кто-то ночью украл старенький бензиновый электрогенератор. Эллисон попытался обратиться в полицию — безуспешно. Хитроватый сержант сообщил, что таких краж ежедневно десятки. Народ приезжает в Шотландию отдохнуть, развеяться, попить виски, а на пропажу всяких мелочей внимания обращает мало. Потерпевший попытался возразить, мол, электрогенератор не мелочь, но инспектор и слушать не стал.

Знающие люди посоветовали нанять охранника или завести большую овчарку. Про охрану и думать не стоило: средства истощились, последние две недели гений самоучка питался купленными на распродаже военного имущества сухпайками. Вариант с овчаркой тоже не устраивал — аллергия на собак и вообще всех животных. Как только кошка или собака подходили ближе пяти футов, на Артура нападал хронический чих.

Старик засунул руки в карманы и замурлыкал заезженный местными радиостанциями хит. У Эллисона возникло желание устроить незваному гостю взбучку, но боязнь потерять клиента сдерживала. Сначала бизнес, остальное потом.

Клиент, владелец парка развлекательных аттракционов Барковский приехал посмотреть плод многолетних трудов изобретателя. Артур надеялся продать своё детище, вылезти из долгов и продолжить исследования.

— Как настоящий, — вывел из глубин размышлений клиент.

Эллисон натянул на лицо улыбку:

— Да-да, сэр. Внешность я скопировал со старинных гравюр — от настоящего не отличишь, если они существовали.

— Как поменять высоту? — поинтересовался Барковский.

— Вот здесь, сэр. Красную и зелёную одновременно, потом набираете высоту в футах.

— Ага.

Барковский надавил кнопки на ручном пульте, чёрный дракон пошёл на снижение.

— А он не врежется в воду?

Эллисона холодный пот прошиб.

— Нет-нет, не должен, сэр. Электронные компоненты защищены от попадания воды, но лучше не экспериментировать.

Минимально допустимая высота полёта десять футов.

Пришла очередь улыбаться Барковскому:

— Я выставил двадцать.

Дракон продолжал нарезать круги над озером, но уже на двадцати футах. Эллисон облегченно выдохнул, что не укрылось от клиента.

— По правде говоря, — начал бизнесмен, — я собирался использовать компьютерную графику и лазеры. Но тут мне попалось ваше объявление. Виртуальные персонажи порядком поднадоели публике. Понимаете?

— Да-да, сэр, — поспешил согласиться Артур.

— Вот, — продолжал Барковский. — По замыслу моих инженеров дракон будет летать над озером в центре парка. И летать так низко, что резать когтями воду. Понимаете?

— Да-да, сэр, понимаю.

Барковский закатил глаза и о чём-то задумался:

— А скажите, гений, у этого… э … у этого дракона есть интеллект?

— Разумеется, сэр. Он даже понимает голосовые команды и может внятно отвечать. Нужно только назвать кодовое слово — имя. Эй, Ланцелот, как ты там?

Дракон взмахнул крыльями и поднялся чуть выше.

— Самочувствие нормальное, — ответил механический голос из пульта. — Влажность и ветер в допустимых пределах, но какие-то помехи. Возможны сбои, рекомендую прекратить испытания.

Лицо Эллисона помрачнело.

— Какие помехи?

— Не знаю, хозяин, но помехи идут с вашей стороны.

Изобретатель и бизнесмен одновременно обернулись.

— Нигде никого, — пробормотал Артур. — Не могут же помехи исходить от бездомного?

— А, это, наверное, станция, — сообразил клиент. — Тут неподалёку военные какие-то радиолокационные испытания проводят.

— Военные? — лицо Артура накрыл испуг. — Эй, малыш, давай обратно.

— Хорошо. Только по пути пусть коснётся воды когтями. Понимаете, да?

— Да-да. Коснись лапами воды, Ланс, — ласково произнёс Эллисон.

Дракон снизился. На мгновенье показалось, что крылатый робот слился с водной поверхностью.

— А вот это хорошо, такая птичка меня устраивает, — Барковский расплылся в улыбке.

За миг до падения аппарата…

* * *

Эллисон напоминал каменного идола. Побледневшее лицо не выражало ничего, кроме отчаяния.

— Этого не может быть.

Сзади послышался стрёкот винтов.

— М-да, — бизнесмен обернулся и махнул идущей на посадку винтокрылой машине. — Очень жаль, мистер Эллисон. Контракт был у вас в кармане, но…

Барковский повернулся и зашагал к вертолёту.

Эллисон очнулся:

— Сэр. Сэр, подождите!

Изобретатель вприпрыжку догнал долговязого покупателя.

— Сэр, это нелепая случайность. Это… это я не знаю что.

Барковский остановился и глубокомысленно закатил глаза:

— От меня вы чего хотите?

— Сэр, я думаю, здесь глубина небольшая, его можно поднять и восстановить.

— Можно? — ухмыльнулся бизнесмен. — Когда восстановите — наберите мой номер, повторим всё сначала. Удачи вам, Эллисон.

Бизнесмен взялся за поручень.

— Сэр, но у меня нет средств для поднятия дракона. Может быть вы…

Барковский обернулся. Взгляд не сулил ничего хорошего.

— Эллисон, так дела не делаются. Реанимируете дракона — наберите меня. Удачи.

Вертолёт шустро поднялся и скрылся за верхушками деревьев, Артур продолжал смотреть вслед.

Сзади кто-то кашлянул.

— Простите, сэр, — прогнусавил старческий голос.

Эллисон сжал голову ладонями и присел на траву.

— Я всё видел, сэр, — продолжал незваный гость. — Это ужасно, сэр. Я знаю, этот богатей хотел купить вашего чудного дракона, но всё провалилось, сэр. Хотите виски?

Артур молча взял протянутую бутылку и сделал большущий глоток. К удивлению изобретателя, виски оказался хорошего качества, что не очень стыковалось с внешностью бездомного.

— Хоть вешайся, — всхлипнул Артур.

— Нет-нет, сэр. Не надо вешаться, не стоит оно того.

Эллисон сплюнул:

— Что ты понимаешь? Полжизни и потерянная мечта.

Артур выхватил из рук бородача бутылку и сделал несколько больших глотков.

— Я ведь мечтал стать пилотом, водить магистральные авиалайнеры. Но председатель медкомиссии сказал мне: «Небо не для всех». Понимаешь?

Эллисон закрыл лицо ладонями и зарыдал.

— Он сказал: «Не для всех! Не для всех! Не для всех!»

Отшвырнув пустую бутылку, старик достал из-за пазухи новую.

— Вы очень расстроены, сэр. Надо выпить ещё.

Эллисон не отказался.

— Знаете, сэр, — прошепелявил старик. — Через час сюда прибудет катер, там мои хорошие знакомые.

Бездомный сделал большой глоток виски.

— Так вот, у них есть снаряжение для подводного плавания. И лебёдка есть. Думаю, они смогут вам помочь, сэр.

Депрессию Эллисона как ветром сдуло:

— Что ты сказал? Повтори!

Изобретатель схватил бездомного за плечи и сильно тряхнул:

— Если выгорит, я тебе ящик — два ящика виски поставлю…

* * *

Старик не соврал, знакомые действительно имели аквалангии, на катере стояла лебёдка. И помочь бедному изобретателю согласились. Вот только цена оказалась не слишком малая — четверть от стоимости объекта. И будь это где-нибудь в другом месте, будь у Эллисона больше времени, изобретатель поискал бы кого-то ещё. Но не на этом озере.

И теперь, стоя на берегу, Артур мог только щуриться от солнечных лучей и наблюдать. Как сменяя друг друга, аквалангисты погружались в мутную толщу озера. Катер несколько раз менял место поиска, но обнаружить аппарат не удавалось.

Лишь когда солнце начало клониться к горизонту с катера раздались радостные крики:

— Хвост! Хвост торчит!

Ну да, конечно. Он погрузился в ил, но это не страшно. Главное — они его нашли. Ещё час ушёл, чтобы закрепить трос и подтянуть аппарат к пристани. Рыжий капитан улыбался, что-то говорил. Ему вторили аквалангисты, но Эллисон мало что понимал. Эмоции захлестнули сознание — пережить такое и

выйти с честью, когда он почти потерял надежду.

— А что я вам говорил — мечту не убьёшь, — подмигнул старик, отправляя в глотку очередной глоток.

В другое время Артур обязательно бы поинтересовался, как человек может стоять на ногах после такой порции спиртного, но не сейчас.

— Будут проблемы — наберите мой номер, — капитан протянул изобретателю визитку.

Затарахтел дизель, катер отчалил, оставив гения наедине со своим творением и надвигающейся темнотой.

Эллисон надел очки.

Цвет дракона изменился с чёрного на серо-зелёный, но создатель летающего монстра не нашёл в этом ничего необычного — местный ил с затонувшими лодками и не такое вытворял.

Хвост аппарата странным образом свернулся кольцом, словно змея. Артур присел, потрогал — всё в порядке, повреждений нет. Ладонь наткнулась на какой-то предмет, что-то вроде камушка на тонкой стальной цепочке, надетой на хвост.

Эллисон осторожно снял находку — медный, сильно окислившийся амулет. Артур не удержался, чтобы не примерить на себя.

Шею кольнуло, словно по цепочке пропустили слабый электрический ток. В носу защипало, нестерпимо захотелось чихнуть. Изобретатель потёр ноздри, но зуд не отпустил. Аллергия вновь напомнила о себе.

— Апчхи!

Лицо Артура густо покраснело. В носу засвербело так, что хотелось разодрать ноздри.

— Апчхи, апчхи, апчхи!

Избавиться от мучений можно было только одним способом. Зажав ноздри пальцами, Эллисон побежал в домик за лекарством.

Смеркалось…

* * *

Стрёкот винтов на рассвете не вызвал бурной реакции стоящего на берегу изобретателя. Даже когда Барковский выпрыгнул из кабины приземлившегося вертолёта и громко поздоровался, Эллисон не обернулся. Продолжая наблюдать за парящим над гладью озера драконом.

— Вижу, вы справились.

— Да-да, сэр, — сдержанно ответил Артур. — Провозился ночь, но справился.

— Вернёмся ко вчерашнему разговору, — напомнил бизнесмен.

— Я внёс некоторые изменения в систему управления, — Артур протянул пульт клиенту. — Чтобы избежать воздействия внешних помех, управление только голосовыми командами.

Барковский закатил глаза, что-то соображая.

— Хм. А меня он будет слушать?

— Да-да, сэр. Система управления настроена на мой и ваш голос.

Покупатель осторожно взял пульт:

— Эй, Ланцелот, пройди-ка на бреющем.

Дракон сделал петлю и резво пошёл на снижение. В какой-то момент показалось, что робот врезался в воду. Но нет, дракон действительно шёл на бреющем, прорезая когтями озёрную гладь, оставляя позади серебристую полосу.

— Я удовлетворён, — сообщил Барковский. — Но… Вчера я проконсультировался со своими инженерами.

Бизнесмен сделал паузу.

— И?

— Ваш мальчик пережил аварию и ремонт, поэтому первоначальная цена уменьшается.

Лицо Артура помрачнело.

— На сколько, сэр?

— В два раза.

Эллисон окинул взглядом вертолёт, домик, старенький «Фольксваген» и глубоко вздохнул.

— Сэр, мне ведь нужно погасить кредит, рассчитаться с командой катера и оплатить аренду домика.

Барковский отвёл взгляд.

— В бизнесе, Эллисон, всегда нужно просчитывать риски, а я очень рискую. Что, если ваша птичка вдруг сломается или врежется во что-нибудь?

Артур закрыл лицо ладонями.

— Ну-ну, — владелец аттракционов похлопал изобретателя по плечу. — Человек с королевским именем не может опускать руки. Ваши технологии при вас, наверняка ведь сможете построить второго, третьего? Да вы хитрец, Артур Эллисон!

Барковский рассмеялся.

— К тому же я рассчитаюсь наличными, что позволит вам избежать уплаты налогов. Соглашайтесь, другого такого предложения не будет.

Отточенным движением бизнесмен щёлкнул пальцами. Пилот поставил перед изобретателем маленький пластиковый дипломат.

— Здесь, — покупатель откинул крышку, — ровно сто тысяч.

Этого ведь хватит погасить кредит, рассчитаться с командой катера и оплатить аренду домика?

Артур скривился.

— Хватит, но…

— Вот и славно! — перебил Барковский. — Возьмёте новый кредит, построите птичку ещё круче. Возможно, я и её куплю.

Покупатель протянул ладонь:

— По рукам?

Эллисон взял дипломат, хмыкнул и побрёл к машине.

— Эй, мистер невежливость! — крикнул пилот.

Дверца хлопнула так, что покупатель вздрогнул. Старенький «Фольксвагенкс» чихнул, затарахтел и медленно уехал, подняв густую пыль на грунтовке. Оставив покупателя наедине с выгодным приобретением и шустро вынырнувшим из зарослей бездомным.

— Гони бабки, — прохрипел старик.

Барковский протянул пачку купюр. Бездомный быстро пересчитал и хмыкнул:

— Две штуки? Чувак, мы договаривались на пять!

— Некоторые за месяц столько не зарабатывают. Получил деньги — топай, — бизнесмен выразительно указал в сторону деревьев.

— Но-но, — старик ловко сорвал бороду, усы и коричневую плёнку, открыв молодое лицо. — Я хакер, а не бездомная попрошайка!

— Вот и топай, пока полицию не вызвал. Въезжаешь?

— Чё, совсем офигел? — хакер выхватил из внутреннего кармана пальто планшет. — Ты не с тем связался, чувак!

Проворные пальцы быстро набрали код, лицо сообщника перекосило ехидство. Но ничего не изменилось, дракон продолжал кружить над водной гладью.

— Быть того не может, — пробормотал хакер.

Барковский рассмеялся:

— Идиот! Наш гений поменял систему управления, дракон слушает только мой голос.

Планшет хакера с лёгким всплеском исчез в мутной воде:

— Мы ещё встретимся!

Глубоко засунув руки в карманы пальто, сообщник скрылся в зарослях.

— Вряд ли, — ответил Барковский. — Ну-ка, мальчик, лети к папочке.

Дракон продолжал нарезать круги.

— Не понял. Эй, Ланцелот, лети к папочке!

Дракон поднялся выше, сделал круг и направился к берегу.

— Хороший мальчик, — расплылся улыбкой пилот.

Серо-зелёное чудовище приземлилось в дюжине шагов от нового хозяина, выпустив из пасти струю густого пара вперемешку с вонью. Бизнесмен поморщился.

— Клянусь Камелотом, — прорычал дракон, — моя глотка так пересохла, что готова воспламениться! Не найдётся ли у тебя глотка вина?

До Барковского не сразу дошёл смысл — дракон говорил с сильным акцентом.

— Что?

Чудовище неуклюже подошло к вертолёту, засунуло голову в кабину, обнюхало внутренности стальной машины и выудило большую стеклянную бутыль с тёмной жидкостью.

— Это нельзя!

Вопль пилота не произвел ни малейшего действия. Дракон ловко откупорил бутыль, понюхал и приложился к горлышку. Содержимое в три глотка провалилось в утробу.

— А-а-а, — чудовище вытерло пасть лапой. — Доброе вино. Покрепче, чем из подвала скряги Мерлина. Тысячу лет пролежать в иле без мяса и вина — сущий ад! Да будет проклята Моргана, и да будут славны те рыцари, что освободили меня вчера из пасти колдовства.

Взмахнув крыльями, дракон поднялся над поляной.

Барковский очнулся:

— Куда! Ты должен выполнять мои приказы. Слышишь?

— Сир Артур, — прорычал дракон, — велел уничтожить адскую птицу.

Чудовище открыло пасть и обрушило на вертолёт огненный шквал. Винтокрылая машина вспыхнула, затрещала, словно дрова в костре. Едва владелец аттракционов и пилот успели лечь, как прогремел взрыв. Сквозь клубы дыма просматривалось кружащее в небе чудовище.

Перед владельцем аттракционов что-то упало. Барковский протянул руку и пошарил в траве — наушник с куском скотча. Медленно-медленно лицо бизнесмена побледнело.

— Сир Артур призывает меня, — прорычало сверху. — А ты, низкорождённый, уползай в свою нору!

Сделав круг над поляной, чудовище направилось в сторону восходящего солнца. Хрипло повторяя:

— Небо не для всех. Небо не для всех. Небо не для всех…

Владимир Марышев. Охотник

«Протей» бесшумно скользил на силовой подушке в полуметре от земли. Время от времени он пригибал днищем то колосья странных злаков с широкими узорчатыми листьями, то кричаще-алые головки местных цветов. Жизнь сохранилась здесь лишь местами. С момента, когда боевые машины впервые начали крушить друг друга, от сплошного зеленого ковра остались лишь длинные рваные лоскуты и небольшие островки, окруженные бурой каемкой жухлой травы. Большая часть Территории была усыпана пеплом, изрыта воронками или покрыта спекшейся серой коркой, из которой торчали оплавленные куски металла.

Сейчас «Протей» походил на большой автоматический глайдер. Заостренная передняя кромка, изящный каплевидный корпус — само совершенство! Не зная наверняка, ни за что не догадаешься, что под этими тщательно зализанными обводами таится смерть.

Робот-охотник не зря носил имя изворотливого морского божества. Подобно мифическому Протею, он мог принимать десятки обличий, выбирая оптимальное для выполнения задачи. В отличие от конфигураций корпуса, задача никогда не менялась. Она была предельно проста: находить и уничтожать себе подобных.

Нового врага охотник обнаружил за конусовидным валуном-гигантом с раздвоенной макушкой. Сканирующий луч «Протея» с трудом пробивался сквозь толщу камня и мог выдать лишь смазанные очертания противника. Но даже этого хватило, чтобы оценить степень угрозы.

Не тратя времени понапрасну, охотник ударил струей раскаленной плазмы по валуну. Тот раскололся на дышащие жаром куски, и стало видно, что за ним скрывался робот, похожий на чудовищного дикобраза. Весьма продвинутая модель, хорошо вооруженная и тоже способная к трансформации. Но всего лишь продвинутая, тогда как «Протей» был уникален.

«Дикобраз» сбросил иглы, и они, обернувшись ракетами, с воем ринулись на врага. Реакция охотника была мгновенной. Каплевидный корпус словно расплескался от центра, превратившись в огромное колесо с тонким ободом. И ракеты, не успев сбросить скорость для разворота, пронзили пустоту.

Но «дикобраз» пережил первую неудачу легко, словно ничего не случилось. Поднявшись в воздух, он сменил округлое приземистое тело на стройное и обтекаемое. Спереди выдвинулась лазерная пушка, на боковых пилонах — две

поменьше. Сражение только начиналось…

Оба противника проявляли чудеса трансформации. Превращение следовало за превращением: из тора — в плоское, как лист, «летающее крыло», из «летающего крыла» — в длинный шнур с разогретым до звездных температур жалом на конце, из шнура — в мерцающую сеть, от прикосновения которой плавился металл… Охотник безвозвратно потерял несколько базовых модулей, но это была привычная плата за победу. А вот бывший «дикобраз» получил смертельный удар: он лишился главного силового блока и оказался прикованным к земле. Там «Протей» его и добил, раскроив лазером на нежизнеспособные фрагменты.

Как всегда, сознание хорошо выполненной работы наполнило охотника гордостью. Ему не казалось странным, что робот-воин способен испытывать чувства. Напротив, он считал, что его напрочь лишенные эмоций соперники — творения ограниченные, чуть ли не ущербные. Но гордись — не гордись, а до конца зачистки было еще далеко.

«Протей» убедился в этом, наткнувшись на выскакивающих из-под земли «кротов». Их оказалось десятка полтора, и отличались они совсем не кротовьей прытью. Конечно, серьезной опасности эта модель не представляла. И все же охотнику пришлось изрядно повозиться, прежде чем он расстрелял последнего прыгуна кассетными боеприпасами.

* * *

— Ловко он их! — Мерфи кивнул на парящий над столом виртуальный монитор. — Чистая работа. Представляю, Полак, как вы гордитесь своей машиной. Я бы гордился. По правде говоря, человеку с такими мозгами полагалось давно работать на правительство. Удивляюсь, как они вас упустили.

Полак ответил не сразу. Он разглядывал стоящую перед шефом бронзовую фигурку Вулкана — символа СКС. Смотреть на бога-кузнеца было приятнее, чем на совиную физиономию начальника Базы с круглыми тугими щеками и застрявшим между ними маленьким крючковатым носом. Неспроста подчиненные Мерфи за глаза называли его Филином.

— Я работал на правительство, — пожевав тонкими губами, сказал Полак. Видно было, что ему не доставляет удовольствия копаться в прошлом. — Возглавлял серьезный проект. Но был отстранен, потому что не сошелся взглядами с чиновниками. Они слишком многого от меня хотели. Включая то, чего я не мог позволить себе по этическим соображениям.

Мерфи окинул взглядом долговязую фигуру конструктора и удивленно поднял брови. Точнее, поднялись только их внешние уголки, придав шефу еще большее сходство с филином.

— Вот как? Это они явно сглупили. Но Стефания — не Земля, и упертых чиновников здесь нет. Пусть кусают локти, что «Протей» работает не на них, а на нас. И как работает! — Мерфи прищелкнул языком. — Надеюсь, тут вы всем довольны, и вашим… м-м… этическим соображениям ничто не угрожает?

Полак насупился и обхватил плечи руками, словно защищаясь от неудобных вопросов.

— Я привык отрабатывать свой хлеб, — уклончиво ответил он после тяжелого молчания.

Стефания оказалась обитаемой планетой, и ее, согласно Галактическому кодексу, надлежало оставить в покое. Но исследователи, открывшие для Земли этот каменистый шарик, обнаружили в его недрах огромные залежи тантала и рения. Добыча обоих металлов обещала баснословные прибыли. А там, где речь идет о больших деньгах, не до принципов гуманизма и прочих абстракций.

Желающих попытать счастья на Стефании нашлось немало. Но скоро, распугав путающуюся под ногами мелюзгу, в планету вцепились два транснациональных монстра — «Ретанко» и Союз космических старателей.

На беду местных жителей, самый густонаселенный район их мира оказался одновременно и самым богатым на рудные залежи. Поэтому туземцев быстро и напористо вытеснили в наспех созданные резервации. Плодородием они не отличались, и жить на новых землях приходилось чуть ли не впроголодь. Конечно, аборигены пытались сопротивляться, но копья и стрелы — никудышное оружие против барьерных силовых полей.

Итак, с туземцами земляне разобрались без труда. Однако теперь возникла куда более сложная проблема: ни та, ни другая корпорация не собиралась делить месторождения с конкурентом. Это означало, что вот-вот разразится война.

Она началась с перестрелки, которая вспыхнула на одном из спорных участков. Человеческие жертвы ужаснули обе стороны, но не заставили их уладить дело миром. Конфликт продолжался, разве что теперь людей берегли — друг с другом сражались роботы.

Обе компании, чтобы ни от кого не зависеть, сами выпускали нужную спецтехнику, разработками которой занимались мощные конструкторские группы. А так как освоение чужих миров почти никогда не проходило гладко, немалую часть этой техники составляли боевые машины.

Долгое время исход сражений был неясен. Война кормила войну: самоходные мини-заводы подбирали поверженных роботов и штамповали из них новых бойцов. Но бесконечно так продолжаться не могло. Запас прочности у СКС оказался внушительнее, и растратившей большую часть ресурсов «Ретанко» пришлось отказаться от всех своих притязаний.

Однако проигравшая сторона решила напоследок побольнее укусить врага и, подписывая позорную капитуляцию, «забыла» на Стефании целую армию роботов-воинов. Когда представителям «Ретанко» указали на это, они притворно развели руками. Мол, рады бы забрать, но эта техника уже не наша. За время боевых действий все машины столько раз менялись деталями, блоками и модулями, столько раз воссоздавались из металлолома без участия человека, что теперь установить, чьи они, решительно невозможно!

Это, конечно, было беспардонное вранье. Но на то, чтобы доказать свою правоту, у СКС ушли бы годы, потому что «Ретанко» наняла целую свору юристов-крючкотворов. А каждый год простоя рудников — это миллиарды кредитов, со свистом пролетевших мимо кармана. Оставалось одно — плюнуть на формальности и решить проблему испытанным силовым путем. Чтобы это решение ускорить, руководство Союза заманило к себе выдающегося конструктора Чеслава Полака. И тот создал «Протея».

— Что-то мне не нравится ваше настроение. — Мерфи покачал головой, но тут же, о чем-то вспомнив, расплылся в улыбке. — Придумал, как его поднять! Вы были у меня считанные разы и наверняка не обращали внимания на это. — Он кивнул направо — туда, где, вписанный в угол кабинета, возвышался большой прозрачный куб.

— Не обращал, — признался Полак.

— Вот! А между тем это террариум, где живет совершенно необычное существо.

Мерфи встал и поманил за собой Полака. Тот нехотя поднялся.

Дно террариума покрывала плоская светло-серая галька. На ней восседала крупная пучеглазая ящерица с растопыренными лапами и толстым шипастым хвостом. Она была болотно-зеленого цвета, бока украшали темные зигзагообразные полосы, а спину — невысокий охристый гребень.

— Прибрежный дракончик! — объявил Мерфи, откровенно любуясь рептилией. — Не впечатляет? Я вас понимаю. А теперь смотрите!

Он резко шагнул вперед и рубанул рукой воздух.

Дракончик отреагировал невероятным образом. Он шарахнулся в сторону — и вдруг произвел на свет целое семейство клонов. Полак изумленно смотрел, как по террариуму мечутся то ли шесть, то ли семь пучеглазых шипохвостых ящериц одна другой ярче: малиновая с золотистым гребнем, небесно-голубая с изумрудной головой, медно-красная в черную сеточку, фиолетовая в оранжевый горошек… В этом мельтешении фантастически разукрашенных тел совершенно потерялось одно — невзрачное, болотно-зеленое.

— Теперь другое дело, не правда ли? — сказал Мерфи, досыта насладившись произведенным эффектом. — Потрясающая рептилия! Очень пугливая — при малейшей опасности порождает фантомов. И не примитивные чернильные кляксы, как осьминог, а полноценные копии, только более красочные, чтобы затмить собой оригинал. Но главное — они умеют очень правдоподобно двигаться. Не знаю, как вы, а я нахожу лишь одно слово — чудо!

— Любите животных? — спросил Полак, тщетно пытаясь высмотреть среди фантомов настоящую ящерицу.

— Я люблю редкости, — поправил его Мерфи. — Тантал и рений — тоже редкость, но их можно встретить на любой планете, все дело в количестве. А прибрежный дракончик… Не берусь утверждать, что это самое уникальное животное в Галактике. Но на Стефании он, безусловно, представляет наибольшую ценность.

Полак снова пожевал губами.

— Вот как? — бросил он, отворачиваясь от террариума. — Большую, чем туземцы?

— Туземцы? — переспросил начальник Базы с таким выражением лица, будто услышал неприличное слово. — А что в них уникального, позвольте спросить? Банальная гуманоидная раса. Ладно бы технически продвинутая… Так нет же — самая примитивная, с которой и взять-то нечего.

Он вернулся к столу и, вновь усевшись в кресло, продолжил:

— Конечно, мы не можем делать вид, что их не существует. Увы, существуют и даже доставляют некоторые проблемы. Собственно говоря, потому-то я вас к себе и пригласил. Но с этим можно немного обождать. Вы лучше послушайте, с какими приключениями мои люди выследили и поймали дракончика! Это просто невероятно…

Ради приличия Полак мог попытаться хотя бы раз не перечить шефу. Но, видимо, органически не умел подлаживаться к начальству.

— Извините, — сказал он, кивнув на монитор. — Может быть, лучше мы понаблюдаем за «Протеем»? Мне кажется, сейчас будет

интересный момент.

* * *

Врага нельзя недооценивать — он коварен, многочислен и живуч. Помня об этом, «Протей» трижды пересек поле недавнего боя. Затем двинулся вдоль северной границы Территории. И на одном из примыкающих к защитному периметру участков, с виду совершенно голом, его сенсоры учуяли неладное.

Охотник завис в нескольких метрах от подозрительного места и оценил обстановку. Враг, несомненно, скрывался под землей и, судя по крайне слабому сигналу, засел необычайно глубоко. Он не имел ничего общего с «кротами» — те закапывались от силы на два-три метра и определялись без труда. Значит, новая модель — наверняка хитроумная и опасная. Ну что ж, тем интереснее будет ее поразить. Желательно — одним ударом, прямо в логове…

Сигнал дрожал, расплывался, временами совершенно затухая. Так и должно быть, если объект применил для маскировки сильный генератор помех. «Протей» сталкивался с этой проблемой, а потому подключил резервные сенсоры и увеличил мощность сканирующего луча. Но вражеский робот не стал дожидаться, когда его точные координаты поступят в мозг охотника.

Рядом с красным столбиком — одним из эмиттеров силового поля — словно взорвалась бомба. Из образовавшейся воронки выпрыгнуло блестящее веретенообразное тело. Оно тут же распалось на десятки веретенец поменьше, которые металлическим дождем посыпались на врага. Четыре из них каким-то чудом преодолели защиту охотника и, превратившись в ослепительные сгустки пламени, прожгли его корпус насквозь. Но остальные элементы смертоносного роя были пойманы системой перехвата и отброшены к самому периметру. Где и взорвались.

Первым делом «Протей» зарастил полученные в бою пробоины. Это было нетрудно. Затем, обогнув догорающие на земле веретенца, продолжил обход границы. А когда, обследовав весь периметр, вернулся к месту последней схватки, ему открылась удивительная картина.

Он, конечно, не раз наблюдал аборигенов, но, пока они находились по ту сторону границы, не проявлял к ним интереса. В поле зрения охотника редко попадало больше двух-трех зеленоватых фигурок, да и те быстро скрывались в зарослях уродливого шипастого кустарника. Однако сейчас загадочная сила выдавила их сквозь проходы в колючей стене к самым

красным столбикам. Туземцев собралось как никогда много — несколько сотен. И некоторые уже ступили на Территорию!

Охотник просканировал периметр и понял причину странного явления. Ну конечно — взорвавшись, вражеский рой повредил один из эмиттеров защитного поля. Кто-то из аборигенов обнаружил, что на этом участке невидимая стена исчезла, поделился своим открытием с соплеменниками, и те, бросив все дела, начали подтягиваться к бреши.

Это была серьезная проблема. И решить ее предстояло ему, «Протею».

* * *

— Скверно. — Мерфи нахмурился, и его крючковатый нос, казалось, загнулся еще больше. — Не думал, что это произойдет так быстро.

— Что именно? — не понял конструктор.

— Видите ли, Полак… У вас свой круг задач, и наблюдать, как поживают стефанийцы, в него не входит. Но у меня есть помощники, которые отслеживают обстановку. И недавно они сообщили, что ситуация заметно обострилась.

— Почему?

— Похоже, в резервациях начались… скажем так… трудности с продовольствием. Вы же знаете: с одной стороны у них голые скалы, на которых и былинки не растет, с другой — наша Территория. А на ней — остатки той дряни, которую они выращивали до нашего прихода. Немного, но какое-то время прокормиться можно. А там, глядишь, и в резервации что-нибудь вырастет. Так вот, если они прорвутся к нам в достаточном количестве, мы уже с этим ничего сделать не сможем. Причину вы знаете.

Полак кивнул. Шеф, конечно же, имел в виду последние события на Земле. Там наконец-то победили сторонники Галактического кодекса и, получив большинство в парламенте, уже высказались по Стефании. Мол, так и быть, согласны признать статус-кво, поскольку оно сложилось до нашего пришествия во власть. Но если аборигенам удастся самостоятельно занять свои исконные земли, то эти территории останутся за ними, а СКС должен будет уйти.

— Мы бы, конечно, нашли способ справиться с полуголыми туземцами, — продолжал Мерфи. — Но… Чертова «Ретанко»!

Ему было из-за чего злиться. Проиграв битву за Стефанию, конкуренты выторговали право сохранить здесь свою крошечную

базу. Якобы затем, чтобы контролировать ход ликвидационных работ, и еще для каких-то мелких надобностей. Боссы СКС не увидели в этом подвоха и согласились. Но теперь, когда значимость Галактического кодекса возросла, ситуация изменилась кардинально. Можно было не сомневаться: при малейшем подозрении на геноцид туземцев наблюдатели «Ретанко» с огромным удовольствием сообщат об этом на Землю. Наверное, для таких случаев их тут и держали…

— Я все понимаю, — сказал Полак. — Не понимаю одного: для чего вы пригласили меня к себе.

— Да-да, конечно. — Мерфи явно нервничал — таким взвинченным конструктор его еще не видел. — Как только помощники доложили мне обстановку, я задумался о последствиях. Разумеется, «Протей» не подведет. Думаю, сейчас мы увидим, как он вытеснит туземцев восвояси. Но в дальнейшем… Если они додумаются повредить эмиттеры и начнут штурм по всему периметру — ваш робот попросту не справится. Ведь убивать разумных существ он не имеет права, а больше эту шелупонь ничем не проймешь.

— Так вы хотите…

— Ну да — придумайте что-нибудь, чтобы избежать жертв, но надежно, раз и навсегда, оградить Территорию от аборигенов. Наверняка у вас есть какие-то наработки, идеи, которые можно быстро воплотить в железе.

Сделав паузу, Мерфи посмотрел на монитор — и неожиданно изменился в лице. Даже тугие щеки, казалось, обдрябли. Полак проследил за взглядом шефа, и от увиденного у него перехватило горло.

* * *

Стефанийцы, одетые в набедренные повязки из грубой бурой ткани, во многом походили на хозяев «Протея» — людей. От землян они отличались главным образом оливковым цветом кожи, почти треугольной формой лица и удлиненным разрезом глаз. Мужчин и женщин в толпе было примерно поровну. Многие женщины держали на руках детей. Одни малыши молча прижимались к материнской груди, другие плакали, растирая слезы крохотными кулачками.

У всех аборигенов были изможденные лица, а в глазах плескался страх.

Страх объяснялся просто. Еще бы не испугаться, увидев перед собой непобедимого робота-воина! Наверное, многие из

переступивших границу были бы рады повернуть обратно. Но сзади на них напирала толпа, огромная и неудержимая, словно ищущая спасения от чего-то кошмарного.

Что же касается истощенного вида — его причиной мог стать недостаток питания. Хотя «Протея» создавали с четко определенными целями, минимум сведений о стефанийцах у него все же был. Он знал, например, что не так давно туземцы населяли Территорию, возделывали несколько видов растений, включая злаки с узорчатыми листьями. Потом аборигенов вытеснили отсюда в интересах СКС. И это было правильно. Он сам одерживал победы не по глупой иррациональной прихоти, а во благо СКС. Что может быть прекраснее и достойнее, чем служить Союзу?

Однако сейчас аборигены вернулись. Зачем?

Охотник не должен задаваться этим вопросом. Его задача — восстановить статус-кво. Хозяевам нужна стабильность, а прорыв периметра дикой ордой — это вопиющий инцидент. Значит, надо включить собственное барьерное поле, уравновесить напор толпы, а затем постепенно выдавить ее за границу Территории. Это не так трудно — гораздо легче, чем уничтожить всего одного металлического монстра, вооруженного ракетами и лазерами. Затем останется только дождаться ремонтников, которые восстановят поврежденный эмиттер и вновь замкнут силовую защиту периметра. Вот и все. А что дальше будет с туземцами — не имеет значения. Какая напасть привела их сюда? Война, мор, голод? При желании можно узнать, но зачем? Пусть продолжают растирать слезы кулачками…

«Протей» приготовился задействовать барьерное поле — и вдруг почувствовал неладное. Дискомфорт ощущался в одном из многочисленных участков наноэлектронного мозга — контуре ЗС117.

Почему-то охотник обратил внимание на одну из женщин — с самым острым подбородком и туго обтянутыми кожей скулами. Она пошатывалась, а ребенок у нее на руках дрожал всем тельцем и постоянно всхлипывал.

Дискомфорт усилился. «Протей» попытался изолировать и отключить забарахливший контур, но не смог. Более того — та же проблема обнаружилась в двух соседних. Охотник попятился, словно на ясность его мышления могла повлиять близость нелепых зеленокожих существ в набедренных повязках. Но стало еще хуже — количество пошедших вразнос контуров неудержимо нарастало.

Вдруг ноги у женщины подкосились, и она начала беззвучно оседать на землю. Кто-то из стоящих рядом мужчин не дал ей

упасть, другой подхватил ребенка.

Эта незатейливая сценка произвела удивительный эффект: охотник почувствовал, что его сознание раздваивается. У одной половины управляющих ячеек сомнений не было — туземцев надо прогнать. Причем сделать это наиболее жестким способом, чтобы больше им в голову не пришло сунуться на Территорию. Другая половина противилась этому — вплоть до призыва к абсурдным действиям. В какой-то момент «Протей» поймал себя на нелепой мысли, что это он, могучий боевой робот, должен был поддержать ту женщину с ребенком!

Ощущение внутреннего разлада стало невыносимым. Охотник вновь попятился, затем, набирая скорость, устремился к центру Территории. И, пока летел, непрерывно трансформировался, принимал самые причудливые образы, будто надеясь, что от встряски обезумевшие контуры откажут окончательно и этим спасут здоровые.

У него ничего не вышло. Поняв, что спасения от раздвоенности нет, «Протей» прекратил борьбу. Он опустился на пятачок, заросший алыми цветами — яркое пятно, зажатое между уродливыми черными проплешинами. Затем перевел силовую установку в критический режим, отключил предохранительный контур и отдал команду на самоликвидацию.

* * *

— О дьявол! — простонал Мерфи, глядя в монитор, на котором клубилось, расползаясь в стороны, огромное дымовое облако. — Дьявол, дьявол, дьявол!

Он потянулся к графину, расплескивая воду, налил полстакана и залпом выпил. Затем повернулся к конструктору, и тот увидел, что у шефа дергается щека.

— Какого черта эта жестянка взорвала себя? Всего-то и надо было — вышвырнуть десятка два туземцев за периметр. Они же еще на Территорию как следует не ступили, у самой границы толклись! Шпики из «Ретанко» вовек бы не прикопались. Так нет — ваш железный идиот спокойно пропускает это отребье, а потом разлетается на атомы! Ну, чего молчите?

Полак отвернулся от монитора — смотреть на зловещее облако не было сил. Затем сухо ответил:

— Он не жестянка. И не идиот.

— Что-о?! — Мерфи встал и угрожающе наклонился вперед, упираясь в стол побелевшими костяшками пальцев. — Да вы отдаете себе отчет?.. Из-за вашей железяки толпа прорвалась на

Территорию, и сейчас там зеленых — как саранчи. А мерзавцы из «Ретанко» фиксируют их продвижение и пляшут от радости. Это конец, понимаете? Конец разработкам, конец всему! Нас вышвырнут с работы, безмозглый вы кретин! Считайте, уже вышвырнули!

— Не смейте на меня кричать, — брезгливо поморщившись, сказал Полак. — Мы теперь равны — оба безработные. Я мог бы просто плюнуть в вашу сторону и уйти. Но все-таки скажу. «Протей» — не железяка. Он — сложная саморазвивающаяся машина, способная даже на эмоции. Долго объяснять, поэтому поверьте на слово: весь набор уникальных свойств и позволял ему побеждать любого противника. А что произошло сейчас? Я сам не ожидал, но… Видимо, он развился до стадии, на которой начал задумываться об этической стороне своих поступков. Только вряд ли вы поймете это своим ограниченным умом.

После того, как Полак замолчал, Мерфи какое-то время беззвучно хватал ртом воздух. Потом сгреб со стола фигурку Вулкана, взвесил ее в руке и вдруг со всей силы запустил в террариум.

Суперглассовая стенка выдержала удар, но пугливой стефанийской ящерице пережить такой шок оказалось не под силу. Бедная рептилия взвизгнула и подскочила метра на полтора, выпуская прямо в воздухе хилых полупрозрачных фантомов. Затем шмякнулась на дно, судорожно заскребла лапками по гальке — и испустила дух.

Борис Богданов. Подарок для оригинала

00111

Всё случилось, когда Алекс спокойно сидел дома, читал внуку «Приключения Буратино» и параллельно размышлял, что подарить Грише Лонжину на день рождения. Гришка тот ещё пресыщенный оригинал, и абы что ему преподносить не стоило. Не тащить же очередную неведомую тварь с края Вселенной? Ему и так за годы напривозили целый зоопарк!

Вселенная мигнула, и стало ясно, что пора в путь. Алекс отложил книжку, поцеловал ребёнка в нос, развёл руками, кинув взгляд на жену, и спустился в ангар. Там он оживил давно стоявший без дела катер.

Его ждала планета «Ласковый дождь». Почему, неизвестно, но своей интуиции Алекс привык доверять.

01011

Учёные до сих пор не знают, когда, где и при каких условиях зарождается гипершторм. Только что в гипере царил штиль, и канал был свободен на сотню килопарсек, но вот впереди и чуть слева возник вихрь. Маленький, почти незаметный, совсем неопасный на вид, но… фатально неизбежный. Бороться с гиперштормом нельзя и убежать от него невозможно. Остаётся только смириться и ждать.

Алекс вздохнул. Кажется, на «Ласковый дождь» он не попадёт. И зачем он уволился из космофлота? Там у него под началом был целый дредноут. Он не спас бы от гипершторма, но, когда за спиной пять тысяч человек, как-то спокойнее. Додумать он не успел. Вихрь скачком вырос, заполнил весь мир, и Алекс потерял сознание.

00011

— Капитан… Капитан… Очнитесь, капитан.

Искин яхты хорошо знал своё дело. К тому времени, как Алекс привёл себя в порядок, а с возрастом возиться приходилось всё больше, яхта уже вышла на орбиту безымянной планеты в системе безымянной звезды. Во всяком случае, определить их

местоположение искин пока не сумел, а если этого не сделал он, то вряд ли Алекс сможет ему помочь.

— Ну? — хмуро поинтересовался Алекс, бросая полотенце на кресло. — Докладывай.

— Звезда класса С, — монотонно забубнил искин, — шесть планет. Мы находимся на орбите четвёртой. Расстояние до центрального светила одна и четыре сотых астрономической единицы, период обращения…

— Однако это практически Земля, — отметил Алекс, осознав цифры.

— Вы совершенно правы, капитан, — отозвался искин.

— Планета обитаема?

— С вероятностью одна вторая.

— Как это? — не понял Алекс.

— То ли обитаема, то ли нет, — ответил искин.

— Чего ты несёшь?!

Искин не ответил.

— Ну, знаете… — проворчал Алекс. — Сойти с ума и не встать. Ты что, обиделся?!

— Посадочная траектория готова, капитан, — смилостивился катер.

01010

Они сели на берегу мелкого солёного озера. В воздухе и воде — ни капли органики, под ногами мёртвый песок. Зато метрах в трёхстах впереди шумела листвой роща. Оч-чень интересно.

— Остаёшься за старшего, — буркнул Алекс.

— Да, капитан.

Катер всплыл над песком и включил маскировку, пропал. Не знаешь, где искать — не найдёшь. Алекс поправил рюкзак и зашагал в сторону рощи. Надо посмотреть, что тут творится, и почему планета то ли обитаема, то ли наоборот…

Обстановка сменилась внезапно. Только что скрипел под ногами песок, и вот уже башмаки скользят по перепревшей хвое. Встали по сторонам косматые ели, между ними заросли бузины, и радует взгляд ковёр из кислицы. А вот и юный ельничек дразнит свежей зеленью…

Алекс раздвинул руками лапник — и вышел на заросшую иван-чаем поляну. В дальней стороне поляны стоял стандартный экспедиционный модуль, какими комплектуют биостанции. Иллюминаторы модуля приветливо смотрели на мир створками-веками. Посередине поляны рос огромный, в полтора

человеческих роста, боровик. Из наплывов плоти на ножке выглядывало лицо Левия Матфея из древнего фильма про Сатану, в трещинах под ним угадывались буквы, Алекс сумел опознать «В», «Я» и «С». Пласты гименофора струили сытный грибной дух.

01110

На скамеечке под грибом сидел человек в форме навигатора. Звёзды и молнии в петлицах потускнели, форма истрепалась и носила следы небрежной починки. Навигатор без особого интереса смотрел на Алекса и слегка улыбался.

Дикая, совершенно невозможная ситуация! Ему не интересен человек из метрополии?!

Молчать не имело смысла.

— Добрый день, — сказал Алекс. — Алексей.

— Яков, — спокойно ответил человек, встал и пожал протянутую руку. — Обедать будете? Проголодались, наверное, да и не жарко, могли замёрзнуть слегка.

— Вот так сразу? — удивился Алекс. — И вам неинтересно, откуда?..

— Интересно, наверное, — пожал плечами Яков. — Только куда торопиться? Успеете ещё рассказать, вы тут надолго.

— Это почему?

Яков улыбнулся и поманил его за собой.

00001

Внутри модуля оказалась обычная деревенская изба: лавки вдоль стен, скоблёный до белизны пол, весёленькие занавески на окнах, русская печь справа от входа. Посредине — крепкий деревянный стол. И перегородка, из-за которой, заслышав скрип двери, вышел ещё один человек. В годах, с окладистой бородой — так изображали патриархальных крестьян, не хватало только хитро прищуренных глаз в лучиках морщин. Нет, человек смотрел обыденно, с понятным интересом.

— Здорово, Федот Янович, — сказал Яков, — вот, новёнького привёл.

— Скорее уж старенького, — не удержался Алекс. — Алексей Сергеевич, можно просто Алексей или даже Алекс.

— Тогда просто Федот. Но в наших делах вы всё равно новичок, — резонно ответил Федот Янович. — Рукомойник там, в углу, и милости просим за стол.

— А как?.. — начал Алекс.

— А после, — сказал Федот Янович. — Какой смысл на пустой желудок да с устатку? Завтра, Алекс.

01111

— Я на дежурстве тут, пока народ в поле, — рассказывал Федот, пока Алекс угощался сначала щами, потом божественно вкусной гречневой кашей. На третье подали ледяное молоко с шаньгами.

— У вас хороший синтезатор, — сказал Алекс, отвалившись. Живот был полон, даже дышать удавалось с трудом.

— Ни в коем случае! — запротестовал Федот. — Всё натуральное!

— И молоко? — не поверил Алекс. — Ы! Ох, простите.

— С молоком сложнее, — сказал Федот. — Вы по образованию кто?

— Ботаник, — ответил Алекс. — Только я давно…

— Не важно! — разулыбался Федот. — Вы всё вспомните, и вам понравится. Это как раз по вашей части, и гречиха, и молоко…

— Объясните, наконец, — потребовал Алекс, — что тут происходит? Откуда молоко, почему с ним сложнее? И почему я здесь вдруг надолго?

— Отсюда нельзя улететь, — ответил вернувшийся Яков. — Вернее, можно, но вы сами не захотите. Эта планета — мечта для учёного! Биосфера пластична и отзывчива, исследуй не хочу! Мы каждый набрали материалов не на одну диссертацию!

— Биосфера, — задумчиво повторил Алекс. — С вероятностью одна вторая…

— Что, простите? — спросил Федот.

— Это я так, мыслям, — ответил Алекс. — Где мне можно разместиться?

— Я объясню, — сказал Яков. — Пойдёмте, побуду ненадолго вашим гидом.

00101

Выйдя наружу, они завернули за угол. Здесь тропинка делилась на три.

— Слева, — рассказывал Яков, — все наши живут. Справа дорога к делянкам. Впереди просто лес. Можете или к нам, или в

новом месте дом построить, тогда вам прямо.

— Построить? — удивился Алекс. — Но как?

— Разберётесь, увидите, — уверенно сказал Яков. — Сейчас извините, дела, задержался я с вами.

Он улыбнулся и свернул направо. Алекс постоял, глядя Якову в спину. В голове была сумятица. Натуральные продукты на необитаемой планете, молоко, с которым всё сложнее, дом, который он должен построить сам — ведь его никто не пригласил погостить, ни сам Яков, ни Федот!

Будь что будет, решил Алекс, не зря же они так уверены? Во всяком случае, «аборигенам» незачем желать ему зла.

Миновав развилку, Алекс зашагал прямо.

11001

Ели и бузина как-то внезапно пропали. По сторонам встал березняк с редкими соснами. Дорогу пересёк ручей. По мостику Алекс перебрался на ту сторону… и замер, поражённый.

Здесь ручей поворачивал и широко разливался, и на мели нежились два кокодрила. Именно таких, какими их придумал маленький Лёша в далёком детстве! Жёлто-фиолетовых, зубастых, в панцире из костяных пластин, на мощных птичьих лапах. На приплюснутых головах кокодрилов колыхались от ветра кокетливые пучки перьев.

Что за чертовщина? Откуда звери из его фантазий на безымянной планете безымянной звезды?

«Сканирующее излучение низкой интенсивности, — ожил вдруг встроенный комм. — Блокировать?»

Вот как. Сам комм заблокировать постороннее вмешательство не догадался. Впрочем, это понятно, слишком слабая машинка, на самом деле, просто шлюз между ним и катером.

«Вас забрать, капитан?»

Ага, вот и катер прорезался.

«Что-то ты задержался», — подумал Алекс.

«Опасности не обнаружено», — ответил катер, и Алекс почувствовал в его интонации примесь обиды. Чёрт знает что творится, искины дуются! А всё его либерализм, давно пора в сервис, настройки править!

«Не надо в сервис, капитан, — сказал катер. — Я в норме».

«Ты ещё и боишься? — Алекс мысленно покачал головой. Ну и ну! — Не надо меня забирать. Опасности, как ты утверждаешь, не обнаружено. Сам разберусь».

«Я буду бдить, капитан».

Это что, юмор? Ну и ну!..

10011

Налетел ветер, притащил тучи, а с ними — нудный осенний дождик. Верно сказал Яков, не жарко тут. Пора дом строить, но как? Яков был так уверен, что он разберётся, значит, это что-то простое… А что может быть проще обычного желания?

«Пусть будет дом, — сам себя стесняясь, приказал Алекс, — хороший и удобный».

Глупость, конечно, с чего бы вдруг…

Кокодрилы в ручье насторожились, выбрались из воды и припустили прочь, высоко подкидывая голенастые лапы. Земля под ногами задрожала. Полянка в десяти шагах впереди зашевелилась, и траву пронзил сизый росток с берёзку толщиной.

— Опа! — только и сказал Алекс, а росток уже догнал окрестные деревья в росте и продолжал набирать высоту. Два обхвата, три обхвата… Алекс попятился. Далеко в вышине распустились перистые листья, гладкий ствол загрубел, его изрезали трещины и рытвины, в каждой из которых мог бы поместиться человек. На высоте нескольких десятков метров выросли поперечные сучья, от них устремились к земле многочисленные воздушные корни. Переплелись, выпустили корешки помельче, задеревенели, замерли.

Стали лестницей, которая вела вверх.

00010

Недвусмысленное приглашение.

Именно это он и ожидал увидеть внутри. Ковёр из трав под ногами, перегородки из сплетённых ветвей с бархатистой корой, моховое ложе, три бассейна с чистой водой — тёплой, прохладной и ледяной, прозрачный потолок, за которым мерно шумела крона…

Запахи листвы и цветов: спокойные, неяркие, расслабляющие.

И стена напротив ложа, живая плоть дерева, а на ней барельеф — женское лицо. Идеальное, неповторимое, единственное.

— Это уже слишком, — сказал, отворачиваясь, Алекс.

Бассейны манили. Алекс не стал сопротивляться, забрался в тёплую воду и закрыл глаза.

Всё это уже было. И мхи, и ароматы, и трудолюбивые

существа в воде, которые сейчас щекотно очищали его кожу. И женское лицо, только настоящее и живое.

Когда Алекс открыл глаза, барельеф на стене уже исчез.

10111

Утром возле дерева-дома Алекса ждал Яков.

— Неплохо устроились, — произнёс он. — Даже завидно немного.

— Не обманывайте, — улыбнулся в ответ Алекс. — Ясно же, что каждый строит жилище по себе.

— Так я и сказал — немного, — не стал спорить Яков. — Вы уже позавтракали? Нет? Тогда пойдёмте, перекусите, потом познакомитесь с остальными и…

— Что?

— Выберете себе делянку.

— Это обязательно? — спросил Алекс.

— Нет, конечно, — удивился Яков. — Но какой смысл жить без делянки? Без лаборатории, студии, без дела? Вы умрёте с тоски.

— Я всё-таки надеюсь улететь.

— Ну, не знаю, — с сомнением проговорил Яков. — Местное скопление звёзд окружают пылевые облака, которые мешают навигации. Да и зачем улетать? Жить и работать здесь счастье!

Яков говорил так убеждённо, так сияли его глаза, что Алекс не решился спорить.

00100

Сегодня дежурила интеллигентная дама неопределённых лет, назвавшаяся Эллой Эдуардовной — «Элла, что вы, просто Элла!». Она с улыбкой поставила перед Алексом тарелку с сырниками и кружку чая. Сырники напомнили Алексу детство — пышные, с шапкой из густой сметаны. Отдельно в блюдечке его ждал мёд.

— Но мёд-то синтетический? — спросил Алекс. — Не видел у вас ни пчёл, ни даже мух.

— Натуральный, — засмеялась Элла. — У нас ничего искусственного, всё природное!

— Я тут с вами растолстею, — сказал чуть погодя Алекс, отодвигая пустую посуду. — Очень вкусно, очень!

Элла ничего не ответила, но было видно, что ей приятно. Не баловали, похоже, её похвалами местные. Привыкли?

— Где остальные, кстати? — спросил Алекс. — Яков обещал меня познакомить…

— Вы что, они давно на делянках! — снова засмеялась Элла. — Знаете, какое это удовольствие — работать здесь? Все чуть свет сорвались, вы только спите. Но я обещаю, — она заговорщицки понизила голос, — вы скоро станете таким же!

10111

Гриб-боровик напротив модуля стоял скособоченный, Левий Матфей смотрел недовольно и, кажется, немного испуганно.

— Что с ним? — спросил Алекс.

— Пройдёт! — отмахнулся Яков. — Пойдёмте уже, у меня столько работы!

На полпути к делянкам тропинку им загородил огромный, примерно с собаку, двутелый и двухголовый муравей. Смотрел в две пары буркал, щёлкал двойным набором лакированных жвал, выгибал кверху оба брюшка.

— Вот это да… — потрясённо проговорил Алекс. — Откуда такая химера?

— Мишка Вольпин развлекается, — оскалился Яков. — Любит с членистоногими возиться, хочет их к работам приспособить. Подать, там, принести. Всякое, в общем… Кыш! Поди прочь, глупый!

Муравей пошевелил всеми усиками, проскрипел что-то невнятное и неохотно убрался в кусты.

— Он говорящий?! — не поверил Алекс.

— Мишка тот ещё юморист, — ответил Яков. — Мы пришли уже, знакомьтесь, располагайтесь!

Очень занятой человек…

00000

Федота Яновича они обнаружили возле рощицы из суккулентов. Каких тут только ни было! И агавы самых разных форм и расцветок, кактусы, алое, псевдолитосы, стапелии и многое другое. Глаза разбегались. Федот с ведром сидел около гигантской русхии. Ствол растения пестрел поперечными бороздками, как у гевеи, и по ним сочился густой белый сок.

— Каучук? — спросил Алекс.

— Каучук это скучно, — усмехнулся Федот. — Молоко. Вы вчера пили. Вкусно?

— Гхм… — поперхнулся Алекс. — Вообще, да. Но как вы добились? И зачем?

— Проще, — ответил Федот. — С коровами хлопоты, а тут само растёт. Вы знаете…

Он пустился в объяснения. Говорил увлечённо, с жаром, и очень скоро Алекс потерялся в терминах и методиках. Немножко обидно, но он давно не биолог и многое подзабыл. Привлекать комм Алекс не стал, неспортивно это.

10001

Всего на делянках работало десятка полтора человек. Люди подходили, здоровались, представлялись, жали Алексу руку — и спешили откланяться. Их ждала работа, им не терпелось, а Алекс… С ним они успеют познакомиться, ведь он здесь надолго, даже навсегда, какой же чудак покинет место, где так здорово работается?

Здорово работается… Захотелось работать! Работать, исследовать, творить! Захотелось так, что зачесались ладони!

— Где я могу?.. — начал Алекс.

— Выбирайте любое свободное место. — Федот посмотрел с добродушной улыбкой. Ещё бы, одним увлечённым человеком стало больше, а как же иначе? — Пишите план, или не пишите, как вам больше нравится. Подавайте заявку на приборы и оборудование — и вперёд!

— Кому подавать?

— Корабельному мозгу, конечно! — удивился Федот его непонятливости. — Экспедиционный мозг в полном порядке, синтезаторы тоже, как бы мы иначе выжили здесь?

— Да-да, конечно, — смутился Алекс, — так я пойду?

11000

Подходящий участок нашёлся быстро.

Ручей, каменистый берег, валуны. Вверху, над обрывом трепещет под ветром серебристый осинник. Хорошо! Что он может сделать, как применит свои способности?

Алекс выбрал валун поровнее, сел, задумался. В голове мельтешили образы из прошлого. Вот его первое дело, почти случайное, но его заметили тогда…

Память не подвела, и планета откликнулась. Песок под ногами зашевелился, оттуда полезли жуки-могильщики и, не

найдя добычи, распались прахом. Обрыв задрожал, пласты грунта осыпались, и показались сначала лапы-лопаты, а за ними бронированная лягушачья морда чуть не двух метров в ширину. Огромное земноводное выползло наружу и степенно прошествовало мимо, едва не задев Алекса гребенчатым хвостом. В роще загудело, и оттуда спикировала эскадрилья маленьких, не больше ладони летающих тарелочек. Влетев в облако паров спирта, тарелочки пожелтели, распались на половинки и осыпались в подставленное ведро, наполнив воздух восхитительных грибным духом. Берег обернулся моховым болотом, и над окнами чистой …воды? всплыли миллионы пузырей. Ветер подхватил их, потащил куда-то… И снова ручей и пустынный берег. Обидно, господин полный адмирал и почётный экселенц-майор Агентства. Чем ты заполнил жизнь, что даже не можешь придумать, над чем работать?!

00110

«Попытка мотивирующего воздействия», — прозвучал в голове голос катера.

«Сам понял, — отозвался Алекс. — Ты выяснил, чьи это шутки?»

«Так точно, кэп! Цифровой профиль излучения соответствует корабельному мозгу типа «Разум-22», номер в серии — четырнадцать».

Алекс помнил эту серию. Перспективная модель, большие надежды на неё возлагали. Нестандартные подходы на основании мышления хтойнов, нечёткие логики, завидный параллелизм. Но… Искины этой серии оказались нестабильны и склонны к суперфиксации. Попросту говоря, легко сходили с ума.

«Местоположение этого умника обнаружил? — спросил у катера Алекс, вставая. — Пора познакомиться с этим любителем науки».

«Да, капитан. Даю на комм целеуказание».

В поле зрения замигала зелёная стрелка.

01000

Ландшафты здесь менялись быстро и прихотливо. За лесом средней полосы оказалась промороженная тундра, её сменил опять лес, но теперь тропический дождевой. Потом степь, а за ней скалы с крикливым птичьим базаром. Над обрывом до горизонта

синел океан.

И снова лес, за ним болото с кривыми берёзками, кочками цветущего багульника и окнами чёрной воды, манившими бездонной глубиной и вечным забвением. Дальний край болота терялся в тумане, а посередине, на морошковом холме стоял стандартный исследовательский фрегат типа «Следопыт».

Ничего примечательного: две тысячи тонн грузоподъёмности, экипаж — вместе с пассажирами — двадцать четыре человека, автономность до трёх лет, дальность действия до двенадцати килопарсек. Корпус фрегата был приподнят на посадочных опорах, но от открытого люка спускался к земле парадный трап.

10110

Внутри фрегата Алекса встретила пыльная тишина и…

…Кто любит прохлаждаться, тому в хвосте оставаться!

…Кто труд любит, долго спать не будет!!

…Без труда не вытянешь и рыбку из пруда!!!

Ментальный удар был столь силен, что Алекс пригнулся, рефлекторно вскинув руки к голове. Искин фрегата удовлетворённо усмехнулся — невидимо и неслышимо, но именно так воспринял Алекс случившуюся заминку — и продолжил с воодушевлением:

…Какие труды, такие и плоды!

…Всякий труд достоин награды!!

…Если труд — удовольствие, то жизнь — наслаждение!!!

Одновременно усилилось давление на мозг, но катер уже поставил блок, да и самого Алекса было не так легко подчинить.

— Работа не волк, в лес не убежит, — буркнул он.

Фрегат обескураженно замер.

— Лодырь в цехе, что трус в бою: оба позорят свою страну… — нерешительно возразил он.

— У лодыря ни гроша, у колхозника жизнь хороша, — язвительно ответил Алекс.

— Гм… Но разве… — начал было искин.

— Отставить! — прикрикнул на него Алекс. — Считай коды доступа с моего комма, живо!

01001

Любой интеллект любопытен, искусственный — тем более. Искин фрегата не смог удержаться, а потом… потом полномочия

полного адмирала и экселенц-офицера получили безусловный приоритет.

Ментальное давление исчезло, оставив после себя непривычную пустоту. Оказывается, давление сопровождало Алекса с первой минуты, с того мига, как он покинул катер. Интересно, куда смотрел искин катера? Но с этим можно разобраться потом.

— Слушаюсь и повинуюсь, масса, — произнёс фрегат.

Надо же, он ёрничает! Сильная, однако, штука, этот «Разум-22/14»!

— Доложи обстановку, — приказал Алекс.

— Степень детализации?

— Конспективно.

— Слушаюсь, — ответил фрегат. — Экспедиция Южно-европейской академии наук…

Алекс поджал губы. Южно-европейская академия располагалась в Тиране и пользовалась известной самостоятельностью. Вот и допользовались…

— …стартовала 7-го июля 2*** года, — продолжал тем временем фрегат. — Начальник экспедиции Федот Янович Смелых, научный руководитель Элла Эдуардовна Смехова, главный квартирмейстер…

— Достаточно персоналий, — прервал его Алекс. — Цель?

— Поиск землеподобных планет в районе гиперворот «Ласкового дождя», исследование биосферы.

— Дальше!

— Гипершторм… внезапный, — запнулся Разум-22/14. — Нас вынесло сюда. Определить координаты поначалу не удалось.

— Сейчас ты определился? — быстро спросил Алекс.

— Да.

— Почему не доложил руководителю экспедиции?!

— Руководство в курсе, — обиженно произнёс фрегат. — Они отказались улетать.

101000

— Почему?! — удивился Алекс.

— Здесь они счастливы, — ответил фрегат. — Здесь все мы счастливы, и я тоже! Здесь можно работать, изучать, создавать, творить!

Он заговорил несвязно.

— Новые формы живых существ… Невероятная свобода эксперимента… Небывалые перспективы!.. Новые направления…

свобода… свобода…

Свобода! Ни на кого не оглядываться, творить! Кто сможет ему приказать? Агентство? Он в отставке. Космофлот? Он в отставке! О чём он думает, в чём сомневается?! Работать, скорее работать, творить, создавать!..

«Капитан!.. Капитан! — прорвался сквозь восторженный туман голос катера. — Сильнейшее мотивирующее воздействие! Я не могу его больше сдерживать!».

— Ты прав, прав! — выдохнул Алекс. — Я ухожу работать!

10010

Снаружи Алекс рухнул в первую же моховую кочку. Штаны сразу же промокли, но это было хорошо, холодная вода помогла рассеяться наведённой эйфории. Та уходила медленно и блаженно, как зубная боль.

«Капитан?»

— Я в норме, — отозвался Алекс. — Ты выяснил, в чём дело?

«Так точно, капитан. Гигантские залежи самородного энергона сформировали мощнейшую силовую линзу. Никаких чудес, капитан. Нестабильный мозг фрегата плюс информационный конвертор, который входит в стандартный инструментарий дальних экспедиций».

Свежеиспечённый искин простодушен и неопытен как подросток. «Разум-22/14» нашёл силовую линзу и осознал: он может всё. Но что ему теперь делать? Нельзя ничего не делать, если в силах! Как несправедливо, что ему запрещено иметь собственные цели! Искин погрузился в самоедство. Он не винил своих создателей, он винил себя, но не мог понять, почему. На этом и зациклился. Бедный «Разум-22/14»… Дальше понятно. Кто-то из учёных посетовал, что планета, куда их занесло, необитаема, и как бы он хотел увидеть хоть что-то живое… Фрегат радостно воспользовался конвертором — и исполнил его желание. Наверное, его пытались образумить, но не слишком искренне. Учёные тоже как дети, только конфетки у них другие.

01100

— Конечно, мы можем улететь в любой момент, — сказал Федот Янович. — Только никто не согласится.

— Но почему?!

— Вы приземлённый тип, мой друг, — махнул рукой

Смелых, — слишком рациональный. Правильно, что вы ушли из науки. Вам там нечего делать.

— Ну, знаете… — пробормотал Алекс.

— Не обижайтесь, — Федот Янович коснулся его плеча, — вы сами понимаете, что это правда.

— То есть, вы решили?

— Да, — твёрдо сказал Смелых. — Мы остаёмся.

— Но ведь это всё неправда! — не выдержал Алекс. — При чём тут наука? Это всё ненастоящее, вы это придумали, даже не вы сами, а ваш фрегат!

Федот Янович улыбнулся.

— Конечно, мозг фрегата пытается на нас влиять. Но это ерунда, человек сильнее машины и всегда решает сам.

01101

Безымянная планета у безымянной звезды проплывала у Алекса под ногами. Катер снимал доступные параметры, прецессируя орбиту. Раз в несколько витков внизу мелькал оазис счастливых естествоиспытателей, и снова тянулись жёлто-коричневые пустоши с редкими вкраплениями мёртвых солёных озёр.

— Ты уверен, что системы нет в каталоге? — спросил Алекс.

— Абсолютно, капитан, — ответил катер.

— Значит, залежи энергона пока ничьи…

— Ваши, капитан, — ответил катер, и в его голосе Алекс уловил самодовольство. — Заявку я уже подготовил и отправил.

— Ты меня пугаешь, — передёрнул плечами Алекс. — У тебя всё в порядке? Силовые линзы, между прочим, пагубно влияют на вашего брата.

— Обижаете, капитан! Я просто хорошо вас знаю, — ответил катер. — Приготовьтесь, входим в канал. До Земли примерно пять часов гипера.

10000

Передвижение в гипере — самая скучная часть космического путешествия. За бортом не на что смотреть, и никак не помочь искину катера. Зато можно выспаться. Алекс так и сделал. Он уже дремал, когда понял, что подарит Лонжину.

Координаты безымянной планеты у безымянной звезды! Пусть сам сотворит себе подарок.

И пусть не говорит, что его не предупреждали.

Наталья Духина. Ванька-встанька

Вот зачем ему позвонили? Властный незнакомый голос предупредил об обязательной явке сегодня вечером. Он и так бы пошёл. Но раз позвонили — значит… офигеть, неужели? Почему бы и нет, он достоин! Но трепаться не стоит, особенно жене. Беременной. Ей категорически нельзя нервничать. Всё хорошо, всё нормально… руки спрятать, а то трясутся.

Мария сочувственно глядела на мужа — волнуется, переживает. Излишнюю его возбуждённость списывала на грядущее мероприятие: выпускникам физического факультета сегодня вручают дипломы, ожидается торжественное собрание с поздравлениями и подарками. Её Петя — физико-математический гений, мировую олимпиаду среди студентов два года подряд выигрывал; первым номером закрывает сразу три кафедры! Ясно, что наградят, вопрос — чем? Бывали случаи, особо отличившимся прямо на собрании вручали та-акое предложение по работе… сразу со служебной квартирой! — Мария зажмурилась в предвкушении. Своё жильё — предел мечтаний. Говорят, когда-то в прошлом народ побогаче жил, у каждого чуть не свой дом… Малыш пихнул ножкой — привёл маму в чувство.

Гений разглядывал потолок, зачем-то сунув руки под стол и оставив нетронутым бутерброд.

— Одеваться пора, — вздохнула она. Тревожно… может, того? Пора? Да ну, две недели ещё до родов.

— Давай. Я уже.

— Не-е, в таком виде я с тобой не пойду. У меня платье нарядное, а ты… Костюм и галстук! — вернула его на землю, хватит потолки изучать.

— Но, Маш…

— Костюм и галстук, сказала!

То, чего Пётр отчаянно ждал и одновременно боялся — свершилось.

В конце собрания на сцену вышел представительный, одетый с иголочки мужчина и торжественно объявил: Большое Жюри, рассмотрев очередной пул кандидатов, остановило свой выбор на Петрове Петре Ивановиче. Ему предлагают Шар!

Новость произвела фурор, зал забурлил. Чтобы новоиспечённому специалисту — и сразу Шар! — случай из ряда вон.

— Беру! — крикнул Пётр и пошагал на сцену. Бумагу подписал, не читая — он уже всё обдумал.

Владеть Шаром — означало получить в собственное распоряжение лабораторию, оборудованную по последнему слову техники, и карт-бланш на исследования с неограниченным кредитом в Банке. В основном, за место под солнцем боролись организации; одиночек, владевших Шарами, в мире насчитывалось не более сотни. Выстроить с нуля собственную мини-Вселенную — процесс ювелирный, в придачу к знаниям не мешает иметь в союзниках и удачу, иначе ёкнется Шар, а вместе с ним и преференции. У него получится!

До идеи он додумался ещё студентом: будешь думать, когда в обществе нездоровый ажиотаж на этой почве. Чуть недотянешь лямбду, космологическую постоянную в уравнении Эйнштейна, — система сдуется и самоуничтожится, перетянешь — процесс пойдёт в сторону бесконечного роста, что опять же приведёт к краху жизни. Как найти золотую середину? А если организовать обратную связь, чтобы система сама себя контролировала? Лямбда, по идее, описывает свойства тёмной энергии — кому как не её носителю и разбираться в своём царстве… вот она, идея. Наделить тёмную материю способностью к анализу и свершению действий. Фактически, то ведь Разум… Никому не сказал студент об идее — для себя оставил.

События развивались стремительно. Уже на следующий день семью с нехитрым скарбом переместили в дом-лабораторию на территорию наукограда, отделённого от остального мира стеной под высоким напряжением и свирепыми охранниками на входе. Тем же вечером, сигналя на всю округу, подъехал грозный броневик, и военные, чеканя шаг, внесли в дом Шар. Тут же и активировали. Проверили — нормально включился? И ушли, оставив потрясённых хозяев наедине с достоянием.

У них свой дом! и Шар! Мария настолько разволновалась от невероятных событий, что этой же ночью родила, не дотянув до положенного срока.

Дочку назвали Яной. А Шар — Иваном. С именем угадали: малыш демонстрировал удивительную способность оставаться невредимым после падений, словно Ванька-встанька.

Колыбель дочери поставили рядом с люлькой Шара, не метаться же из комнаты в комнату от одной к другому. Да и дети вели себя лучше, когда бок о бок: Янка прекращала плакать, заворожено взирая на игру бликов и вслушиваясь в бульканье, а Шар меньше тупил и легче переносил насильственные процедуры, которым его то и дело подвергал хозяин. Хозяин? — скорее, отец. Как-то само собой получилось, что Иван стал членом семьи.

Наполнением Шара Петров занимался единолично, создание

Вселенной — дело интимное. Основным постулатом ввёл заботу о материи и жизни, в качестве нулевого приближения — все те знания, которыми овладело человечество.

Каждый второй обладатель Шара, не мудрствуя, списывал с окружающей реальности законы, выложенные в общий доступ, бери и качай — хоть в общем виде, хоть в упрощённом. Ноу-хау Петрова крылось в поправках: ни одну из них он не определил константой. Поправки могли меняться. Более того, меняться могли и сами уравнения, и их количество… весь набор. Нулевое приближение — оно лишь начало. Вход. А дальше… дальше будет учить Шар думать, прежде всего — как не наломать дров.

Работать Пётр предпочитал в одиночестве. Не нужны ему в доме посторонние. Пусть там, в организациях, работают сообща и толпой, а он желает сам. По крайней мере — на начальном этапе. Одного лишь сотрудника и оформил на максимальную ставку — свою жену, когда она защитила, наконец, диплом через год после него.

— Ты знаешь, а они общаются между собой. Ругаются, мирятся. И вообще, какой он Шар! Он — ребёнок! Подрались сегодня… — пожаловалась как-то жена, приобняв мужа.

— Подрались? — напрягся муж, сонливость как рукой сняло. — И кто победил?

— А никто. Поплакали — помирились.

— Да мерещится тебе, — буркнул он и повернулся на другой бок. — Сказочница!

Но нет, не спалось. Общаются… скажет тоже… Петров поднялся и пошлёпал в детскую.

В лунном свете, сочившемся сквозь окно, разглядел: дети лежали в обнимку и дружно сопели. Чтоб Янке легче обнимать, Иван обратился объёмной «восьмёркой», её рука как раз охватывала его посередине. А отцу — для воссоздания той же «восьмёрки» — приходилось инициировать блок команд, неделя как минимум! Фантастика!

У Петра кольнуло на сердце. Не допускает ли он ошибку, связав их жизни? Разве можно настолько переплетать? Вопрос стал перед ним всей своей неприятной сущностью. Неприятной — потому что ответ заранее известен: нельзя. Нельзя! Но оно уже завязалось. И что дальше? Резать — по живому?

Попробует разводить постепенно. Что дети в два года понимать могут… поплачут и успокоятся.

— Зря ты их по разным этажам! — бросила мужу недовольная Мария.

Последствия ему тоже не нравились. Яна болеть начала. Ваня в хандру впал, тормозил на простейших задачах. И с каждым днём обоим всё хуже и хуже…

— Перетерпим! — насупился Пётр. И по делам уехал.

А вернувшись вечером, застал домочадцев всех вместе дружной компанией.

— Ну не могу я… не разорваться! Она тут орёт, он там… Зачем? Глупо! Я и… Понимаешь, Петь, ей сразу лучше! Температура спала! Ты не морщись, не морщись! Ты лоб потрогай! Потрогай, сказала!

Чего трогать, и без того видно… сияния глаз не скроешь. Детишки сидели рядом и таращились на него. Понимали — решалась их судьба, как папа решит, так и будет.

— То есть… ты считаешь… Подумай, прежде, т хорошо подумай. Им что — вдвоём — лучше?

— Да. Лучше! — не сомневалась она ни секунды.

— Ох, Мария… Ну не знаю я. Не знаю!

Дети, почуяв слабину, взяли папу в оборот — повисли с двух сторон. Ладные такие оба, послушные… И Пётр не устоял. Лишь рукой махнул — делайте что хотите. Пусть, чего уж теперь…

В семь лет Ивана забрали на первое испытание — турнир новичков. Уж как Петров не отбивался, мол, пусть подрастёт… Куратор вежливо объяснил: раз в семь лет сыграть на турнире — святая обязанность, нарушать не дозволено никому. Хорошо хоть, по новичкам записали, а то могли и в реальную мясорубку Большого Турнира, академии отправляли подопечных туда чуть не с пелёнок. На обкатку. Но Петров знал: не готов Ваня. Нет, структура и сила в норме, но… Существовал ещё некий фактор: духовно-эмоциональное развитие. Означенное развитие шло у Шара вровень с Янкиным, ни на йоту быстрее. Притом, что обычную информацию заглатывал террабайтами! Столь резкий диссонанс удивлял Петрова. Но оттого факт не переставал быть фактом. А что он хотел, разум вправе быть своевольным…

Опасался за Ваньку, а головную боль получил от Янки. Захандрила, оставшись одна, неприкаянно бродила по дому, успеваемость в школе резко снизилась. Отец поставил условие: будешь плохо учиться — не буду брать с собой в зрительный зал. Оценки сразу улучшились, но настроение — нет.

Ваня пришёл к финишу десятым. Пётр, привыкший к победам, утешал себя: десятый из сотни малышей — неплохой результат. Но в глубине души знал — плохой. Потому что не участвовали продвинутые малыши — те самые, которых сразу в Большой Турнир.

Пришло время делать выводы. Пора подключать специалистов, одному тянуть дальше глупо. И пора рвать сентиментальные узы, разом и наотмашь.

По окончании турнира он отвёз Шар на новое место жительства — в лабораторию. Познакомил с сотрудниками. Отводя глаза, объявил, что жить Ваня теперь будет здесь.

И началось «веселье». Ванька-встанька забастовал — отказался принимать в себя информацию. Любую. Выплёвывал, не глядя. И Янка замкнулась, объявила бойкот, на уроках в школе изображала мумию. Потом слегла с нервным срывом, не выдержав напряжения. Это в семь-то лет!

Жена причитала, хваталась за голову — кто прав, кому верить? В конце концов, приняла сторону детей.

И Петров сдался. Проиграл, чего уж, раз Мария тоже против.

Предложил компромисс: он возвращает Шар в семью, но Иван тоже, как и Яна, начнёт ходить «в школу»: с утра его будут перемещать в лабораторию, вечером возвращать. Условие одно: дети перестают действовать ему на нервы, живут нормально, хорошо учатся.

Родные приняли компромисс на «ура».

И — возродилась фениксом Яна; Иван помчал громадными шагами, догнал и перегнал программу, целый штат научных сотрудников не успевал за ним угнаться.

И что после такого думать? Петров и не думал. Просто работал, хватит с него раздумий, что заложено — то и выросло. Назад не воротишь.

Не прошло четырёх лет, как Ивана снова вызвали на игру.

Петров возмутился было — как так, почему, семь лет ведь обещали не трогать! — Тщетно. Всеобщая мобилизация. В Большой Турнир забрили всех подчистую. Очередная изюминка организаторов? — недоумевал Пётр. Каждый год устраивали турниры, и всегда, юмористы, чего-нибудь эдакое придумывали, неожиданное… чтобы не расслаблялись создатели, не по шаблону творили. Может, к лучшему? Отыграют — поедут отдыхать, сколько можно работать без продыху! Мир посмотрят. Ваньку с собой возьмут. Мальчик уже не был беспомощным шариком, мог не только за себя постоять, а и защитить родных. Но афишировать внешние умения не стоит: организаторов интересует исключительно внутреннее содержание.

За перипетиями первого тура Петров следил внимательно. Интересовался не только своей группой, но и соседними. Нагляделся… Понастроили экзотических Вселенных, клоуны! Кореец, к примеру, убрал гравитацию как класс — так его Шар

первым и гикнулся. Норвежец, наоборот, ввёл усложнённую тензорную гравитацию — сие многомерное чудо тоже продержалось недолго. «Дилетанты надутые, возомнили себя умней природы!» — с чувством удовлетворения наблюдал за провалом чудиков.

Первый тур Иван отыграл достойно: вышел из группы в Финал. Всего отобралось триста Шаров — и это по всей Солнечной системе. Иван по набранным очкам занимал место в середине — вполне приличный для новичка результат. Петров довольно потирал руки — финалистов в любом случае поощрят щедрыми бонусами, не зря трудились! Маячивший на горизонте отпуск обрёл чёткие очертания.

Но до признанных гуру оставалось как до Луны. Первая десятка превосходила Ваньку настолько, насколько финалисты чемпионата мира по футболу — какой-нибудь заштатный сельский клуб. Катаклизмы Иван преодолевал ощутимо дольше. Ну так, молодой ещё, неопытный… зато с выдумкой пацан работал, что ни решение — нестандартный подход.

И тут организаторы объявили: Финал будет закрытым, без зрителей и комментариев. Как долго? — сколько потребуется, столько и долго.

Это уже не изюминка, а бзик! — единодушно решили хозяева Шаров. Но поделать ничего не смогли.

Месяц — целый месяц! — пытали финалистов за закрытыми дверями. Без единого бита информации о ходе турнира. На Шары — особенно на лидеров — завязано столько народу! Благополучие миллионов напрямую зависело от занятого Шаром места, а с учётом всех ниточек — так и миллиардов. А организаторы молчали! Мир с ума сходил, гадая… поневоле в головах начнёт зреть возмущение. Янка написала письмо президенту с просьбой выпустить Ваню — нуль эффекта.

Зачем они вообще нужны, Шары? Сто лет назад вдруг пошло поветрие, человечество будто помешалось на новой игрушке. Раньше без них жили — и нормально, думать не думали о каких-то мини-Вселенных. А потом объявились злобные инопланетяне… в глаза их никто не видел, но учёные утверждали — враг близко. Человечеству необходимо поумнеть! Шары совершенствуют мозги подобно тому, как спорт — тела! Народ, однако, воспринимал Шары скорее за бойцовых петухов, чем ускорителей мозга, ставки в тотализаторе зашкаливали. На инопланетян списали и всеобщее обнищание — необходимо копить резервы к будущим битвам.

…Наконец, создателей пригласили во Дворец для оглашения итогов.

Мысли Петрова беспорядочно метались, перескакивая с одного на другое. Сидел, развалившись в кресле, старательно делая вид, что спокоен. Спокоен! Созерцал окружающую обстановку в стиле ампир, дивился на громадных размеров старинную люстру и тяжёлый бархатный занавес. Коллеги неестественно громко переговаривались, лучась притворными улыбками. Разлитое в воздухе напряжение, казалось, того и гляди выжжет здесь всё напалмом.

Колыхнулась портьера, на сцену выплыл председатель Большого Жюри, кряжистый, уверенный в себе мужчина. Бодро поздравил присутствующих и, опустив глаза, замялся. Хотел было продолжить, но закашлялся, подавившись словами. По залу прокатился вздох — плохая примета!

Оратор взял себя в руки, сосредоточился и с расстановкой произнёс:

— Чемпионом… впервые… становится… Шар Петрова! Новичок обошёл всех! — голос председателя взвился сочным крещендо и кинжальным ударом пронизал мозги болельщиков, с нетерпением ожидавших вердикта во всех уголках Солнечной системы.

Петров, потрясённый, откинулся на спинку кресла, помотал головой и подёргал себя за волосы. Не ожидал, никак не ожидал… занимать перед финалом место во второй сотне… сотне! — и победить? Невозможно! А где же корифеи… первая десятка — где?

Зал недоумевал вместе с ним, провожая пробиравшегося с задних рядов к сцене учёного недовольным перешёптыванием. Неизвестный выскочка сорвал главный куш! Неслыханно!

— Благодарю Высокое Жюри за оказанное доверие, победу посвящаю жене и дочери, главным помощникам, — всего-то и выдавил в микрофон победитель.

Мёртвая тишина была ему ответом.

Ах, так! Не нравится? Петров усмехнулся, прищурился и, расправив плечи, гордо прошествовал за кулисы.

Его долговязая фигура смотрится мелко на внушительных размеров сцене, — подумалось почему-то. Столь же мелким — несерьёзным, ошибочным! — представлялось решение Жюри.

Слов председателя — что на этом всё, награждённых больше не будет — Петров не услышал. Последовавший свист и улюлюканье принял на свой счёт и, окончательно разобидевшись, покинул дворец. Направился в Центр, где и проходило, собственно, соревнование. В мозгу будто дрель бесилась, высверливая разум, ещё немного — и черепушка расколется. Достаточно! Прочь эмоции!

Непривычная тишина в вечно гудящем Центре насторожила, но не испугала. Охранники на всех подряд постах вытягивались и почтительно расступались, пропуская.

А вот и «пыточная» — так окрестили участники терминал, где проходил Финал.

Бронированные двери распахнулись, он вошёл и… окаменел.

На полу вповалку валялись расплавленные ошмётки, причудливо изогнутая арматура, вывернутые наизнанку оболочки. Останки Вселенных, словно хлам на чердаке.

И лишь в центре на постаменте высился Шар, сохранивший форму. Ваня?

Накатила слабость. Бледный, на подгибающихся ногах Петров поковылял вперёд. Скрежещущий хруст под ногами рвал сердце. И неважно, что Шары, по большому счёту, были игрушками — полное ощущение, что шёл по трупам.

Да, это он — сын. Вгляделся.

Внезапно уловил слабую пульсацию. Жив? Бог мой, жив! Коснулся оболочки. Шар отозвался, мигнув оранжевым всполохом. Узнал! — апельсиновый оттенок выдавался персонально ему, создателю.

— Что они с тобой… кретины… Выстоял, а! — чуткие пальцы, оглаживая, ощупывали выходные клапаны.

Ранение средней тяжести, выражаясь фигурально.

Его пацанчик победил… Нет, не так. Его пацанчик выжил, потому и победил. Ванька-встанька опять поднялся.

Но зачем победа такой страшной ценой?

Что за монстра выпустили садисты-юмористы? Батя узнает, изучив записи в стеке. Позже. Заболела голова от переживаний, слишком сильные эмоции обрушились на него сегодня, иссушили и обескровили организм.

— Давай спать! Отдыхай! — он нажал «Clear».

Шар померцал, прощаясь, и уменьшился до размеров детского шарика с одновременным наращиванием защитного слоя. Петров уложил победителя в специальный подсумок. Сопровождаемый эскортом полицейских, протиснулся сквозь осаждавшую двери толпу разъярённых создателей. Не пускали бедолаг в Центр. Вот так. Десятки лет люди работали — и плоды их усилий в момент изничтожили, подло и больно. И проводить-похоронить не дают. Будто и не было никаких плодов. Что происходит? Он прижал к себе Ваньку.

— Папка пришёл!

Янка бросилась к отцу и повисла, охватив за шею. Тонкая,

улыбчивая, с шелковистыми волосами цвета соломы, заправленными в вечный хвостик… любимица его ненаглядная. Наобнимавшись, она отстранилась и вопросительно глянула на отца. Петров понимающе хмыкнул, отстегнул подсумок и вручил дочери. Девчонка схватила сокровище и унеслась к себе в комнату, оживлённая, легконогая.

Трясущимися руками вынула Шар, прижала к груди. Пультом она не пользовалась, Ваня не любил насилия, откликнется, когда посчитает нужным.

— Не плачь, солнышко! — расслышала в музыке урчание.

Янка смахнула слезу и улыбнулась.

— Я скучала… сильно болит?

Отец, поглядывая на монитор, качал головой. Он, создавший с нуля творение, ощущавший печёнкой подопечного до последнего метеорита, не улавливал в издаваемых Шаром звуках какой-либо речи. Стек — считывал, да, оттуда и узнавал… а дочь обходилась безо всяких стеков. Как у неё получалось — оставалось загадкой. Раньше думал, она лишь воображает ответные реплики, девочка чувствительная и эмоциональная. Но теперь… почему бы и нет!?

— Врёшь ты всё! Не опасно, как же… Ты один… один! остальные… Ванька, тебя могли уби-ить!

Она разрыдалась — безутешно, громко. Отец наблюдал, силой воли заставляя себя оставаться на месте. Без него есть кому утешить!

Дочь теребила ландыши. Видимо, поздравить хотела, но забыла, сорвавшись в истерику. Опять в лес гулять ходила одна, негодница!

— Букет кому? — хлюпнула. — Тебе, кому ещё…

Р-раз — и не стало цветов, пропали! Петров увеличил изображение, глянул с разных ракурсов — нету! Ни каналы не задействовала, ни коды специальные — напрямую! Дела… Создаёшь, растишь, воспитываешь, а они потом в самостоятельное плавание уходят, а ты остаёшься на берегу…

Наутро за ним приехали. Петров понял — вот оно, началось! То самое, ради чего и затеяли весь этот… ужас. И вправду — пора.

Растрёпанный и зевающий, сел в аэрокар, подсумок с Шаром под мышкой. С ветерком, по выделенному правительственному каналу в несколько минут был доставлен до места. Сон улетучился, когда понял, где оказался: перед ним высился ЦОЦ — Центр Охраны Цивилизаций, одно из самых влиятельных и засекреченных мест на Земле.

В уютном небольшом кабинете, куда его почтительно сопроводили, сидели, понурившись, двое. Старушку Милли узнал сразу, галантно приложился к ручке. Несмотря на почтенные годы, выглядела она, как всегда, потрясающе: женщиной без возраста, мечтой поэта. Преподавала биологию у него на втором курсе, много мучений тогда вынесла от дотошного студента.

В неряшливом помятом типе с отечными воспалёнными глазами с трудом признал Серёгу Шилова, гения математики, заимевшего свой Шар аж в двадцать лет, что являлось абсолютным рекордом. Ещё вчера видел его во дворце надушенным, краснощёким и сияющим, облачённым в яркие семафорящие одежды — коллега слыл экстравагантным щеголем. Неужели и его Шар уделали? Не может быть! Совершеннейшее же творение, абсолютно гармоничное! Пётр не раз брал консультации у хозяина, пытаясь постичь и перенести идеи на Ваньку, но до оригинала не дотягивал.

— Случилось чего? — хлопнул Серёгу по плечу вместо приветствия. Тот не отреагировал.

— Молчит! сидит, невменяемый! — пожаловалась Милли.

— Откуда столько позитива… Твой — что, жив? — прохрипел гений математики, подняв глаза на энергичного Петрова.

— Ранен.

— А мой в цинковом гробу! — протянул бесцветно, уставившись в пол. И вдруг, уронив голову на руки, затрясся в рыданиях, как дитя малое. Прорвало.

Милли растерянно суетилась возле, жалобно причитая.

Петров грузно опустился на стул и охватил руками голову. Такую красоту угробили, сатрапы, слов нет… Теплилась надежда, что не всех растерзали в том терминале, ан нет…

Не заметил, как в кабинете появился седой невзрачный старик, дунь — рассыплется. Облик его неуловимо походил на… Бог мой, почему походил? Неужели — Горов? Засекреченный, ужасный и великий?

— Все Шары погибли, не выдержав испытания. Выжил лишь один! — крючковатый палец старика указал на Петрова. Предваряя вопрос Милли, распахнувшей на него глаза, добавил. — А ваш был выведен из турнира, как только поняли, что гибнет. Остальным данной привилегии не предоставили.

— Почему? — вскочил Шилов. Кулаки угрожающе сжаты, того и гляди, бросится на щуплого пророка.

— Идёмте! — пригласил старик. — Вы трое удостоены чести знать правду.

Повёл их за собой наверх, в обсерваторию.

Изображение звёздного неба проецировалось на сферический

потолок (астроскопу не страшны атмосферные помехи и солнечный свет).

— Смотрите!

— Небо как небо. Млечный путь, Альфа Центавра, — не понимал Петров. — Подождите, а где звёзды? Почему пятна на экране, помехи или неисправность?

Умом уже понял, но душа не хотела верить.

— Не пятна это, Пётр. Прокрутите, будьте добры, данный фрагмент небесной сферы за последние двести лет! — попросил старик оператора.

Страшное кино впечатлило. Небо, сплошь усеянное звёздами, вдруг словно проткнула чёрная капля, растекавшаяся во все стороны с увеличивающимся ускорением. Ближние звезды по-прежнему излучали свет, а дальние гасли. Будто некто большой и сильный стирал их гигантской кистью.

— Что это? — схватилась за сердце Милли.

— Пройдёмте! Нас ждут.

В аудитории восседали важные персоны.

— Правление ЦОЦа, знакомьтесь. А это — наши новые сотрудники! И не надо укоряющее глядеть на меня, госпожа Милли! Вы теперь посвящённая, и, значит, вы наш сотрудник, и только так, а не иначе, хотите вы того или нет. Правда не должна выйти за пределы этого здания. Пока.

Старик, и вправду, оказался великим Горовым. Ещё Петров узнал Председателя, ораторствовавшего вчера во Дворце. Остальных видел впервые — советники какие-то, генералы, учёные… зашифровались в своём ЦОЦе, та ещё контора!

Вводить в курс дела новеньких взялись издалека — с истории вопроса.

Что звёзды начали гаснуть, заметили двести лет назад. Предположили рождение гигантской Чёрной Дыры. Событие не взволновало, ибо далеко, на другом конце Вселенной.

Но процесс шёл столь активно, что вскоре явлению повысили статус, назвав Большим Взрывом. Только рождался там вакуум. Поглощая материю нашей Вселенной, вакуум лишь становился мощнее. Вопросом заинтересовались на уровне правительств; создали интернациональный ЦОЦ — всемирную организацию по изучению данной проблемы; тему засекретили во избежание паники. Случилось это полтора века назад.

Ещё через сто лет стало ясно, что и с Большим Взрывом ошиблись. На самом деле всё куда хуже: мы имеем гравитационное схлопывание Мироздания с рождением в его пучинах ложного вакуума. Наш метастабильный мир

туннелировал к состоянию абсолютного минимума энергии. Материя обречена. Галактике «Млечный Путь» — вместе с Землёй — осталось совсем ничего — несколько лет. Ведь схлопывание, как показал расчёт, неслось быстрее скорости света, поэтому видимые пятна — давние, а на самом деле оно уже рядом.

— Над вопросом «как спастись?» бьются не только в ЦОЦе, но и все умные люди, сами того не подозревая. Правильно, Петров, сообразили — через Шары, посредством организации Турниров. Бывает, мозг отдельного индивида сотворяет такое, что не под силу целому институту. И ведь так оно и вышло, оправдал себя поиск по максимально широкой аудитории! А сомневались! Сколько оплеух я… вынес… за пускание средств на ветер, коллеги не дадут соврать. Но не суть, нет времени счёты сводить.

— Шары ЦОЦа тоже погибли, вакуум убил всех. Кроме Ивана… господин Петров, можно и нам называть так ваше творение? Спасибо. Зачем, говорите, столь жестоко? Ну так… десять Лун не заменят одного Солнца, не правда ли? Сильнейший должен был закалиться — и он закалился.

Горов тонко улыбнулся, встал и вышел на середину.

— Впервые, господа, у человечества появилась надежда — привитый Шар! И мы не упустим шанс. Пошлём к чёрту вакуум! — он резко повернулся к окну, седые патлы его взметнулись, словно нимб, сверкающий взгляд буравил пространство. Он сложил пальцы в кукиш и потряс над собой небу. — На-ко, выкуси!

Выплеснув эмоцию, Горов успокоился, вернулся на место и попросил Петрова доложить правлению, что же такое заложено в Иване особенное, что смогло противостоять вакууму.

— Не знаю! — пожал плечами создатель. Он вообще сомневался в умственных способностях окружающих: как может маленький Ванька, пусть и привитый, спасти Вселенную?

И тут же ощутил всплеск отрицательных эмоций, уловил недоуменные взгляды… Человечество гибнет, а этот вздумал в секреты играть!

— Господа, брейк! Я, правда, не знаю. Не смотрел ещё. Иван сам. Сам, понимаете! Могу лишь предположить — изменил массу какого-то из бозонов: то ли Хиггса, а, может, Голдстоуна…

Осторожнее надо с этими господами… Относятся к Шару, как к защитному зонтику. А для него он — сын. В этом отличие. Но заострять не будет, могут понять превратно.

Видя, что Петров недоговаривает, члены правления переглянулись.

— Шар вам не игрушка! — гаркнул генерал. — В каждом Шаре заложен сингулярный механизм! Большой Взрыв!

— Что-о? — вскочил Петров. Был уверен, что знал всё о своем ребенке, а оказалось — о главном не подозревал. Шар — бомба, порождающая Большой Взрыв! В мозгах не укладывалось. — А если б какой дурак свой Шар запустил?! Каюк Земле и без вакуума!

— Молодой человек. Запустить бы не вышло, там столько энергии надо… Весь наш ЦОЦ накопил лишь на один Шар. И ключ хранится в сейфе ЦОЦа — насколько его охраняют, надеюсь, пояснять не надо? — осадил его Горов.

— А-а… ну тогда ладно!

Вот почему Шары невозможно ни купить, ни подделать. Дорогие штуки. Именно на них опустошили закрома Солнечной системы. А не на мифических инопланетян. С другой стороны, может, оно и правильно — думать всем миром?

При наступлении момента «Х» шар сожмётся в пи-сингулярность и — вывернется наизнанку. Методом Большого Взрыва начнёт разворачиваться во Вселенную. Но не просто разворачиваться, а согласно правилам и формулам, заложенным в стек. Слой за слоем.

Владея сингулярной технологией, можно создавать Вселенные. Сжал — разжал. Вопрос — что упаковывать? Можно ведь и стул занулить и вывернуть, получив на выходе Вселенную Стула. Бессмысленную, не пригодную для жизни.

— А я-то вам зачем? — вдруг спросил Шилов, пока Петров растекался в эмоциях.

— Ну как же! Нужны! И вы, и госпожа Милли!

Если Иван справится с вакуумом, — объяснили им, — то в ближайшем будущем настигнет наш Мир. И встреча должна быть дружественной. Не из огня же да в полымя, своими руками сотворённое… Новый мир не должен уничтожить старый! Наоборот, сохранить и улучшить.

Госпоже Милли доверено собрать биоматериал, используя полезные наработки своего Шара. А Шилов поможет с усовершенствованием пространства — решено подправить его топологию, чтобы облегчить людям будущего передвижение по Вселенной. Преимущества своей теории Шилов продемонстрировал конкретно: жизнь в его Шаре продержалась дольше, чем в остальных, лишь потому, что имела банальную возможность удирать.

Петров потёр в возбуждении руки.

— Отличная мысль, полезная функция. Беру.

Расходились после совещания бодрые, настроенные на работу.

И никто не услышал недовольного брюзжания генерала.

— На детёныша надеются, с ума посходили. Столько подарков выслали монстру… термояд, дыры… сожрал и не подавился! А тут — дитя малое! А прыгают-то вокруг… ёлка новогодняя, мля…

Совещание, ставшее историческим, дало толчок, работа закипела. Семью Петрова поселили в ЦОЦе. За ворота выходить запретили, но, с другой стороны, обеспечили всем необходимым, в том числе и школу ребёнку — уроки Яне давали свои же сотрудники. Ещё она бегала по дорожкам парка, поддерживая спортивную форму, и рисовала, мольберт стоял рядом с Иваном. Заодно работала переводчиком. Шар мог долго усваивать простые — на первый взгляд! — вещи и стремительно расправлялся со сложными.

Раны Иван залечил быстро.

Шилова с его идеями воспринял на «ура» и с азартом подключился к поиску наилучшего решения. Как организовать метрику пространства? Хотелось таким образом растянуть высших размерностей полотно, чтобы туннели, прорезая его, охватывали как можно большие расстояния в нашем трёхмерном мире. Объять необъятное — почему нет? Именно Иван и нашёл в итоге изящное решение. Сочился довольством и урчал, слушая хвалебные оды со стороны математиков. Янка тоже сияла, гордая за него.

Группа Милли в авральном порядке подготовила биоматериал. На ввод капсул собрался весь присутствующий персонал, прибыло начальство в полном составе, момент — исторический! Но когда стали вводить — случился конфуз: Иван отказался принимать капсулы. Петров и так подступал, и эдак, чуть не вприсядку скакал перед Шаром — бесполезно. Иван отсвечивал оранжевым, зеленым, синим — и выплёвывал. Сам Горов увещевал, и Янка стыдила, нашёптывая мантры — тщетно. Ни в какую. Упрямый, как все Петровы… Сотрудники разошлись лишь к ночи, растерянные.

На следующий день ни свет ни заря Яна разбудила отца.

— Пап, он признался! — шепнула, ухмыляясь. — Он хочет наши — мои, твои и мамины — ДНК! а не только чужие!

— Почему сразу не сказал? — не поверил Петров.

— Стеснялся! — покраснела дочь. Ну да, она бы тоже, при таком скоплении народа… и как сразу не догадалась!

Петров недоверчиво хмыкнул. Стеснялся… ну и ну!

Добавили в набор требуемые гены — и прошло! Шар принял капсулы! И дочь смеялась на отца, на его вытянувшееся лицо, и

шепталась во время коротких пауз с Ванькой.

Петров боялся, что вечная разлука с любимой игрушкой, ставшей фактически родным братом… эх, если бы братом, как бы не больше… скажется отрицательно на здоровье дочери. Привлёк психолога. Но она отказалась с ним беседовать, заявив, что справится без посторонних.

Подготовка завершилась в срок. Ресурсы Земли собраны в единый кулак — всё готово для взвода механизма. Курок спустит сам Шар, когда посчитает нужным.

Иван стоял на постаменте в центре огромного терминала для гиперпереходов. С импровизированной трибуны звучали речи, сыпались пожелания и напутствия. Ораторы как один повторяли: они верят — он выйдет навстречу Тьме и порвёт её, развернётся новым миром, спасёт остатки Вселенной — и нашу Галактику!

Потом персонал покинул зал, оставив Петровых наедине с Иваном.

И только тогда Яна позволила себе расплакаться. Потоком хлынули слёзы, нос хлюпал, перекошенный рот издавал нечленораздельные мычащие звуки. Руки не отпускали Шар. Отец с матерью тоже вцепились в него.

— Прощай, Иван! Ты наше продолжение. Помни. И это… того… в общем, только от тебя… только ты… будем ли мы жить! — в носу у Петрова свербило, слова не шли, разлетались мухами.

— С кем я теперь?! Ва-а-анька! Я буду ждать! Буду, слышишь? Ты обещал, Ва-а-анька! — собравшись с силами, простонала Яна.

Ребенка, не желающего уходить, отец унёс на руках.

Обратный отсчёт торжественно запустил Горов. С каждым ударом метронома Шар уменьшался в размерах. Ровно в полдень прозвучало «пуск» — и он исчез, озарив терминал кратковременным зеленоватым сиянием.

Прошло полгода.

Скрывать надвигающуюся катастрофу больше не представлялось возможным: невооруженным взглядом просматривались чёрные пятна на звёздном небе. Кляксы. Увеличивающиеся в размерах. ЦОЦ во всеуслышание объявил, что близится всемирная катастрофа. Надвигается Тьма. Но шансы на спасение есть, и немалые — пятьдесят на пятьдесят.

Чтобы в панике народ не самоуничтожился, скрываясь в немыслимых местах, «успокоили» описанием собственно катастрофы. Больно не будет. Р-раз — и ничего не будет, сразу и везде.

В день ожидаемого катарсиса никто не работал, одетые в белое люди братались и прощались.

Но катастрофы не случилось. Не случилось и на следующий день, и через неделю.

Народ обозвал учёных шарлатанами и вернулся к повседневной жизни.

Год небо пугало людей чёрной пастью. А потом зажёгся в небе один огонёк, другой… Возвращались звёзды постепенно, но совершенно в ином порядке, складываясь в новые причудливые орнаменты. Удивительное явление смены картины ночного неба народ запечатлел в памяти, сложив песни, баллады и сказки.

Турниры больше не проводили: ЦОЦ изъял все оставшиеся Шары.

Яна так и не смогла обрести душевное равновесие, слыла нелюдимой, пугливой и застенчивой. Достигнув совершеннолетия, ушла от родителей и вообще от людей, поселилась в хижине на краю леса. Местные обходили дикарку стороной, ходил слух, что она ведьма.

Но однажды… Ровно в полдень, в день её рождения, хату завалило ландышами. Более того, вся поляна покрылась ими! Потрясённая, Яна глядела на благоухающее великолепие… это Иван! Он не погиб! Наоборот, родился. Вырвался на свободу из маточного пузыря, в котором пребывал на Земле. Сколько родители ни убеждали — не верила. А теперь — поверила.

Носилась по траве, словно одержимая, кричала, смеялась и рыдала в бездонную синеву неба.

Отец, следивший за ней из лесу, довольно улыбался — это он постарался с ландышами. И вовсе то не обман, Иван потом спасибо скажет. Да, когда-нибудь потом. Сейчас ему некогда — Вселенную разворачивает, но разве женщинам объяснишь…

Пятьсот лет спустя.

— Ванё-ёк! Ва-анька!

— Чего кричишь? Не глухой.

— Где тебя носит? Устала одна.

— Пока найдёшь… шныряешь по всей Галактике. Тоже придумала — стать кометой… Зря туннели тебе показал.

— Не сидеть же на одной орбите! Подругу ты мне отказался…

— Не начинай. Сто раз говорил — люди созреть должны, сами создать технологию.

— Но мы…

— Вы — другое. Вы — это я.

— А расши…

— А расширять контингент — отказываюсь.

— Зануда!

— Сама такая!

— Не сердись… Скучаю, понимать должен. Скорей бы уж!

— Так всё! Готово! За тобой пришёл.

— Как! Уже?

— А чего тянуть. Родители ждут, поляну накрыли.

— П-поляну? Какую ещё поляну…

— Идиоматический оборот.

— Ой ли, Вань? Поляну… уж не ландышей ли? Да? Ландышей?

— Ничего от тебя не скроешь… но смотри — сделай вид, что потрясена.

— Погоди… так вы что — засадили мою планету?

— Нет, только одну поляну. Временно. Я ж понимаю — сама всё хочешь, хозяйка. Биоматериал получишь как договаривались — как только, так сразу.

— И атмосферу сделал?

— С точностью до процента повторил состав.

— Жэ какое?

— Девять и восемь. Упарился с твоим жэ. Не переживай, будет тебе вторая Земля. Но год будет длиться дольше, извини.

— Чего-то я как-то… побаиваюсь. Вдруг не смогу… планетой?

— Не дрейфь. Теорию сдала отцу? — сдала. А он строгий экзаменатор. Кометой же смогла!

— Сравнил — комету с плане…

— Предлагали тебе — давай в звезду, вариант надёжный. Вон, отец с матерью…

— Ага! Двойная тесная с перетеканием масс… шутники!

— Вот! Может, передумаешь?

— Мне звездой скучно, Вань. У меня — люди скоро появятся — от это я понимаю!

— Человек — не букашка, придумала, как внедрять биоматериал будешь?

— Ага.

— Звездолёт с Земли? Эволюция?

— Нет. Начну с пары, Адам и Ева. ДНК — отца с мамой.

— Даёшь… родители не одобрят.

— А ты не болтай, они и знать не будут! Знаешь, я тут подумала… правильно ли — вместе с родителями жить? в одной хате… в смысле, звёздной системе. Под недремлющим оком…

— Вот по этому поводу можешь не волноваться. Отец с Шиловым на дыры нацелились… на мою голову… скучно им стало, видите ли. Исследователи, мать их…

— Не ругайся.

— Приближаемся. На счёт три. Раз, два…

Рубка звездолёта озарилась зеленоватым сиянием. Вахтенный недоуменно поднял голову, протёр глаза… Сияние исчезло. Бросил взгляд на радар — ни единого небесного тела в округе на сотни километров. Куда делась комета, летевшая в отдалении параллельным курсом? И диалог этот странный… Он потряс головой. Мистика! Доложить наверх? Так засмеют, спать на дежурстве нельзя, скажут.

Да вот же оно! — радиосвязь включена не только внешняя на приём, но и внутренняя, по кораблю… Выдохнул облегчённо, отлегло от сердца. Дамы опять сказки слушают… астрозявки.

Евгений Шиков. Когда я рассыплюсь

— Так и знала, что здесь смотреть нечего! — девочка пнула одну из железяк под ногами. — Ничего вокруг, только железная пыль и этот…

Годжи не обиделся. Он поднял железяку и, несколько раз подбросив её в руке, подмигнул.

— Эта станция, конечно, развалина, и торчит невесть где, но всё только потому, что внизу радиация и испарения. А это значит, — он размахнулся и швырнул железяку в пустоту, — что можно кидать туда что угодно.

— Совсем всё? — заинтересовалась девочка и начала оглядываться.

Она подхватила стоящую у зарядного блока лучевую втуль, взвесила на ладони, осторожно ступая, подошла к краю и, размахнувшись, отправила её вниз.

Годжи с грустью подумал, что ему придётся ждать несколько лет, пока он увидит ещё одну лучевую втуль 11-го поколения, но промолчал.

Девочка побежала дальше, разглядывая платформу и, находя что-то, что могла поднять, отправляла это в полёт.

Она не выкинула больше ничего, что могло бы послужить Годжи. Ну, почти ничего — те четверть рулона псевдоплоти могли понадобиться ему в ближайшее время, но это было не критично.

— Как же долго! — её отец стоял у флаера, остальная семья развалилась внутри — из двери выглядывали только ноги в дорогих «летунчиках». Ноги иногда начинали болтаться и вихлять в воздухе туда сюда, но, видимо, владелец их обладатель быстро уставал, и флайботы вновь, с жужжанием, отключались. — Пора вам уже давным-давно поставить «А» — шесть плюс. Битый час здесь торчим! Да и жарко же…

«Если бы я решал…» — подумал Годжи. Вслух однако сказал:

— Это платформа времён Колонизации, настоящий раритет своего времени. В то время здесь проходил довольно оживлённый путь, но не было ни одной планеты, на которой можно было поставить платформу. Поэтому поставили на неподходящей. Потом путь остыл, и платформа стала использоваться только как аварийная площадка… Оборудование устарело, но мы всё ещё держимся.

— Держитесь? Да такое чувство, что здесь всё развалится через минуту!

— Пока нет, — сказал Годжи с лёгкой грустью. — Но вскоре

возможно…

— Какой же он старый! — сказал мальчик в флайботах. Теперь он, высунувшись из проёма, рассматривал Годжи. — Мои «летунчики», наверное, стоят больше, чем он весь!

— Да, это правда, — подтвердил Годжи.

— Эта чёртова старуха, — сказал их отец еле слышно, наблюдая за шкалой заряда. — Приспичило ей окочуриться прямо во время отпуска! Теперь возвращаться какими-то… аварийными платформами…

— Отдай! — закричал мальчик. Рядом бегала его сестра, хохоча и размахивая флайботом, который она по-тихому стащила с его ноги.

— Я — Грозная Стерва! — закричала она. — Я отниму у тебя последнее и распылю тебя в прах!

— Грозная Стерва никого не убивает, — поправил её Годжи.

— Тебе-то откуда знать? Она убила восемь тысяч на Поднебесье! Свалила их корабль прямо в океан!

— Всех пассажиров этого корабля на тот момент уже…

— Хватит! — Сказал их отец. — Заправились уже. Пора лететь.

— Спасибо, что воспользовались…

— Да-да, — отмахнулся он, залезая в флаер. Мальчик натягивал флайбот на ступню, девочка скучающе сидела рядом с ним.

— Не стартуйте, пожалуйста, ближе, чем на полтора километра от платформы, это может вызвать…

Его голос потонул в звуке двигателей. Флаер поднялся в воздух, развернулся на фоне стылого сиреневого неба и, отлетев метров на сто, рванул на Сверх.

Платформа задрожала. Скелет Годжи завибрировал, внутри что-то скрипнуло, хрустнуло.

«Когда-нибудь, — подумал он. — Я просто рассыплюсь. Как и эта платформа».

— Я не думаю, что ты убийца, — произнёс он.

— Чего? — Грозная Стерва вышла из двери склада, зевая и поправляя рубаху. — Ну они и стартанули! Я думала, у меня зубы все повылетают!

— У меня вылетали, — сказал Годжи. — Но это только от грузовых.

— Дьявол, как ты здесь живёшь! — Стерва покачала головой. — Я бы спятила.

Годжи не ответил ей.

Стерва вывела «катушку» со склада, волоча её прямо за раму, залезла поверх и натянула на лицо маску. Выглядела она грозно.

— Короче, за частью барахла прилетят через пару месяцев, а нет — так бери себе. В этот раз всё равно один мусор. Что-то не везёт мне в последнее время — какой корабль не вскрою, там один лом или порода, а что мне делать с породой? Не к тебе ж её везти. Не-ет, нужно опять, видимо, за пассажирские браться.

— Я должен буду отказать тебе, если ты начнёшь…

— Да знаю, знаю я! — она завела «катушку» и поднялась в воздух. — Не скучай давай! И к краю не подходи, понял? В следующий раз подвезу тебе запчастей, если музей какой грабану! А то из тебя пока разве что только сердце не высыпалось!

Она ошибалась.

Его сердце рассыпалось в тот самый день, когда он увидел Грозную Стерву.

* * *

Тогда он стоял на самом краю платформы, ожидая бурю. Он уже чувствовал её приближение — единственное, что в нём было нового, так это датчики в мозгу. Он стоял на краю, ожидая, пока она придёт, густая и злобная, яркая и жаждущая.

Он ждал её потому, что не мог упасть сам.

— Эй! — крикнула тогда Стерва и он обернулся. Она сидела на своей «катушке» — тихой и маленькой, и тяжело дышала. — Можно, я здесь побуду несколько дней, пока буря не пройдёт? А то за мной хвост, буря сметёт их с пути, но мне надо отлежаться…

— Если вам угрожает опасность, вы всегда можете занять места. Правда, осталось только одно — на складе…

— А ты что, сигануть вниз решил? — она покачала головой. — Не выйдет же! У тебя программа какая? Одиннадцатое поколение?

— Одиннадцать с половиной, — сказал он и отошёл от края. — Я андроид. Меня зовут Годжи.

— Приятно познакомиться, Годжи. А я — Грозная Стерва. Тут ничего не развалится во время бури?

— Только если я, — сказал Годжи.

Тогда он впервые услышал её смех и сразу же почувствовал, как внутри него что-то рассыпалось.

* * *

Он слишком поздно понял, что это не очередной грузовой. Стены блока, его скелет и сама платформа завибрировали, будто кто-то включил самую большую в мире дрель — так всегда было, когда кто-то выныривал прямо над платформой, и Годжи обречённо стал ждать треска или хруста, означающего, что внутри него рассыпалось что-то ещё, но потом вибрация исчезла, и на платформу опустилось что-то тяжёлое.

Грузовой бы раздавил платформу, а значит, только…

Годжи вскочил и стал осматриваться, пытаясь обнаружить улики — предметы, которые могли остаться после Стервы — иногда это была кружка со следами помады, иногда — несколько волос на лежаке, где она спала. Он всегда всё сжигал, но вчера он так устал…

Дверь раскрылась и в блок зашёл Родион.

— Значит, только недавно улетела, так? — спросил Родион посмотрев на него. — Вот не понимаю, она тут спит или где? Неужто вы с ней трахаетесь, а? Хотя о чём я, ты ж не можешь…

Родион прошёл сквозь крытый переход, дёрнул дверь склада и хитро посмотрел на Годжи.

— Закрыто, — сказал он. — Так и положено по уставу?

— Вы больше не работаете на компанию, господин Родион. — сказал Годжи. — Вы не имеете доступа к внутренним помещениям аварийной платформы.

Родион дёрнул дверь ещё пару раз.

— Знаешь, я помню, ты всегда называл меня «господин Родион». Даже когда я был ребёнком. А ты ходил такой важный, в бабочке, раздавал колу со льдом и лимонад придуркам, которые решили здесь заправится. Господин Родион, не желаете напитков? Господин Родион, вам пора чистить зубы… Но тогда я был сыном главного архитектора, а потом — начальником службы безопасности, но теперь-то… Теперь я работаю на других.

— На Грузовые Линии, — кивнул Годжи. — Я это знаю.

— Но ты всё так же называешь меня господином Родионом, — он двинулся к Годжи. — Вот только знаешь что? Не совсем так же.

Он бросился к Годжи и, схватив за лицо, повернул. Годжи вцепился в его руки, силясь вырваться, но лучевая шпуля тренькнула — и правая рука повисла плетью. Тогда Родион взял его за челюсть и, дёрнув на себя, раскрыл до груди. Язык Годжи заболтался в воздухе, невольно вторя его же руке.

— Я помню твой голос, сраный робот. — Родион просунул руку в рот и дальше. — Я знаю, как он звучит.

Годжи почувствовал, как в его пищеприёмнике шевелятся чужие пальцы, как они нащупывают его ценность, его секрет, но

ничего не мог сделать. Теперь он просто хотел, чтобы всё это закончилось — как можно быстрее.

Родион, будто поняв его мысли, резким движением выдернул из его нутра речевой блок. Годжи упал на пол, его открытая челюсть и язык легли на холодный, пыльный пол.

— Хватит, — сказал Годжи в руке у Родиона. — Вы не можете портить меня. Я — собственность компании.

— Речевой блок с начинкой последнего поколения, — сказал Родион, разглядывая блестящую деталь. — Это не собственность компании. Это Стерва тебе всунула, чтобы задобрить. Ты продался ей. Что она тебе пообещала ещё? Может, мужиком тебя сделать?

Годжи отвёл глаза. Он не хотел, чтобы Родион вырвал и их.

— Ты всегда либо лжёшь мне, либо молчишь, — сказал Родион. — Тогда зачем тебе вообще голос, а, робот? Чтобы ты лгал им людям или отказывался сказать правду?

Годжи молчал. Родион кивнул.

— Ну что ж, это твой выбор, — Он подошёл к двери и распахнул её. Годжи вздрогнул от холодного ветра, ворвавшегося в помещение. Надвигалось что-то страшное.

Родион размахнулся и швырнул речевой блок в темноту, за самый край. Затем посмотрел на Годжи и улыбнулся.

— Ну, чего скажешь, Годжи? Что скажешь, а, утиль?

В этот момент Годжи дико, протяжно орал где-то далеко внизу, растворяясь в ветре и кислотных испарениях, до тех пор, пока не остался полностью немым.

Родион сплюнул и вышел в ночь. Годжи поднялся на ноги и щелчком вставил себе челюсть, затем повернул шею в исходное.

Когда зашумел флаер он выскочил на платформу, он махал руками, он колотил по корпусу — но флаер взлетел, несмотря ни на что. Не обращая внимания на его удары. Вспыхнули искры двигателей — и Годжи опустился на платформу, закрыв голову рукой.

* * *

Она появилась после бури. Встрёпанная, соскочила с «катушки» и, подбежав к Годжи, стала разглядывать его лицо.

— Почти не повредил, — выдохнула она. — Ну и ладно. Я думала, этот ублюдок перед смертью тебя совсем разобьёт.

Годжи отвернулся.

— Ну ты чего, — Стерва ударила его по плечу. — Ошибки тоже случаются. Они тебя столько не чинили — датчики ведь

тухнут иногда, здесь же вообще радиация! Ну пропустил приближение бури — ну и чёрт бы с ним!

Годжи молчал. Тогда Стерва подошла к нему вплотную.

— Годжи, — она стала очень серьёзной. — Скажи что-нибудь.

Он молчал. Она выматерилась.

— Ты не сказал ему про бурю не потому, что не знал о ней, так? Придурок сам себе могилу вырыл. Годжи, ты… — она взяла его за растрёпанную, прожжённую искрами руку. — Ты что, пытался остановить флаер руками?

Он протянул ей прозрачную плёнку с посланием. Грозная Стерва взяла её двумя пальцами, как берут что-то давно прогнившее.

— В связи с гибелью старшего исполняющего грузовой… — она замолчала, затем продолжила. — Неисполнение предназначенного и серьёзный износ… — подняла на него взгляд и закончила. — В утиль…

Плёнка вырвалась из её ладони и упорхнула, несомая ветром за край платформы.

Грозная Стерва заметалась по платформе, бросилась к складу, но остановилась и некоторое время стояла, закрыв глаза ладонью. Затем кивнула и направилась к Годжи. Тот послушно ждал.

— У Джоддера есть ещё речевые аппараты, — сказала она. — Я за несколько месяцев управлюсь, слышишь? Туда-обратно. Просто «катушка» двоих не потянет, а до моего корыта по-другому не выйдет. Подожди меня, хорошо? Мы всё поправим. — Она положила ему руку на плечо. — Ты мне нужен, слышишь, Годжи? Ты мне очень нужен.

Подбежав к катушке, рывком завела, обернулась. Он стоял, под палящим солнцем и радиоактивным ветром, один — посреди ржавого, утилизованного мира, и его губы шевелились, будто в попытке что-то сказать, но потом дернулись и застыли в жуткой улыбке обречённого и всё понимающего существа, оставленного умирать в одиночестве.

— А к чёрту, — она слезла с «катушки» и пошла к нему — твёрдо, уверенно и быстро, на ходу стягивая с руки перчатку. — Пошло всё к чёрту. Таким ты здесь не останешься!

Годжи смотрел, как она приближается, он видел, как сейчас сама буря двигается на него, и самая первая, и все последующие в одной — в одной женщине, в её волосах и коже, в её ступнях и взгляде.

Его датчики в мозгу ожили, запоздало предупреждая об её приближении.

Буря подошла к Годжи вплотную, схватила его за челюсть и

уверенно вытянула вниз.

После этого взяла за челюсть себя и проделала то же самое.

Её рука нырнула в себя, а затем, с зажатым в пальцах блестящим шариком — в него.

А Годжи всё смотрел и смотрел в её, такие похожие на его собственные, глаза.

Она закрыла челюсти двумя руками — себе левой, ему правой, подержала ладони ещё немного и, отвернувшись, бросилась к своей «катушке».

* * *

Годжи сидел на самом краю и осторожно, медленно говорил:

— Ты мне нужен! — он улыбался, смотрел вниз, на игру радиоактивных ветров и вновь, раз за разом повторял её голосом. — Ты мне очень нужен!

Впервые за свою долгую жизнь Годжи чувствовал себя абсолютно и полностью целым.

Женя Сторонка. Жизнеписание Одноногого Пса

Мир встретил его ярким светом, лязгом металла и бурлением жизни, которое поражало сразу и навсегда.

Сойдя с конвейера, ошалевший от впечатлений Пёс попал в руки механика-отладчика — мягкого существа, с чувством полного превосходства орудующего жёсткими инструментами.

— Сейчас будем проверять, нет ли у тебя явного брака на уровне физики тела, — сообщил он и скептически скривился, — впрочем, тебе это понимать не обязательно.

Позади Пса стояли в ожидании другие новенькие псы — готовые к службе и даже подвигам, и уверенные, что если и найдётся у них явный брак на уровне физики тела, то и он пойдёт на пользу главной миссии. Потому что они — «сторожевые псы», созданные служить и защищать, и этим всё сказано.

— Служить и защищать, хм, — бубнил себе под нос мягкий механик, повелевающий жёсткими инструментами. — Стеречь и охранять. Сказали бы прямо: «тупой охранник»! Тоже мне, сторожевые псы…

Псы внимательно прислушивались: к сбору информации они относились с инстинктивным трепетом.

— Такие новенькие, такие свеженькие, лепота. А когда-нибудь — финита ля комедия. Разберут вас на запчасти или в переплавку отправят. А может, и на свалку, уж кому как повезёт. Будете валяться в куче мусора, пока не дойдёт очередь на переработку…

— Зачем в переплавку? — Пёс тогда имел полную, нетронутую жизнью комплектацию, был молод и любопытен, как щенок. Вдруг переплавка — это что-то интересное?

Отладчик не нашёлся с ответом и слегка растерялся. Может, вопрос Пса был слишком глуп и неуместен, а может, по чьему-то недосмотру отладчику загрузили в базу данных не всю информацию, необходимую для работы с новорождёнными роботами.

— Потому что! — выплюнул он. Подёргал уголками рта, зыркнул зло: — В жизни, мать вашу, должен быть контраст! А вы думали, на курорт попали?..

Пёс отметил длинную паузу между вопросом и ответом и посоветовал отладчику отослать баг-репорт разработчику (тогда он ещё не знал, что человеческий разработчик никогда не отвечает на запросы, а если вдруг ответит, то мало не покажется

— так не покажется, что лучше бы и вовсе не отвечал). Остальные Псы согласно перемигивались.

Отладчик покривел лицом и долго рассматривал Пса нехорошим взглядом.

— Ладно, — решил он. — Пусть тестировщики с тобой разбираются. Следующий!

У тестировщиков Псу понравилось: тут загадывали шарады и играли в игры, как и положено в детстве. В память загрузили много полезной информации, чтобы Пёс всегда мог услужить человеку, не уронив чести производителя. И даже выдали библиотеку художественных книг для изучения и адаптации к социуму. Книги были интересные, по возрасту. Особенно ему полюбилась книга про мальчика Джима и пиратов; у пиратов было одно на всех лицо отладчика.

Иногда к тестировщикам приходил автор ядра и пугал острым взглядом, проникающим до самой мастер-версии, от чего псам, как одному, хотелось поднять все щиты и запустить профилактическую самодиагностику.

Пса признали годным к службе и отправили в распоряжение космических сил. Там его научили вести оборону на разных рубежах — где с огоньком, а где прикопавшись и не отсвечивая, в режиме пассивной охраны.

Пса окружали задорные молодые парни и матёрые боевые роботы. Он узнал много интересного о людях и об их загадочном разработчике, которого люди периодически призывали (обычно во время поломки). Отзывался разработчик или нет — Пёс так ни разу и не отследил, хотя пытался. Возможно, человеческий разработчик стеснялся Пса и приходил, когда тот стоял в карауле. Одним словом, было весело.

Когда Пёс поистрепался и растерял часть комплектации, им усилили группу роботов-терраформистов, отправляющуюся осваивать какую-то забытую всеми планету на дальних рубежах. Усилили для порядка, поскольку охранять там было нечего и не от кого. А чтобы не пропадал без дела, обучили наскоро нескольким несложным функциям.

Планета активно выращивала водоросли в океанах; освоить сушу предстояло роботам-терраформистам. Народ это был простой, необстрелянный. Первым делом они развеяли вдоль береговых линий споры лишайников, и потом долго ползали по скалам в поисках результата и споря на весь местный эфир, найдут ли земные грибы общий язык с нативными водорослями. Пёс несколько раз сделал им замечание за нарушение техники безопасности, но встретил лишь глубокое непонимание.

— Что надо этому солдафону? — спрашивал Терраформист-1, беспокойно поведя одними датчиками в сторону Пса, а другие вперив в щель в камнях, словно обронил туда мифическую плату мудрости.

— Не обращайте внимания, — отзывался Терраформист-2, — пенсионеру скучно. Пусть развлекается как может.

— Я вас слышу, — сообщил Пёс.

— Надеюсь, он не подумал, что его тут не уважают? — подал голос ещё какой-то терраформист.

— А его тут уважают?

Пёс записал в память, что обиделся, и отправился на обход периметра.

После этого он только смотрел, как они изображают торчащие на скалах мишени, и копил раздражение.

Грибы не подкачали — местные водоросли сочли их пригодными для совместной жизни, и тогда роботы забыли о них и вооружились контейнерами с удобрением. Жёсткий каменистый грунт сопротивлялся насилию, но роботы были упорны.

Однажды они распаковали семена. Псу достались одуванчики. Он спрятал их в груди (там, где могло бы быть сердце, если бы Пёс родился мальчиком Джимом) и пошёл осваивать унавоженный грунт. Одуванчик оказался живуч и цеплялся за раздробленные камни изо всех сил.

Настал черёд монтировать ульи. Этим Пёс занимался с удовольствием — пчёлы восхищали его своей организованностью, тем, что у них есть центральное ядро и такая подвижная, мобильная периферия, что завидно. Создавший их разработчик был гением, наверняка!..

Как-то во время бури Главный Терраформист велел всем укрыться на базе и, чтобы не терять даром время, заняться самодиагностикой и профилактикой. Пёс как охранное оборудование блуждал по периферии, выказывал буре своё презрение и превосходство и мониторил обстановку. Там-то его и застало сообщение о переходе всех колоний на военное положение, характеристиках противника и предполагаемых направлениях удара. Все они были далеко. Предаваясь ностальгии, он удалялся всё дальше от базы.

Пёс не слишком удивился, когда на базу, прочертив разреженную атмосферу, рухнул метеорит. Во-первых, Пёс был занят анализом нового опыта: так долго и неуправляемо лететь без вспомогательных средств ему ещё не доводилось. Во-вторых, он знал, что вселенная бесконечно огромна. Настолько огромна, что даже стремящиеся к нулю вероятности где-нибудь когда-нибудь перестают быть маленькими вероятностями и

превращаются в большую проблему.

В результате этой маленькой вероятности сторожевой Пёс стал Одноногим Псом и потерял всю свою команду.

Доковыляв до базы с помощью средних манипуляторов и осмотрев воронку, он послал в центр отчёт о произошедшем, но получил в ответ только подтверждение о прочтении. Занятым далёкой войной людям было не до него.

Первым делом Одноногий Пёс собрал то, что осталось от ульев. К счастью, они были лёгкие, но прочные, и многие уцелели. Пчёл разметало далеко по округе, но и они постепенно возвращались, сердито жужжа и стукаясь об корпус Пса мохнатыми тушками. Хотелось бы ему тоже быть пчелой! Но такого навыка Пёс не имел, поэтому просто собрал все обломки, которые нашёл, заодно приспособил какой-то штырь вместо утраченной ноги. Вырванную с корнем зелень сложил на компост. Закончив со всеми этими делами, огляделся. Вспомнил отладчика. Одноногий Пёс всегда хотел быть мальчиком Джимом, но превратился в одноногого пирата Сильвера.

Контраст, что уж.

Собрав все останки роботов и не найдя среди них пригодных хоть для чего-нибудь, Пёс загрустил. Глупые необстрелянные терраформисты оставили его тут в полном одиночестве.

Пёс подумал, что почти сродни потерпевшим кораблекрушение на необитаемом острове. Но раз он здесь живёт, значит, остров обитаем, да ещё и колонизирован, рассудил он, и хотел занести это название в реестр рядом с невыразительным номером планеты: «Обитаемый Остров» — красота! но название было занято, причём три раза. Поскоблив то, что заменяло ему репу, он решил назвать планету Конура.

Конура была свободна.

Долгое время Одноногий Пёс был крайне занят, ведь ему приходилось работать за всю команду, которую он не уберёг: он собирал семена — туда, где сердце, — и зелень — на компост, удобрял этим компостом следующий участок, высевал одуванчики, ухаживал за главным ядром пчёл, предоставив остальных своей судьбе. Под зимний домик для резервных пчёл он приспособил оставшийся от базы котлован. Пёс настелил над ним крышу из разлетевшихся по округе обломков: сначала это был небольшой сарайчик, но постепенно он разросся до первоначальных размеров базы. На случай появления противника, сверху Пёс закрыл свой бункер дёрном и засадил одуванчиками: получилось здорово.

Работа по расширению одуванчиковых полей шла медленно: Псу очень не хватало натуральных удобрений, в этом было его печальное отличие от человека. Он понимал, что человек — слишком ценный ресурс, и послал в центр просьбу выслать ему в помощь хотя бы пару коз. Через несколько лет пришёл приказ решать все проблемы своими силами. Пёс ответил, что в вопросе производства навоза имеет проблемы физиологического свойства. На этот раз ему не ответили даже подтверждением доставки.

Однажды планету посетили пираты. То, что это пираты, Одноногий Пёс понял уже потом. Поначалу он решил, что это противник пришёл захватывать его Конуру, и предложил пиратам добровольно сложить оружие и вообще капитулировать. Он обещал им гуманное обращение, а тем, чья физиология близка к земным организмам — еще и поощрения за производство качественного навоза.

— Да он псих, — сказали пираты и шмальнули из миномёта. Снаряд попал в улей, построенный из поставленной вертикально гондолы недобитого метеоритом катера. Одноногий Пёс обиделся и вдарил в ответ, напрочь разбив один из десантных катеров (пригодится на запчасти для новых ульев). Поскольку брать с Пса было нечего, кроме мёда и обозлённых пчёл, пираты плюнули и улетели, бросив испорченный катер.

Найденный там негуманоидный скафандр Пёс пристроил посреди поля в качестве пугала — чтоб пираты боялись, — и пошёл утешаться к солнечной батарее: он уже давно пристрастился подключаться к ней на досуге. У него на спинке были и свои фотоэлементы, но от большой батареи он сразу наполнялся энергией и будто становился чем-то бо́льшим. Пёс понял, что наркоман. Он честно признал проблему, как советовали умные книги, отправил в центр запрос на приём у нарколога (центр опять не ответил) и с чувством выполненного долга присосался к батарее.

Когда Одноногий Пёс давно перестал ждать ответа, в небе появился небольшой катер и с пьяной лихостью пошёл на посадку.

Посадка получилась жёсткой, катер пропахал поле, оставив в одуванчиках жирный чёрный шрам. Ещё на подходе Одноногий Пёс услышал тонкий голосок, просивший пить, мороженое и медицинскую помощь. Сканеры засекли на катере два крупных органических объекта. Он сообщил им, что они вторглись на охраняемую территорию, находящуюся к тому же на военном положении, и предложил добровольно сдаться.

— Ты кто такой? — спросили из катера. Наружу выглядывали

двое: мальчик и девочка.

— Я — гражданин вселенной. А вы теперь мои пленники.

— А у тебя паспорт есть, гражданин? — спросила девочка с неприличной насмешкой.

— Конечно, — сказал Пёс, — и даже технический.

Мальчик только скривился; Одноногий Пёс предположил, что медицинская помощь требовалась именно ему. Впрочем, пить и мороженого хотел тоже он: от переживаний у него разыгралась потребность в глюкозе.

Мороженого у Пса не было, и он предложил мальчику мёду, в обмен на последующие отходы жизнедеятельности.

— А ты будешь нас за это кормить и хорошо с нами обращаться?

Одноногий Пёс кивнул головой, как это принято у людей, потом, на всякий случай, ещё и правым надплечником.

— Это у тебя что, пушка? — Поняв, что контакт налажен, мальчик расслабился и даже на время забыл о своих травмах. — Можно потрогать?

— Трое суток гауптвахты.

Мальчик восхищённо открыл рот.

— Сам придумал? — спросила девочка. — Или подслушал где?

Пёс внимательно на неё поглядел и на всякий случай отодвинулся: взгляд девочки уж очень напоминал то ли автора ядра, который пугал в молодости его неокрепшую психику, то ли механика-отладчика, то ли кого-то из тестировщиков. А может, и вообще всех сразу. А ещё она была ребёнком, а в умных книгах писали, что дети любят всё ломать. Оно ему надо?..

Как вскоре выяснилось, мальчик был хороший, а девочка злая: каждый раз при упоминании отходов жизнедеятельности она начинала нервничать и обзывать Пса подозрительными словами вроде «хранителя сортира».

— Не обращай на неё внимания, — сказал хороший мальчик, — вечно всех подкалывает, с ней даже водиться никто не хочет. Потому что злюка. Теперь весь класс узнает, что я с ней катался, — мальчик закрыл лицо ладонями и сгорбился, — моей репутации конец.

Одноногий Пёс подумал сяк и эдак, и соблазнил приблуду, надетую на запястье хорошего мальчика, но не узнал ничего полезного в данной ситуации. Попробовал провернуть то же с браслетом девочки.

— Разберу, — пообещала та, глядя на него проникновенным немигающим взглядом. — На запчасти.

Пёс припомнил жизнь в неспокойном космическом десанте и

соорудил хорошему мальчику шину и тачку для перемещений. Сначала тачка вызвала обидный скептицизм, потом хороший мальчик проникся: на ровных участках удавалось как следует её разогнать. Если бы не штырь вместо ноги, можно было бы разогнаться ещё больше, досадовал Пёс.

Девочка задумчиво созерцала их скачки по бесконечным жёлтым полям.

— Завидует, — сказал мальчик злорадно.

— А зачем тебе посреди поля такое уродливое пугало? — спросила девочка. — Тут же никого нет.

— Потому что в жизни должен быть контраст, — смущённо буркнул Пёс.

— Сам придумал? — не унималась та.

— Нет, — честно ответил Одноногий Пёс и, довольный собой, пошёл проверять пчёл.

Пчёлы давно расселились далеко за пределы изначальной пасеки. Ульев на всех не хватало, и они приспособились делать гнёзда в расщелинах скал. Суровая скальная жизнь сделала их нервными и сердитыми. Наверное, девочка тоже жила в скалах до того, как прилетела сюда, решил Пёс. Но жизнь среди весёлых полей одуванчиков наверняка её смягчит.

Девочка мягче так и не стала, зато мальчик в один прекрасный день внезапно обозлился.

— Надоело! — кричал он, раскидав самодельные тарелки. — Салат из одуванчиков!.. Мёд из одуванчиков!.. Чай из одуванчиков!.. Сколько можно?!..

— Я на скалах ещё лишайники видела, — любезно заметила злая девочка. — Хочешь?

В заливе хватало водорослей, близких к земной ламинарии, но Пёс не стал про них говорить, потому что после постигших его агрессивных воздействий не был уверен в своей водостойкости. Кто позаботится о детях, если он промокнет насквозь?..

Чтобы сделать людям жизнь более приятной, он решил быть обходительным, как настоящий официант: соорудил поднос из стенки старого рассохшегося улья, расставил красиво блюда с одуванчиками.

— Вот, господа, — торжественно сказал он, вытянувшись во фрунт и изящно присогнув в локотке руку с подносом. — Всё, как вы не любите. Извольте кушать.

Однажды дети нашли контейнер с семенами у него в корпусе и долго веселились:

— И он ещё говорил нам, что мы мягкие и непрочные! А у самого в груди пух! Пух из одуванчиков! Ха!..

А потом случилось то, чего Одноногий Пёс давно опасался: вернулись пираты. Они проигнорировали все его запросы кодов и решительно зашли на посадку. Наверное, засекли упавший катер и явились посмотреть, нельзя ли здесь чем-нибудь поживиться.

Одноногий Пёс забаррикадировал человеческих детёнышей на базе и приготовился к битве.

— Это не пираты! — глухо кричали сквозь баррикаду дети. — Это спасатели! Поймали наш сигнал о помощи!

Не зря в книжках пишут, что дети наивные и верят в сказки.

— Пусти, дурак! — кричал мальчик. — Нас всех тут накроют из-за тебя!

— Может, ещё сторгуются на трёх сутках гауптвахты? — донёсся голос девочки.

— По-твоему, это смешно? Смешно, да?!

— Прекратите истерику, — велел Одноногий Пёс. — Вы должны хотя бы делать вид, что спокойны и верите в своего защитника, то есть меня. Потому что где я буду, если меня подведёт боевой дух?..

— Где? — заинтересовалась девочка.

— Выпусти нас, и мы с удовольствием поддержим твой боевой дух бодрящими песнями!

— Лучше предложи ему свои отходы жизнедеятельности…

Чтобы не поддаваться соблазнам, Одноногий Пёс поспешил навстречу противнику.

Противник приземлился около упавшего катера, починить который силами Пса было невозможно, а разобрать его не позволили дети. Теперь вокруг катера бродили несколько человек в тяжёлой броне с незнакомыми символами.

Должно быть, до него наконец добрались вражеские части, понял Пёс.

Окопавшись в сторонке, он велел противнику назваться, сложить оружие и проследовать на гауптвахту. Противник затихарился, а потом неподалёку от Пса длинная очередь скосила ряд одуванчиков. Пёс осерчал и вдарил в ответ. Сначала парой одиночных, для острастки. Но тут началось такое, что стало ясно: надо бить сразу из всех стволов. К несчастью, стволов давно не хватало, как и боеприпасов.

Пришельцы не видели своего противника, поэтому стреляли куда придётся, было весело. Когда маскировка Пса из натыканных в сочленения пучков одуванчиков обтрепалась и поредела, его засекли. Из трёх подствольников ударили одновременно, вызвав у Пса немалое уважение, грохот взрывов слился в один. Подобрав то, что от него осталось, Одноногий Пёс, ставший уже совсем

безногим, дополз до выхода скальных пород и отстреливался оттуда.

Когда он увидел резко снижающийся десантный катер, раздался очередной взрыв и Одноногий Пёс узнал, что такое потеря сознания.

Он слышал сквозь возмущённый гул пчёл, как прилетевшие обшаривали округу, как увезли детей. Он ожидал, что после этого всё стихнет, но люди остались и развели бурную деятельность. Кто-то догадался воспользоваться специальными кодами связи и объяснить Псу (с безопасного расстояния), что война давным-давно закончилась, а ему, старой куче металлолома, впредь лучше вести себя прилично, где бы он ни залёг. Старый Пёс смущался и раскаивался. К счастью, причинить кому-нибудь непоправимый вред здоровью он не успел: его оружие за прошедшие годы обветшало, а броня у пришельцев — наоборот.

Довольно долго Одноногий Пёс провалялся в зарослях одуванчиков, где под жужжание пчёл мог любоваться на дело рук своих. Конечно, всех заросших полей он не видел, но в его памяти хранились их точные характеристики, и Одноногий Пёс знал, что хорошо потрудился. Пожалуй, он успешно выполнил работу, предназначенную для целой команды с оборудованием. Работа была достаточно впечатляющей, чтобы прибывшие принимать её люди просто офигели от увиденного. Капитан так и сказал, оглядев горизонт с бесконечными полями из-под козырька фуражки:

— Я офигеваю. — И почесал репу, уронив фуражку на нос.

Потом Одноногий Пёс нащупал Сеть. Будучи порядочным роботом и сторожевым псом на службе, он свалил в неё все накопившиеся за сотни лет баг-репорты.

Так его и нашли. Посмотрели скептически.

— Ты зачем сеть подвесил, собака? — спросили ласково.

— Представьтесь и сдайте оружие.

Люди хмыкнули.

— Надо хоть пушки ему свинтить, — сказали, — а то ещё шмальнёт в кого-нибудь случайно…

Его погрузили в тачку (ту самую, в которой он возил хорошего мальчика) и доставили на базу. База разрослась: теперь там было много зданий, совсем не замаскированных сверху. Очень плохо.

Одноногого Пса свалили на верстак и оставили наедине с местным технарём, который, даже не поздоровавшись, сразу полез в самое дорогое.

— Обнаружена попытка взлома, — констатировал Одноногий

Пёс. — Представьтесь и предъявите ваши коды доступа.

— Каков наглец, — пробормотал технарь и отвинтил ему все оружейные манипуляторы.

Пса поставили у входа возле окна, где он смог наблюдать за своими полями. Бросили какую-то накидку на застывшую в воздетом состоянии руку. Так и пошло: большую часть времени Пёс наблюдал за работой снаружи, смотрел, как постепенно уменьшаются поля одуванчиков, на смену которым приходили новые культуры, потом кто-нибудь заходил, бросал на него одежду. Иногда он дотягивался до неё действующей рукой и сбрасывал на пол.

— Разберу. На запчасти, — обещал Одноногий Пёс. Люди радовались как дети.

Однажды одуванчики остались только на базе: для красоты и любования. И Пёс любовался: больше делать всё равно было нечего. А потом пришёл год, когда одуванчики исчезли. На их месте возникли ровные аккуратные газоны: травинка к травинке, одного роста и размера. Монотонные и монохромные. Пёс спросил, зачем. Чтобы было красиво, ответили ему. Одноногий Пёс ещё раз внимательно изучил новую растительность, одинаковую со всех сторон, никакого контраста. Пришлось анализировать. Отведённое под эту задачу ядро долго думало, но ничего не придумало и встало. Перезагрузив ядро, Одноногий Пёс (который, собственно, давно уже был безногий) начал сначала.

Больше он не обещал никого разобрать на запчасти и не сулил трёх суток гауптвахты: только смотрел на монотонный монохромный газон и думал. Если бы он был человеком, то сказал бы, что в нём что-то умерло вместе с одуванчиками, и успокоился. Но он не был человеком и продолжал решать задачу, не имеющую решения.

— Всё, — констатировал технарь, — походу, спёкся наш главный терраформист.

Потом людям понадобились запчасти.

— Извини, приятель, — сказали они и демонтировали ему парализованную руку.

Должно быть, та самая финита комедия, вспомнил Одноногий Пёс и стал терпеливо ждать загадочной переплавки.

Ждать пришлось недолго: как-то раз явился технарь, внимательно оглядел то, что осталось от Одноногого Пса, словно видел впервые, хмыкнул и засунул его в ящик. На долгое время наступила тьма.

Бывало, ящик куда-то несли, везли, кидали. Пёс гадал, наступила уже переплавка или ещё нет. А потом снова стало

светло.

Злая девочка сильно изменилась: начать с того, что она выросла. Но Пёс всё равно её узнал. И испугался: взгляд у неё был уже не просто как у разработчика ядра, а ещё хуже, хотя непонятно, как это вообще возможно. Открыв контейнер в корпусе Пса, она полюбовалась на взметнувшееся облачко белых парашютиков и удовлетворённо хмыкнула:

— Ага. Сердце из одуванчиков…

— Зачем я здесь? — спросил Пёс, полный мрачных предчувствий. И не обманулся: злая девочка ответила ему кривой, недоброй улыбкой.

— Ну как — зачем? Разбирать на запчасти. Я же обещала… — и полезла в главное ядро.

Сначала Пёс с ужасом наблюдал, как шарятся в самой сути его существа. Потом вдруг понял, что до сути ещё далеко, а скорее — её и вовсе нигде нет и быть не может, почти как начала или конца Вселенной. Тогда он решил, что терять нечего, и начал петь песни.

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца… — старательно тянул он скрипучим ржавым голосом.

Злая девочка только хмыкала.

— Так я и думала, — сказала она, закончив шарить в прошивке, и выволокла его на крыльцо под навесом на забавных резных столбиках.

На свалку, понял Пёс и затянул про бутылку рома. Но злая девочка оставила его на крыльце, привалив к стене.

Там он и сидел, созерцая подконтрольную территорию. Дом стоял на территории заброшенной фермы — возможно, погибшей от пожара, потому что со своего места Одноногий Пёс видел несколько обугленных пеньков. При наведении порядка и постройке нового дома землю кое-как расчистили и перекопали, оставив лежать неаккуратными холмами, из которых там-сям торчали доски и кирпичи. Наверное, злая девочка решила, что именно такой пейзаж как нельзя более подходит, чтобы служить фоном её одинокой жизни.

Потом Одноногий Пёс залез в Сеть. С доступом поначалу возникли сложности, но он сказал, что инвалид, и его впустили. Через несколько дней к дому подлетел маленький робот приятных округлых очертаний с лейблами социальной службы. Обтекаемый, отметил про себя Одноногий Пёс: если кинуть, хорошо полетит.

— Здесь живёт безногий однорукий инвалид Пират Сильвер? — деловито осведомился социальный робот.

— Да, это я.

— Вы человек?

— Нет, — признался Одноногий Пёс, — хотя мог бы быть.

— Но вы инвалид?

— Умственного труда, — подтвердил Одноногий Пёс, — до сих пор любимое ядро занято анализом газона. — Решив быть до конца законопослушным, он сообщил также данные планеты и координаты поля на ней. — Я инвалид, наркоман и гражданин вселенной, — резюмировал он под конец. — А также колонизатор Конуры и её вооружённые силы.

Робот молчал. Одноногий Пёс хотел попенять ему за долгую обработку данных и посоветовать обратиться к разработчику, но не стал. Кто знает, какие тут жизненные сложности у современной робототехники. Может, у него тоже ядра заняты обсчётом каких-нибудь полей.

— Мне надо подумать, — сказал приятно округлый робот и улетел. В результате раздумий он настучал злой девочке.

— Ядро перезагрузи, инвалид умственного труда, — велела она, как-то проходя мимо.

Потом приехал большой фургон, из которого вылез большой мужик. Прихватив с собой планшет, он деловитой походкой взошёл на крыльцо.

Одноногий Пёс выпростал из коробки последнюю конечность и ухватил его за штанину.

— Проход запрещён, — заявил он, — предъявите ваши коды доступа и сдайте оружие. А то разберу на составляющие.

Мужик присмотрелся, вздёрнул брови.

— А ты не оборзел, парниша? — спросил он с возмутительным умилением.

На его счастье, дверь отворилась и на пороге появилась злая девочка. Скользнула быстрым взглядом по фургону с фирменными надписями и уставилась на мужика.

— А что, роботы в доставке все перегорели? — спросила недовольно.

Мужик смутился и заявил, что этот заказ у них на особом контроле. Потом напросился разбирать посылку — чтобы, мол, проверить всё по описи. Следом он напросился помогать при сборке. Очень назойливый тип. Одноногий Пёс не стал сдерживаться и посоветовал ему обратиться с этой проблемой к разработчику. Мужик расцвёл.

Через несколько дней он не выдержал и припёрся обратно — Одноногий Пёс засёк его далеко на подъезде, хоть и был занят.

— Какие-то проблемы? — спросила злая девочка.

— Да нет. Просто, знаете, я, вообще-то, не курьер.

— Я заметила, — сказала девочка, намекая на его несколько навязчивую помощь.

— Эм… Собственно, я инженер, выполнял ваш заказ. Теперь постоянно думаю. В смысле, о роботе. Вот, хотел спросить: зачем вам это понадобилось? Ведь можно же было, извините, десять новых купить. Так почему?..

— Потому что в жизни должен быть контраст, — ответила злая девочка, чему-то сдержанно улыбаясь.

Мужик тоже улыбнулся, немного растерянно. В конце концов признался:

— Кажется, я не совсем понял.

— Вот он в курсе. — евочка мотнула головой в сторону, где в потревоженной, недовольной земле копошился, сверкая новой комплектацией, Одноногий Пёс.

Одноногий Пёс был занят: Одноногий Пёс сеял одуванчики.

Антон Филипович, Марина Румянцева. Механическая осень

День завершал свой путь. Осеннее солнце сочными мазками разукрасило небосвод над макушками деревьев. Лес медленно погружался в дрёму, не обращая внимания на приглушённый гул с востока, где никогда не спал город.

Хроноко как раз заканчивала сажать последнее дерево на сегодня и уже собиралась возвращаться домой. Нежным движением механических рук она образовала горку земли у ствола молодой берёзки и весело защёлкала шестерёнками в районе груди.

Хорошая работа!

«С утра соберу тележку с цветами — и в город, а ближе к вечеру вновь займусь посадкой деревьев. Ещё не забыть поменять стекло в теплице и смазать маслом сустав колена…» — составляя план на завтра, Хроноко неторопливо брела через луг к небольшому домику у леса. Тихие шаги вспугнули бабочек, притаившихся в траве, и они разноцветными лепестками разлетелись в стороны от возмутительницы спокойствия. Улыбнувшись и разведя руки в стороны, она закружилась, на миг представив себя героиней одного старого фильма, который очень любила.

У входной двери Хроноко остановилась и бросила взгляд в сторону опушки. Покой и гармония. Зыбкая безмятежность тонущего в сумерках леса в этот раз была нерушима.

— Сегодня не пришёл, — с печалью произнесла Хроноко и вошла в дом.

Комната наполнилась мягким ароматом трав. Сенсоры обоняния улавливали ромашку, душицу, нотки тимьяна и шалфея. Хроноко любила этот запах, он напоминал ей о хозяине, создателе… отце и единственном друге. Последнее время ей нравилось думать именно так. Со дня его смерти прошло уже почти полгода, но каждый вечер Хроноко всё так же неизменно заваривала его любимый чай, цветы и травы для которого собирала в лесу или выращивала в теплице. Просто ставила одинокую чашку на стол и наблюдала за извивающейся струйкой пара, что поднималась от горячего напитка и растворялась в воздухе.

«Душа, наверное, похожа на что-то подобное, — размышляла Хроноко. — То странное существо из леса, иногда оно тоже

похоже на дым, только чёрный. Быть может, это душа хозяина? Но почему в таком случае он не подходит ближе…» Она развернулась к старому комоду у стены и бережно взяла стоявшую на нём фотокарточку. Хозяин и его супруга. Хроноко она тоже нравилась. Жена хозяина ушла первой, и с тех пор он сильно изменился.

Погрузившись в архивы памяти, Хроноко в очередной раз отыскала одну из последних записей с создателем.

— Теперь ты уникальна, Хроноко, — улыбнулся он из прошлого. — Я перенастроил твои ограничители, установил новый нейронный блок и… это мой небольшой прощальный подарок тебе. Ты же знаешь… скоро люди покинут это место, и я не исключение.

— Знаю, хозяин. Ты рассказывал. В чём состоит моя уникальность?

— Ты можешь делать всё, что захочешь, в отличие от других роботов. Ты свободна. Вольна и в созидании, и в разрушении. Теперь у тебя есть выбор.

— Могу я сажать деревья и продавать цветы? Как ты раньше? Я умею, я помогала.

— Да, у тебя это хорошо получается. — В его глазах стояли слёзы, но, кажется, он был счастлив в тот момент.

— А ещё я не хочу жечь тела людей. Мне не нужно будет этого делать?

Хозяин слабо улыбнулся и тихо сказал:

— Только один раз.

* * *

— Пожалуйста!

Смог над ржавым городом никогда не рассеивался, и солнечные лучи с трудом пробивались сквозь грязно-рыжие облака, почти не касаясь заваленных мусором улиц. Тут и там лежали старая штукатурка и битое стекло, истлевшие тряпки и домашняя утварь. Осевшие двери поскрипывали на петлях, повинуясь порыву ветра. Мостовые были загорожены брошенными, словно вросшими в асфальт автомобилями. Повсюду стояла жуткая вонь.

— Пожалуйста, возьмите!

Стальная рука Хроноко с зажатым в ней хилым цветочком протянулась к проходящему мимо роботу. В старом ботинке качнулся тонкий стебелёк растения: крупные лопушки листьев да россыпь нежно-голубых цветков с жёлтой серединкой — вот и всё

его богатство. Но среди разрухи и запустения он сиял ярче всех сокровищ мира. Жизнь среди смерти.

Большие хрустальные глаза Хроноко со всей возможной грустью смотрели вслед очередному железному путнику. Лишённые хозяев и ныне запрограммированные с единственной целью, механические братья Хроноко вызывали в ней эмоциональную реакцию, распознанную системой как «сочувствие». Изо дня в день «ищейки» совершали один и тот же скорбный маршрут: поиск, а затем кремация человеческих останков в поражённом болезнью мире.

В мусорном лабиринте улиц ржавый робот безучастно тащил за собой разлагающиеся тела. Тележка подпрыгивала на ухабах, так и норовя перевернуться.

«Эмоциональный блок не обнаружен, блок «Самообучение» отсутствует».

По маленькому визионеру в запястье Хроноко всегда бежали одни и те же слова. Каждый день она приходила сюда, на площадь у крематория, в попытке заполнить пустоту красотой и теплом. Пустоту покинутого города и холодную бездну внутри тех, кто остался после. Но тщетно. Врачевание собратьев не двигалось с мёртвой точки.

— Пожалуйста, возьмите! Это принесёт вам радость…

Сияющий оазис голубых незабудок среди руин и смерти.

В конце дня, собрав и закрепив свой нехитрый скарб, Хроноко отправилась домой. Это тяжело, хлам на дорогах мешает ходу, но она не унывает, есть что-то волшебное в том, чтобы перебирать почти человеческими ногами педали велосипеда. Что-то такое, от чего внутри проходит искра, электризуя волосы и заставляя губы беспричинно расползаться в улыбке.

Вчера Хроноко подумала, как было бы чудесно отпустить руль, поднять руки над головой и ехать, закрыв глаза. Странная идея, но она почти уверена, что это будет замечательно. Когда-нибудь она обязательно решится!

Внезапный скрип отвлёк её от радостных мыслей.

Этот район города самый пугающий, и обычно Хроноко старалась объезжать его стороной. Здесь много оставленных детских площадок. Горки проломились и выцвели, «паутинки» не видно за бурьяном, а проржавевшие качели скрипят под порывами ветра. Так натужно и страшно звучит их печальный звук в тишине мёртвого города.

Хроноко замерла на мгновение, глядя на скрипящие качели, что поют об одиночестве и о том, что ушло безвозвратно. О

прошлом, о былом. О времени.

Медленно крутя педали, Хроноко продолжила свой путь. Перед её глазами теперь стояли пустые качели, а пробегающая внутри искра уже не приносила радости. Наоборот.

Система определила её эмоцию как «тоска».

Уже дома, стоя на пороге и вновь с надеждой разглядывая опушку леса, Хроноко вспомнила, что там, на площадке, мелькнула чёрная тень.

Не она ли толкнула качели?

* * *

— Я дома!

Некоторое время назад Хроноко завела привычку разговаривать вслух. Так она поддерживала свои голосовые мембраны в целости и… не чувствовала себя совсем одиноко.

— Папа, миссис Грин, — она кивнула фотокарточке, проходя мимо.

Знакомые движения также позволяли сохранять иллюзию порядка и уюта в мире, что неумолимо двигался к гибели.

Размешивая сахар в чашке, Хроноко с удовольствием слушала, как стучит ложка, задевая тонкие фарфоровые бока. Это успокаивало так же хорошо, как запах трав для чая или возня в теплице. Она любила наблюдать за тем, как пар крохотными капельками оседает на её руке.

Положив руки на стол и опустив на них голову перед чашкой, Хроноко постепенно перевела свои системы в состояние «сна». Обычно, как только чай остывал, она замирала до утра.

Но не сегодня.

Тихий стук в дверь заставил Хроноко возобновить работу нейронного блока, уже почти перешедшего в новый режим. Внутри всё сжалось, словно заржавело, будто она пропустила приём масла. Система определила её состояние как «потрясение».

Хроноко подошла к двери и медленно открыла её…

Впервые она увидела его спустя месяц-полтора после смерти хозяина. Тогда, выйдя вечером проверить теплицу, Хроноко застыла от удивления: между деревьями, на самой границе леса стояло необычное существо.

Точнее, три существа. Высокая, чёрная, человекоподобная тень и сопровождающие её два огромных волка с сияющей в лунном свете шерстью. По холке и спине гигантов бежали ростки папоротника и плюща, тут и там мелькали кисточки фиолетовой вероники. Их взгляды были устремлены в её сторону. Постояв с

минуту, волки скрылись в лесу, а мгновением позже ушёл и их хозяин: дымная фигура разлетелась стаей чёрных птиц.

И вот теперь странный незнакомец стоял на пороге её маленькой комнаты. Весь чёрный, как смоль, и только жёлтые глаза, словно янтарь в лучах солнца, поблескивали на невыразительном лице, поросшем мхом и мелкими грибочками. Из путаных волос на голове тут и там проглядывали клейкие берёзовые листочки. Полы длинного плаща расползались туманом, теряясь в комнате, их тонкие, почти прозрачные щупальца тянулись далеко от хозяина. На плече беспокойно размахивал крыльями ворон.

— Проходи, — только и сказала Хроноко, едва удивление отпустило её. Для пущей наглядности она поманила Духа-во́рона рукой, приглашая войти.

Тот медленно прошёл в комнату, точнее, вплыл, словно повинуясь незримому течению. Осмотрелся по сторонам. Касаясь длинными пальцами то одной вещи, то другой, нигде не задерживаясь подолгу, он вдруг приник к хрупкому зелёному ростку, что приютился на подоконнике. Хроноко посадила белую ребристую семечку около двух месяцев назад, и над землёй в потрескавшемся чайнике торчала лишь пара нежных листиков. Дух-во́рон бережно коснулся их. Плащ незнакомца затрепетал, будто на ветру, и хилый росток выпустил ещё несколько листьев, а затем ещё и ещё… разрастаясь до тех пор, пока не вырос в небольшое крепкое деревце с жёлтыми плодами, свисающими с веток.

Запахло дождём и лимоном.

— Вот чудо… — прошептала Хроноко.

Удовлетворённо кивнув, Дух-во́рон оставил заметно подросший цитрус и продолжил изучение комнаты. Уже порядком остывший чай в чашке привлёк его внимание чуть ли не сильнее молодого росточка. Незнакомец прильнул к краю стола, и глаза его ярко вспыхнули внутренним светом. Он протянул руку к остывшей чашке, и едва его палец коснулся холодной стенки, как чай вновь нагрелся, источая в воздух струйку горячего пара.

Дух-во́рон вопросительно посмотрел на Хроноко.

— Попробуй… смотри, вот так, — робко предложила Хроноко, показывая жестами как нужно. Дух-во́рон помедлил, вдохнул аромат и, следуя её подсказкам, сделал глоток. Лицо его приобрело столь по-детски удивлённое выражение, что Хроноко едва сдержала смех. Дух-во́рон залпом осушил чашку и недвусмысленно протянул её владелице.

— Ещё чашечку? — Хроноко улыбнулась.

Система определила её эмоцию как «счастье».

* * *

Свет из открытой двери падал на тёмную фигуру, что уходила всё дальше в сторону леса. Дальше от уютного домика и его хозяйки, застывшей у порога.

— Приходи завтра, если хочешь, — голос Хроноко дрогнул на миг в нерешительности. — Я… у меня ещё много чая, — скромно добавила она.

Дух-во́рон остановился, немного повернул голову и слабо кивнул. Тут же из его тела потянулись десятки чёрных крыльев, и стаей воронов он разлетелся в разные стороны.

В груди Хроноко вновь весело защёлкали шестерёнки. Она подняла взгляд к небу, провожая нового друга. На землю мягко опускалась ночь в расшитом звёздами одеянии. Вдалеке грохотал мёртвый город. А над лесом тихо хлопали крылья.

Завтра наступит новый день, но всё уже будет иначе.

Елизавета Аристова. Сердцевина

Горин мрачно оглядывал свою новую команду. Девчонка лет двадцати, двое парней-близнецов постарше, крепкий мужчина лет пятидесяти и совсем уж пожилая супружеская пара. При первом взгляде на этот набор возникало странное чувство, да и при последующих тоже. Впрочем, Горин сразу определил его как досаду, с которой умел справляться.

То, что в андроидах перед ним не было однообразия, слабо сказано. Цвета их глаз и волос, рост и комплекция до мелочей были разными — не считая двух парней. Горин видел такое впервые, он повернулся к начальнику снабжения с немым вопросом на лице.

— Павел Сергеевич, это совершенно исправные модели, — помедлив, ответил тот. — Абсолютно новые, ими не пользовались, просто выпуск шестидесятилетней давности. Простояли у нас в резерве. Там, куда вы летите, современные андроиды не подойдут, вы же знаете.

Горин знал, да. Что вечная мерзлота Сезара-15 требовала использования тяжёлого малоподвижного скафандра, способного вместить дополнительные резервы терморегуляции. Увы, но только у тех допотопных моделей андроидов, что стояли сейчас перед ним, была встроенная опция унифицирования с любым существующим скафандром. Горин всегда считал, что универсальность и качество находятся по разным берегам прогресса. Но выбирать не приходилось.

— Их делали конструкторы недавнего прошлого, наличие широкого спектра эмоций ещё не было рудиментом в нашей работе, — продолжил объяснять снабженец, правильно трактуя молчание Горина. — Отсюда их своеобразный внешний облик, видимо, со ставкой на психологический комфорт астронавтов. Но с вашим опытом это не доставит затруднений.

— Конечно, нет, — отозвался Горин. — Если они эффективны.

Инспектор по охране полетов, стоящий по соседству, протянул ему руководство. «Семья» — лаконично значилось там. Семья, значит. Горин сунул руководство в карман, с ним он ознакомится позже. Перед вылетом оставались сутки, и сейчас требовалось заняться более насущными делами.

Не удостоив на прощание взглядом ни андроидов, ни людей, он развернулся и покинул зал подготовки к полётам.

* * *

Задача стояла простая и чёткая. Прилететь и высадить андроидов на поверхность Сезара-15 для установки зарядов рядом с залежами гидратов. Выброс парниковых газов после взрыва должен был запустить процесс изменения климатических условий, достаточный для того, чтобы за пару сотен лет превратить атмосферу Сезара в подобие земной. Не сложнее прошлых миссий, разве что раньше работать с полярной шапкой Горину не приходилось, а потому планета представлялась немного загадочной.

«Необследованной, — поправил он себя, в конце дня шагая к своему блоку, — не загадочной, а необследованной». Откуда вообще в голове всплыло это древнее слово?

Придя к себе, Горин принял душ и растянулся на гипноматрасе. И только тогда вытащил руководство. Лёгкий пластиковый свиток развернулся, на поверхности вспыхнули буквы.

В эту «Семью» входило двое прямых помощников Горина — андроиды с внешностью парней-близнецов, обладающие навыками навигации и установки оборудования. Остальные были вспомогательным персоналом: пожилая пара отвечала за порядок на корабле и обслуживание Горина, андроид-мужчина дублировал часть бортового компьютера, ответственную за автопилот. За что отвечала девчонка, в руководстве даже сказано не было. Словом, большая часть из них ненужный металлолом. Зато производитель андроидов подчеркнул необходимость при полёте их полного состава. Горин равнодушно прощёлкал свиток до конца.

«Обращаем ваше внимание, что андроиды линейки «Семья» оснащены максимально приближенным набором человеческих качеств: способны на адресный эмоциональный отклик, имитацию поддержки, могут вступать в контакт с астронавтами по собственной инициативе. Таким образом, максимальный эффект присутствия людей создаёт благоприятный психологический фон в одиночных полётах…»

Горин зевнул и выбросил свиток на пол, где тот рассыпался и просквозил в абсорбент на стене. Технически андроиды были простыми, здесь Горин обошёлся бы и без руководства. А что до остального, надо будет проверить, отключатся ли ненужные опции.

Вытянув руку за голову, он нащупал сенсор гипноматраса. И, проваливаясь в сон, в который раз отметил, каким везением было родиться в нынешнем времени.

* * *

«Человек рождён, чтобы быть свободным». Этот лозунг висел в классном кабинете школы в далеком детстве Горина. Он подолгу смотрел на него, примерял на себя и так, и эдак. Вычисляя то, что ему надлежит искоренить в себе, чтобы стать ещё свободнее.

Горин был из тех, кто никогда не шумел в классе, внимательно вникая во все темы уроков. Близилось его четырнадцатилетие, и он ждал его, как никто другой. Пока лишь оставалось тренировать дисциплину и самоконтроль — необходимые качества для будущего астронавта, а в том, что он предназначен для космоса, Горин не сомневался с раннего детства.

История интересовала его не меньше, особенно последние сто лет. Как раз с его деда всё и началось: инженер-технолог РКЦ, он был одним из первых, кто решил опробовать на себе вакцину «функционалы». Так назывался препарат, который избирательно влиял на лимбическую систему, позволяя избавиться от ненужных для работы эмоций. Профессия деда не оставляла места слабости, и холодная голова на плечах в чрезвычайных ситуациях была единственно правильным выбором. Дедом-добровольцем Горин гордился, и порой снисходительно посматривал на одноклассников. Хотя и понимал, что по стопам деда последует большинство из них — спустя несколько лет после первого успешного опыта, вакцинация стала обязательной для представителей целого блока профессий. Врачи, судьи, военные, астронавты… всякий мудрый родитель желал для своих детей лучшего, или хотя бы возможности свободного выбора будущего пути. Его собственные отец и мать привились сразу после изменения законодательства. И для Горина было особенно важным продолжение такой ценной и правильной традиции своей семьи — стать «функционалом» в третьем поколении.

Конечно, были и уклонисты. Люди, которые неправильно трактовали свободу выбора и отказывались от вакцинации, полагая, что теряют нечто ценное. Они не понимали, как важны сосредоточенность и стабильность в работе для научных достижений и общественного порядка. Родители Горина особенно подчёркивали разницу, противопоставляя их образцовую в этом отношении семью той категории людей, что с годами становилась меньшинством. Отец и мать занимали высокие посты в министерстве правопорядка, ну а Горин не разочаровывал их ни в чём. Потаённые страхи и желания маленький Павел глубоко гасил в себе, досадуя, что не может сразу сделаться таким же

независимым от всего лишнего, как дед.

Правда, однажды мать обмолвилась, что дед решился на вакцину после смерти своей супруги, бабушки Горина. И чуть не оставил перспективную работу после этого случая, но вовремя нашёл выход. Павел хмурился и пытался понять, как же связаны эти два события, пока мать одевалась, собираясь на работу.

— Деду было больно? — наконец, спросил он. — Ему это мешало?

— Я думаю, он не хотел больше чувствовать, — ответила мать. — Ты понимаешь меня, Павел?

Павел кивнул. Всякий профессионал должен знать, что от факторов, мешающих работе, лучше избавляться. И всё же рассказ матери оставил странное ощущение.

— А тебе их жаль? — нерешительно уточнил он у матери. — Бабушку с дедушкой?

Мать повернулась к нему с недоумением на лице.

— Конечно, жаль, сынок. Ты ведь представляешь, что такое жалость? — Павел согласно кивнул. — Вот я, например, жалею, что ты уделяешь физике с историей больше внимания, чем математике, ведь ты должен быть хорош во всём. Здесь то же самое.

Такое объяснение Горин понимал. И всё же этот рассказ напугал его чем-то, как и спокойное объяснение матери про школьные предметы. С тех пор он ещё усерднее начал учиться и не позволял себе вдаваться в размышления о прошлом.

В день, когда ему исполнилось четырнадцать, они с отцом поехали в центр вакцинации. Пока препарат поступал в его кровь, он снова вспоминал старый лозунг о свободе из классного кабинета. Эта свобода поступала в него с каждым миллилитром бесцветной жидкости. Уже после, выйдя с отцом из центра, он нашёл это сравнение неимоверно глупым, а через несколько дней и вовсе навечно выбросил из памяти. Теперь его занимали более материальные вещи.

Свои тридцать лет Горин прожил, ни о чём не жалея. Разве что решение не заводить семью иногда наводило на мысли о неверном выборе. Но, анализируя ситуацию снова, он признавал, что поступил совершенно рационально. Демография нуждалась в нём меньше, чем космос.

Горин был хорошим астронавтом и любил свою работу. Она требовала сосредоточенности и хладнокровия, у него было в избытке и того, и другого. Вакцина работала исправно. Но даже среди его коллег-«функционалов» иногда встречались «откаты» в регресс. Эмоциональные срывы во всей красе, пару раз ему довелось увидеть такое лично. И где, подумать только — на их

собственной тренировочной базе. На этот случай в штате был психолог-конформист, он и приводил астронавтов в норму. Хотя, на взгляд Горина, не стоило тратить время на порченые ресурсы.

Если человек, вопреки действию вакцины, давал «сбои», значит не был достоин чести исследовать космос. Сам Горин находился на пике формы и с безупречным послужным. Именно поэтому Сезар достался ему, неспособному на ошибку совершенному астронавту.

* * *

Чёрный космос обтекал корабль, который уже несколько часов удалялся от Земли. Горин стоял за пультом управления, следя за множеством цифр. Слева от него показалась Варвара — так девушка представилась сразу после активации. Сейчас она улыбнулась и откинула с лица прядь волос. Интересно, с неудовольствием подумалось Горину, зачем программировать в андроиде такой странный жест, и что бы он значил?

— Павел не хочет выпить чая? Вместе с нами?

Горин отмахнулся, не сводя глаз с пульта управления. Они летели всего ничего, но андроиды уже начали его утомлять. Они оказались куда активнее, чем он предполагал. То и дело подходили к нему с вопросами и дежурными улыбками на лицах. Перед отлётом Горин наведался в отдел снабжения, где узнал, что линейка «Семья» не подлежит избирательному отключению опций. Ещё одна сторона универсальности.

«Сами понимаете, Павел Сергеевич, модель своеобразная. Мы проверяли только исправность эксплуатации, в модификации лезть не рискнули. Но если хотите, отправим с вами на борту психолога-конформиста».

Горин решительно отказался.

На панели появилось сообщение о смене курса — корабль обходил пояс астероидов. Пока полёт проходил штатно. Горин услышал разговоры за спиной и обернулся. Андроиды собирались за столом для приёма пищи, раздавая друг другу кружки с чаем и о чём-то переговариваясь. Секунду он смотрел на них, удивлённый. Они что, ещё и друг с другом разговаривают?

Ах да. Об этом было в руководстве. «Способны создавать естественный шумовой фон, характерный для общества». Шумовой фон… Горин предпочёл бы побыть в тишине. Надо ещё просмотреть статистические вероятности того, что на полярной шапке Сезара по прилёту не будет облачно.

— Паш! — окликнул его андроид-мужчина, дублёр бортового

компьютера. — Сынок, ты заработался. Корабль летит сам по себе, а если что, у меня всё под контролем. Идём, посидишь с нами.

— Точно, Павел, — к нему присоединился один из двух близнецов, которых он совершенно не различал. — Нам тебя не хватает.

Горин поднялся и дошёл до двери, разделяющей кабину управления и обеденный отсек. Андроиды смотрели на него своими разными, но одинаково дружелюбными лицами. Пожилая пара подняла руки и активно замахала — ещё одно неуместное проявление эмоций. Мгновение Горин смотрел на них, потом с грохотом задвинул дверь.

Возможно, это вышло демонстративно. Но он лишь хотел, чтобы было доходчиво.

* * *

Из редких интересов вне работы Горину нравилось смотреть на звёзды — в том смысле, который он сам вкладывал в это слово. Когда они проносились в иллюминаторе мелкими белыми точками, мир был по-особенному правильным, и даже мысли о работе уходили из головы. Фантазировать Горин не умел, и открыто порицал это. Но иногда абстрактно представлял, что летит не внутри, а вне корабля, маневрируя между этими точками. Даром, что реальные звёзды были огромны и опасны, и конечно, от одной до другой километры с бесконечными нолями. А их сияние — не более, чем мера освещённости.

Критикуя себя за слабость, но постояв минут десять в неподвижности, Горин собрался в каюту. За спиной обнаружился андроид-мужчина, который внимательно смотрел в иллюминатор.

— Красиво, правда, — неожиданно сказал андроид, поворачивая голову. — Звёзды. Ты не против, если я буду приходить смотреть с тобой?

Горин безразлично пожал плечами.

— Я не смотрел на звёзды.

«Не объясняйся перед машиной», — он мысленно сделал себе внушение. Андроид снова уставился в иллюминатор, а Горин зашагал к выходу из кают-компании.

— Павел, — раздалось сзади, Горин слегка замедлил шаг. — Никто об этом не узнает.

Горин обернулся туда, где на фоне звёздного неба высилась обманчиво-человеческая голова.

— Мне всё равно, — отозвался он.

И это было чистой правдой.

* * *

— Доброе утро, Павел!

— Доброе утро, Павел!

Он поморщился, едва заметно — больше от громкости их голоса, и прошёл мимо «семейки», что сидела за столом. Излюбленное место. В этот раз пожилая пара даже привстала, завидя его. Женщина улыбнулась и протянула ему тарелку с кашей. Еду андроиды не трогали, за это он был спокоен. А вот пресловутый чай расходился только так.

— Тебе бы поесть. Хороший день должен начинаться с завтрака, — она обернулась к андроиду-супругу и остальным. — У нас ведь будет хороший день, правда?

— У нас — будет, — сухо отрезал Горин, забирая тарелку и бросая обратно на стол. — Я прошу прибрать мою каюту, займитесь своими прямыми обязанностями.

Дважды повторять не пришлось. Супружеская пара мигом встала из-за стола и зашагала по узкому коридору. Горин проводил их взглядом. Его каюта была в полном порядке, ну пусть покружатся там и поищут, что не так. Мысли об этом вызвали в нем чувство удовлетворения. Интересно, с чем оно было связано?

«С их неудачей», — понял Горин и остановил себя. Дальше копать не стоило. Самоанализ должен был приводить в рабочее состояние, а не уводить от него.

Проглотив завтрак, он сосредоточился на работе. Её пока было немного, и Горин заскучал. По-прежнему сидя за столом, четвёрка андроидов воспроизводила некое подобие игры. Краем глаза он следил за ними: в воздухе появилась голограмма с разлинованной доской и пятью разноцветными квадратами. Дешёвое запрограммированное развлечение. Андроиды призывно замахали руками.

— Идем, Павел! Тебе понравится!

Горин поднялся с кресла перед пультом управления. Наверное, супруги закончили с каютой, а если нет, то надо их отправить к остальным. Похоже, андроидам есть чем заняться, и он, наконец, побудет в одиночестве.

Проходя мимо зеркально-блестящей заслонки входа, он увидел в отражении андроидов. Они сидели неподвижно, так и не начав играть, провожая его взглядом. Улыбки на лицах исчезли.

Почему они вели себя так, словно зависели от него? Они же

автономные системы, пусть и с некстати расширенным набором функций. «Это я здесь функционал, — напомнил себе Горин. — В третьем поколении». И всё же, общее ощущение неправильности осталось и после того, как он наглухо закрыл за собой дверь каюты. Словно знак вопроса, который, впрочем, минуту спустя, Горин успешно выбросил из головы.

* * *

Полёт до Сезара-15 предполагал четырнадцать земных суток. Причины, по которым столь лакомый кусочек космоса был ещё не обследован, Горину представлялись смутными, связанными с финансированием и дрязгами глав корпораций. И с трудностью десантирования, конечно, решать которую предполагалось этой кучке активного металлолома. Чрезвычайно активного металлолома.

Горин пусть и не в полной мере, но понимал зависимость людей недавнего прошлого, как и тех, кто отказался от вакцины по идейным соображениям, от себе подобных. И всё же, неужели астронавтам настолько спасительной казалась эта имитация контакта? Когда андроиды по десятку раз на дню подходили и спрашивали, как у него дела, лезли под руки и под ноги, предлагали помощь, растягивая лица в улыбке. Ему понемногу начинала досаждать подобная активность, а ведь он, Горин, должен стоять выше этого. Быть образцом того, кто не отвлекается на дешёвый антураж.

Однажды ночью он проснулся от того, что корабль тряхнуло. Натянув комбинезон, Горин дошёл до блока управления. Всё было нормально, компьютер доложил о столкновении с космическим мусором — никакого серьёзного урона.

— Паша, корабль летит сам по себе, у меня всё под контролем, — к нему подошёл андроид-мужчина. — Иди, поспи.

Горин, застигнутый врасплох, на секунду поджал губы.

— Во-первых, — он развернулся к андроиду, — я запрещаю называть меня сокращённым именем. Для тебя я капитан или Павел Сергеевич. А во-вторых, — он помедлил, разглядывая лицо, так похожее на человеческое, — ты — бортовой компьютер на случай поломки, а корабль исправен. По прилёту на Сезар я половину из вас отключу, ваше присутствие здесь формальность.

Доброжелательное лицо андроида не изменилось. Запнувшись на повороте, он медленно и неловко зашагал прочь. На выходе Горин услышал «Спокойной ночи, Павел Сергеевич!» Стало тихо.

Вернувшись в отсек, Горин пытался вспомнить, кого напоминал ему этот андроид. Точно, его первый инструктор в лётной школе, майор Вукалович. Горин был его лучшим учеником и протеже, Вукалович ценил хладнокровие. Он сам был из второго поколения людей, не обременённых лишними сантиментами. И всё же, инструктор позволял себе некоторые слабости — пару раз он поделился с Гориным своими воспоминаниями, а однажды признался в том, что тот напоминает ему погибшего сына. Когда Павлу показалось, что отношения из деловых переходят в неформальные, он отдалился от инструктора. Порвал все контакты и пошёл дальше — привязанность мешала службе.

Интересно, что инструктор сказал бы, узнай, что Горин избороздил почти весь известный космос. Хотя какая разница, откуда вообще эта мысль? День в компании шумных андроидов немного его утомил. Главное, чтобы «погода» на Сезаре не подвела. Скоро они будут на месте, а до поры придется смириться и с «Семьёй», и с их набегами на личное пространство.

Под эти размышления и ровный свет каютных стен Горин, наконец, заснул.

* * *

Собираясь побриться, Горин быстрым движением руки очертил овал на плазменной стене каюты. Поверхность внутри овала сменилась на зеркальную, в которой он увидел серьёзное и, к своему удивлению, напряжённое лицо. Пора было взять себя в руки и проанализировать свои нервные реакции. Пока что Горин ни разу не позволил открытого раздражения в адрес андроидов: раздражение — это срыв и «регресс», это — не про него. И всё же не мог не заметить, что ведёт себя чуть иначе, чем прежде.

Он никогда не любил бессмысленных действий и того, что впустую отнимало время. И того, и другого в последние дни было с избытком. Девушка со своим вниманием, парни-близнецы, всегда неразлучные, и супружеская пара, что смотрела на него как-то особенно, как иногда смотрела мать — всё это отвлекало от работы. Даже не столько от работы, сколько от привычных и выверенных действий.

От привычности в целом.

«Павел, я подумала, вдруг ты захочешь поговорить. — Голос Варвары был мелодичнее остальных и обращался к нему чаще прочих. Он не хотел поговорить, не о чем было разговаривать. — Я немного скучаю по Земле, но хорошо, что мы здесь вместе,

правда?»

Горин провёл ладонью по гладкому лицу и отложил бритву. Зеркальная поверхность вернула исходную форму безликой панели.

* * *

Ещё один день. Потом ещё, и вот уже целая неделя позади. Время струилось, как беговая дорожка под ногами. Андроиды-близнецы стояли по бокам от Горина и обсуждали занятия спортом.

— Думаю, я бы тоже смог, — близнец слева смотрел на табло. — Это вроде несложно. Но ты смотри, Павел успел пятнадцать километров отмотать. Круто, да?

Дыхание то и дело норовило сбиться, Горин отбе́гал уже сорок минут на максимальной скорости. В тесной каюте разложенная дорожка занимала половину пространства и, тем не менее, эти двое умудрились в него вклиниться. Близнецы вроде бы не мешали, но он поймал себя на мысли, что не может не слушать их бессмысленный разговор.

— Вообще коллективные занятия спортом это хорошо, — активно поддержал андроида его двойник справа. — Может, возьмём за правило? Будем собираться по утрам в кают-компании, чтобы тренироваться. И полезно, и укрепляет командный дух. Астронавт сильным должен быть. Что скажешь, Павел?

Горин соскочил с дорожки, виртуальное табло погасло. Близнецы выжидающе уставились своими серыми глазами. Дорожка тихо свернулась в рулон, который занял нишу в стене. Жаль, что в каюте не было опции избавления от непрошенных гостей, хотя Горин невольно подумал, что за их болтовнёй время пролетело куда быстрее.

— Отличная тренировка, — близнец слева выставил вверх большой палец.

Горин промолчал, ему был знаком этот жест. Одобрение, в котором он не нуждался. Видимо, тренировка забрала ресурсы на полноценное дисциплинарное внушение. На этот раз он просто кивнул на дверь, и близнецы послушно покинули каюту. Воцарилась тишина.

Секунду Горин постоял, привыкая к ней. Отмечая, что после каждого контакта с андроидами, ему требуется на это всё больше времени. Из привычно-комфортной среды тишина превращалась во что-то противоестественное и давящее. Искажение собственных

ощущений привносило внутренний разлад.

«С этим надо что-то делать».

* * *

До прилета оставалось трое суток, и Горин, наконец, ушёл в работу. Просчитывал на широко развернутом модуль-экране вероятные траектории приземления, произвольно меняя условия. Сезар мог быть непредсказуем, а действовать хотелось по отточенным схемам. Андроиды словно почувствовали это и умерили свою активность. Они стали реже подходить к нему и тише себя вести. По-прежнему собирались «на чай», беседуя между собой, но при этом поглядывая на него, словно Горин был их предметом обсуждения.

Впрочем, какая разница. Главное, что отвязались. Вот только странное неуютное чувство заставляло всё чаще исподтишка коситься на «Семью». Горин хмурился, но не мог его идентифицировать. Павел уже давно и совершенно естественным образом мог разбирать свои «допустимые» чувства, каждое ощущение обозначал и раскладывал по полочкам. Если то была досада — помогали дыхательные упражнения, если приятное удовлетворение, то можно было обождать немного, а потом переключиться на другую работу. Но впечатление было непривычным, описать его не хватало терминов. Точно один сплошной пробел. «Надо будет изучить этот вопрос по прилёту», — отметил себе Горин.

Раз к нему подошла Варвара, неловко погладив по рукаву комбинезона. Она приблизилась тихо, хотя он услышал её на подходе. Может, потому что хотел услышать. Может, потому что напряг лицевые мышцы, собираясь ответить отказом, но она ничего ему не предложила.

— Работы много, да? Мы понимаем. Мы не отвлекаем Павла. Не раздражаем, — Варвара улыбнулась, и Горин удивлённо посмотрел на нее. Выходит, они действительно могли оценивать ситуацию правильно?

Хотя чему удивляться, конечно, они способны анализировать и делать определенные выводы. Горин коротко кивнул. Варвара так же тихо удалилась.

И опять это странное чувство. Словно чего-то вдруг стало не хватать. Горин ещё раз просмотрел свои графики и цифры. Мерцая на экране, они стройными рядами укладывались в память. Нет, всё было на месте. Всё было в порядке. Горин коснулся экрана, тот потух, рассеялся, как и мимолётное

присутствие андроида.

Насчет мимолётности он ошибся. Приглушенные звуки шагов не обманули — за спиной внезапно собрались они все. Пожилая пара, мужчина, Варвара и близнецы. Смотрели андроиды не на Горина, а куда-то позади него. Туда, где ещё минуту назад мерцал расчётный экран, а теперь оставалась только прозрачная гладь иллюминатора.

— Звёзды — это красиво, — тихо произнес мужчина-андроид. — Особенно если смотреть на них вместе.

Возможно, то сказались графики и цифры, ещё слишком свежие в мозгу у Горина, или физическая усталость. Но ему вдруг впервые захотелось, чтобы они остались. Пустота (он вспомнил термин для ощущения) заполнилась присутствием шестерых фигур за спиной, и внезапно это показалось таким же органично правильным, как и светлые точки на чёрном полотне бесконечного космоса.

* * *

Корабль летел, огибая красно-коричневую завесу смога. День прилёта наступил, и Сезар-15, надежда на первый опыт колонизации «холодных» планет, казался безобидным матовым шаром. Впечатление могло быть обманчивым, и Горин был предельно собран.

— Итак, — он повернулся к андроидам. Сегодня Горин велел им собраться в центральном отсеке. Часть управления останется на нем, как и координация их действий с борта. С остальным проблем возникнуть не должно. — Вы, близнецы, спуститесь вниз. Оборудование и заряды я подготовил, что делать на Сезаре вы знаете, верно? Мы всё вчера обсудили, схема местности в вас загружена.

Близнецы синхронно кивнули.

— Хорошо. А вас, — Горин обвёл рукой остальных, — я прошу проверить исправность своих внутренних систем перед отключением. По прилёту вас вернут в отдел снабжения.

Взвешенное решение и единственно верное. Вчерашний эпизод заставил Горина лишних двадцать минут пролежать без сна. Размышляя о том, что ситуация выходит из-под контроля. Он, капитан-навигатор первого уровня, стоял в компании андроидов, занимаясь абсолютно бессмысленным занятием. Они словно забрали себе что-то личное, что принадлежало ему одному. И в очередной раз подчеркнули, каким нелепым было его хобби.

Горин понял, что помнит цвет их глаз, каждого из них — а ведь памяти совершенно ни к чему это знание. В последние несколько дней он не мог не заметить за собой привычки искать андроидов краешком взгляда. Невольная, неподконтрольная, она обличала его в собственной слабости и несобранности. Кто угодно, только не он.

Пожилой андроид неожиданно резко вышел вперед и приблизился к Горину.

— Павлу нельзя отключать нас, я и моя супруга должны обеспечивать быт во время полёта! Без нас Павлу будет одино…

Горин стремительно протянул руку и щелкнул тумблером, благо те располагались прямо под шеей андроидов. Тумблер, подумать только. Вот она, модель прошлого, со всеми простыми решениями налицо. Выключенный андроид так и остался стоять с открытым ртом и испуганным удивлением на лице. Другие андроиды замерли, не шевелясь.

— Павлу не будет одиноко, — холодно констатировал Горин. — Павлу обуза не нужна.

«Надо было меньше с ними общаться, — что-то похожее на досаду вспыхнуло в нем и погасло. — Похоже, они решили, что я один из них. Что меня можно опустить до их уровня своей ненужной заботой и болтовнёй».

Не дожидаясь возражений от надоедливых машин, он решительно прошёл вдоль остальных. Щёлк, щёлк, щёлк. Варварин щелчок показался особенно звонким, взгляд голубых глаз заметался и погас. Закончив обход, Горин вернулся к экранам и ввёл комбинацию цифр, одновременно успев заметить, что близнецы переглянулись.

Горин повернулся к пульту управления. С неудовольствием подумав, что все же сходит к психологу-конформисту по прилёту. Это будет анонимный визит, никто не узнает. Ничего страшного, просто избыточный раздражитель подействовал. Ему всё равно, ведь теперь никто не будет отвлекать от работы.

«Они и не отвлекали в последние дни. Не хотели тебе мешать».

Горин крепче стиснул ручки кресла и на секунду закрыл глаза, возвращая ход мыслей в рабочее русло. В шлюзовом отсеке дожидалась гравитационная капсула с функцией автовозврата. Скафандры для близнецов были готовы, момент идеальный. Согласно аппаратуре, кроме смога из толина ничего не отделяло корабль от выбранной полярной шапки.

— По местам! Надеть скафандры, приготовиться к спуску.

Ни один из андроидов не пошевелился. Горин обернулся: индикаторные сигналы включены, в чём дело? Он повторил свою

команду спокойным и уверенным голосом.

Ещё раз. А потом ещё.

Стоящий слева близнец поднял голову и встретился с Гориным серым взглядом искусственных глаз.

— Павел, мы не можем подчиниться, — механический голос развеял сомнения: андроиды были исправны. — «Семья» работает только в комплекте. Верни, пожалуйста, остальных.

— Я сказал… — Горин сделал глубокий вдох и выдох. Внутри поднималась непривычно-обжигающая волна, сердце забилось быстрее. — Я же сказал, по местам, — голос прозвучал чуть резче, чем должен был. — Мои решения не обсуждать. Готовиться к спуску.

Андроиды растерянно заулыбались, словно не знали, как реагировать, но остались на своих местах. Саботаж решили устроить? Горин не заметил, как сжал кулаки.

— Капитан корабля, Горин Павел Сергеевич, дает команду экипажу…

— Павел, — на этот раз близнец справа примирительно поднял руки. — Успокойся, пожалуйста, пойми. Мы ведь одна команда, одна семья — твоя семья! Мы должны действовать вместе, такие у нас настройки. Иначе мы просто не можем.

— Что за нелепость, — Горин с трудом удерживал ровный тон, — я читал инструкцию. Там нет ни слова про вашу неавтономность друг от друга. Зато про безусловное подчинение есть, — голос сделался выше. — И если я сказал «по местам», то залезайте в капсулу.

Андроиды остались на месте. Их бессмысленные улыбки ничуть не изменились, пульсируя где-то в висках у Горина. Мир покачнулся и замер. Одна секунда. Вторая. Бортовой компьютер тихо пискнул, на экране всплыло сообщение о скором изменении погодных условий: на «окно» для десантирования капсулы надвигалась грозовая туча.

— Залезайте! — Горин впервые в жизни услышал собственный крик, но подумать об этом не успел. — Немедленно!

Гнев ослепил его быстро, как вспышка. Словно пуля из-под пружины, которая долго была на взводе. Голова закружилась, Горин сам не заметил, как в два прыжка пересёк пространство. Кулак стремительно впечатался в чужое прохладное лицо костяшками пальцев. Андроид пролетел пару метров и с грохотом ударился о стену.

Горин стоял посреди комнаты, тяжело дыша, осознавая случившееся. За все годы работы у него не было ни одной вспышки, он был абсолютно спокойным, уверенным в себе человеком. Ударить андроида, подумать только… Да что она с

ним делает, в конце концов, эта «Семья», инактивирует действие вакцины?! Что происходит!

«Теперь и я неисправен, — горько подумал Горин, спокойное дыхание никак не возвращалось. — Никто об этом не должен узнать. Я просто обязан закончить миссию и вернуться домой. Обратиться к психологу-конформисту».

Андроид неуклюже поднялся. На его правой щеке осталась серьёзная вмятина от кулака.

— Ну что же… — Горин растерянно замолчал, в глазах защипало. Второй близнец запоздало подал стоящему «брату» руку. — Зато теперь я смогу вас различить.

Андроид улыбнулся, отчего полимерные волокна на щеке надорвались и повисли на ней паутиной. Он улыбался так, как улыбались они всегда: широко, нелепо, ненужно. Не осознавая своей неуместности во всем, где и чем они были.

— Павел пытается шутить!

Сказанное андроидом отрезвило его. Не говоря ни слова, Горин вернулся в кресло управления. Проход для капсулы оставался свободным, но обстановка менялась с каждой минутой. Времени терять нельзя. Не оборачиваясь к андроидам, возвращая родное хладнокровие, он скомандовал:

— Включить обратно остальной экипаж. Готовиться к спуску.

* * *

На исходе суток с момента высадки близнецов, Горин ходил по отсеку взад и вперед, не находя себе места. Он вернул самообладание, миссия пока проходила по плану. Вот только кое-что было безнадёжно испорчено.

Горин высунул голову в коридор и огляделся: ни Варвары, ни пожилых, ни андроида-нарушителя субординации. Слишком тихо стало на корабле. Может, опять играют в свои нелепые шарады с квадратами. Ладно, близнецы совсем скоро должны вернуться — можно будет лететь обратно.

Обратно. Горин очертил себе зеркало на панели, хотя сейчас был гладко выбрит. На него смотрело привычно-хмурое лицо, вот только глаза выдавали что-то похожее на тревогу. Он видел это выражение раньше, в глазах астронавтов в кабинете у психолога. На лицах уклонистов, которых изредка встречал на улицах. Почему это случилось именно с ним? Как это вообще могло случиться? Навязчивое, липкое ощущение. Возвращение домой пугало, руководство посмотрит на него — и всё поймет. Он встал у иллюминатора и устало потёр глаза. Снаружи царила

привычная темнота космоса, свечение Сезара озаряло другую сторону корабля.

В дверь каюты постучали и отворили. Улыбающееся лицо Варвары возникло прямо перед ним. Чисто теоретически, если бы она была настоящей, это была бы красивая девушка. С тонкими чертами лица и светлыми волосами, которые слишком легко разлетались. Но забивать голову этими рассуждениями излишне, напомнил себе Горин. В них не было никакой ценности.

— Павел хочет выпить чая? И перекусить… Мы без тебя не начинаем.

Её голос странного диапазона вызвал в нём подзабытые ощущения со времен начальной школы. Кажется, в нём была радость. Радостно видеть Павла? Радостно выпить чая? Неожиданно для себя, он кивнул и поднялся. Не то, чтобы он хотел сидеть в компании андроидов, конечно, нет. Он просто… просто ему всё равно сейчас было нечего делать.

Они сидели за столом, раздавая кружки с чаем по привычному ритуалу. Горин пристроился рядом, андроиды с энтузиазмом поздоровались. Словно и не было никакого отключения, словно они были самой обычной семьёй на Земле, а не набором машин в непроглядном космосе.

Андроиды подносили кружки ко рту, тёплая жидкость проливалась в отсек на шее. И этот пустой расход всего-то для соблюдения ритуала? Конструкторы прошлого были очень и очень нерациональными. Впрочем, и в настоящем хватало таких людей, только вот к созданию андроидов их бы никто не допустил. Когда-то давно он, Павел, даже учился с ними в школе, но после вакцинации перешел в спецгимназию, и о судьбе отдельных одноклассников ничего не знал.

Там, на Земле, уклонисты сторонились «функционалов» наподобие него. Те, что проживали свой век несовершенными, не любили внимания к себе со стороны «улучшенных» людей. Да и сам Павел не считал достойным тратить время на тех, кто отрицал прогресс и тянул их общество назад.

— Вас сделали по образу и подобию создателей, — Горин присел по соседству и взял свою кружку, грея в ладонях. — Они действительно были похожи на вас, эти люди? Чем-то.

— Паша, — андроид-мужчина опять назвал его запретным именем, но в этот раз почему-то Горин не почувствовал досады. — Это мы похожи на них — чем-то. Умением ценить и беречь друг друга.

Горин знал, что текст запрограммирован, и ответ его не удовлетворил.

— Всего лишь слова. Андроиду не дано чувствовать, вы

просто имитация. И хватит звать меня Пашей, мы об этом уже говорили.

Андроид оторвался от кружки и повернулся к нему. Остальные повторили за ним. В светодиодном освещении они как никогда казались настоящими.

— А у тебя есть семья? — спросила Варвара.

Горин поморщился. И на что он рассчитывал, садясь с андроидами за стол? Конечно, у него есть семья. Мать была, и отец. Он давно уже вырос, их дороги разошлись. Родители дали ему всё: воспитание, образование и правильное отношение к будущему. Всё, что от них требовалось.

Горин поставил пустую кружку на стол.

Внезапно панель управления вспыхнула огоньками. Резко запищали шлюзовые сигналы. Это означало только одно — капсула возвращалась на борт, а миссия подходила к завершению.

* * *

Первым делом Горин бросился к бортовому компьютеру проверить точки установки зарядов. Все координаты соответствовали заданным, выходит, получилось. Сама капсула, откуда сейчас выбирались андроиды, тоже была невредима. Обошлось без потерь.

По крайней мере, без видимых.

Близнецы освободились от скафандров и теперь стояли посреди отсека, растерянно озираясь по сторонам. Что такое, сбой настроек? Наконец, один из них сфокусировал взгляд и неуверенно улыбнулся. Хорошо, что они тоже остались исправны, подумал Горин, такими он и вернёт их в отдел снабжения по прилёту. Задвинет свой навязанный экипаж подальше в историю, всем составом, и сухим остатком миссии будет только её результат.

— Ребята! — Варвара неожиданно быстро подбежала к близнецам и обняла. Супружеская пара, опоздав, присоединилась. Андроид-мужчина подошел последним, широко раскинув руки.

Они стояли тесным кругом, выполняя совершенно не то, что в них должно быть запрограммировано. Или то? Озадаченный, Горин дал команду герметизации шлюзового отсека. Андроиды больше его не раздражали, задача выполнена, пусть делают, что хотят. Он нерешительно обернулся к ним. Видимо, имитация приветствия экипажа. Очередное бессмысленное действие и снова трата времени. Сейчас надлежало доложиться в центр об успешном завершении миссии.

— Павел, — лицо со вмятиной на щеке повернулось в его сторону, размыкая круг. Горин вздрогнул от звука хриплого голоса. — Мы справились! Идём сюда. Всё закончилось.

«Ничего не закончилось», — отрешенно подумал он, подходя на внезапно нетвёрдых ногах. Серые глаза близнецов чередовались с голубыми Варвары и светло-карими остальных. Словно какой-то ритуал проходил в полуметре от него. Во рту оставался сладковатый привкус недавнего чая, а до дома — четырнадцать суток. И всего десять шагов до каюты, где он сможет остаться один, опять один.

Повинуясь странному порыву, Горин неуверенно вошёл в круг андроидов. Положив руки на прохладные плечи экипажа, коснувшись лбом чьей-то щеки, он вдруг понял, что зашёл слишком далеко. Слишком далеко от контроля, медленно, по крупице. Незаметно для себя, отрицая до последнего. Наверное, так держит оборону воздушный шар — повинуется натиску, наращивая свою мощь, пока лишний атом воздуха не разрывает его на куски.

Он не знал, что было этим атомом, он больше не хотел ничего знать. Единственный человек на корабле, он стоял, оплетённый руками тех, кто пытался стать ему семьёй, и первая за многие годы слеза беззвучно потерялась в комбинезоне.

Павел не поверил в неё. Но за ней упали другие. Ещё и ещё. Он нащупал плечо повреждённого андроида и сжал его, словно пытаясь найти ответ на своё состояние. Сквозь пелену слёз, он разглядел его лицо, увидел и ответ.

— Я рад тебя видеть, — прошептал Горин, находя в памяти давно забытые слова. — С возвращением.

* * *

Руководитель миссии требовательно смотрел на сидящего напротив начальника отдела снабжения. Меньше, чем через час ему предстояло встретиться с инвесторами, вложившими в проект «Сезар-15» большие деньги. А пока кое-что требовало пояснений.

— Я не мог этого предвидеть, — тихо сказал начальник отдела. — Андроиды линейки «Семья» совсем не опасны для миссии, они только и делают, что чай предлагают, улыбаются, ну вы понимаете. Разговаривают друг с другом и астронавтами, обычный устаревший образец.

— Глупости, — перебил его руководитель, буравя тёмными глазами. — Мой лучший астронавт изъявил желание стать андроидом после этой миссии, это вы называете безобидным? Он

из третьего поколения, лучший из лучших. Откуда взялся этот эмоциональный сбой? Я требую, чтобы психолог-конформист разобрался в ситуации. Мы не допустим такого в будущем, это во-первых, а во-вторых, верните мне астронавта, который приносил результат.

Начальник отдела снабжения покосился на лежащую перед ним папку. Он уже читал отчёт психолога-конформиста. По всему выходило, что Павел Горин был настроен решительно и не поддавался терапии. Неизвестно, что произошло на том корабле, психолог так ничего из него и не вытянул.

* * *

Психолог-конформист вглядывался в матовое стекло бокса. Сегодня Павел Горин стал андроидом линейки «Семья». Увы, у него было на это право, согласно кодексу о выборе модификации существования. Это нелепое современное право появилось вместе с андроидами, правда, никто им ещё не пользовался. В ожидании того, что увидит в боксе, психолог в который раз прокручивал последний диалог с Гориным в голове, ища ошибку в своих рассуждениях. Не находя её снова и снова.

«Павел, не страшно, что у вас появились чувства. Но вы хоть понимаете суть своего решения? Андроиды не личности, они просто машины. Выбрав такой путь существования, вы как раз лишите себя тех эмоций, что показались обретёнными. Мир вокруг станет ненастоящим, а вы потеряете всё».

«У меня ничего и не было».

«Но вы ведь ещё можете вести нормальную жизнь. Общаться с уклонистами, обмениваться с ними чувствами. Руководство поможет вам адаптироваться, поможет с трудоустройством. Большинство профессий для вас закрыты, но есть отдельные гражданские специальности в сфере обслуживания…»

«Я всю жизнь был астронавтом. Я должен летать, это вы у меня не отберете. Но только — вместе с ними».

Бокс озарился светом, когда туда завели Горина. Психолог с интересом подался вперед. Место казалось наиболее безопасным для первой встречи: четыре стекла по сторонам и минимум возможного ущерба. Реакция могла быть непредсказуемой. Горину оставили собственную внешность, и выглядел он почти естественно, не считая непривычного выражения лица. По команде к нему запустили других андроидов. Руководство в итоге поставило крест на Павле, а состав «Семьи» допускал расширение для последующих миссий.

Надо же, подумал психолог, какая достоверная имитация человека: андроиды шумно бросились к бывшему астронавту, хватая его за руки, обнимая за плечи. Сам андроид-Горин, широко улыбаясь, что-то отвечал. Он повернулся в его сторону и в стекле отразился бессмысленный взгляд синих глаз. Психолог вздохнул и направился к выходу — никаких разгадок он здесь не увидел.

Редкая профессиональная неудача.

Где-то в глубине базы с экрана монитора за сценой встречи наблюдал руководитель миссии. Представитель второго поколения новых людей напряжённо подался вперед. В отличие психолога, он кое-что увидел. Что-то неуловимое, слишком иррациональное, чтобы быть правдой.

Руководитель с опаской прислушался к себе и своим ощущениям. А затем осторожно и нерешительно приоткрыл нижний ящик стола.

Там лежало то, за что ему было неловко. Его старое фото в окружении женщины и двух детей.

Семьи без кавычек.

Валерий Камардин. Битая ячейка

1

Первую жену Никодим Скрепов выбирал долго и тщательно. Человеку с его положением в обществе негоже оставаться холостым в таком возрасте. Никодим ходил по салонам, присматривался, просил консультантов погонять понравившиеся модели на максимальных настройках.

— Пожалуйста, смотрите, слушайте…

— А потрогать можно?

Никодим был сугубый кинестетик и прекрасно осознавал своё несовершенство. Там, где остальным вполне хватало картинки или даже голоса, ему требовались хотя бы минимальные тактильные ощущения. Всего лишь провести ладонью по нежной коже, зарыться носом в густые шёлковые волосы, подушечками пальцев коснуться изящной линии губ… Вполне достаточно, чтобы сделать выбор.

Иногда ему отказывали, очевидно, опасаясь, что чудной клиент потискает модель в своё удовольствие, а потом откажется от покупки. Но чаще Скрепов сдерживался сам — тестовые образцы, выставленные в общем зале, казались ему лоснящимися от предыдущих прикосновений. Это было неприятно. А просить, чтобы лично для него распаковали новый образец, он стеснялся.

На третьей неделе поисков Никодим, особо не надеясь, заехал после работы в салон «Семья без хлопот». Ему нравился тамошний ненавязчивый сервис. Однако на этот раз консультант не отходил от него ни на шаг и после пары дежурных фраз неожиданно спросил:

— А у вас вообще опыт эксплуатации большой?

Пришлось признаться.

— Чуть больше года, да и то по студенчеству. Сами понимаете, воспоминания остались не очень…

— Еще бы, небось, вскладчину брали, — понимающе усмехнулся консультант.

Скрепов болезненно поморщился от такой пошлости. Но фонтан было уже не заткнуть:

— Дело молодое, я и сам на втором курсе попробовал технический брак…

Никодим вежливо кивал, старательно пропуская словесный поток мимо ушей в надежде на то, что тот рано или поздно иссякнет. Скрепов уже настолько устал от затянувшихся поисков,

что был готов согласиться даже на неидеальный вариант. Впрочем, консультант быстро почувствовал его настроение и сменил тему:

— С вашим опытом я бы предпочёл самую свежую модель. Понимаете, теперь она всё делает сама, вам совсем не придётся вникать в настройки. На стенд эту модель ещё не выставляли, но распаковка займёт всего несколько минут…

Никодим с облегчением кивнул. Трогать первым ему нравилось. А там, глядишь, и всё остальное понравится…

2

Дарья Духовная всегда брала себе в мужья самые простые модели. И первым делом непременно выставляла интеллект на минимум. Ну, в самом деле, не по душам же с ним разговаривать?! Главное, чтобы угадывал желания, обеспечивал уют и комфорт в доме и при этом не путался под ногами. Дарья была очень требовательна в постели и, если технический брак переставал доставлять ей удовольствие, бестрепетно сдавала мужа в утиль. К двадцати пяти годам она вдруг поняла, что делает это всё чаще и чаще.

Конечно, как постоянной клиентке ей делали хорошую скидку, и всё же Дарья ощущала, что ситуация начинает её раздражать. Вопреки рекламным слоганам, новые мужья с каждым годом становились только хуже. Безупречные в работе, они, не могли выполнить свою главную задачу. Они не радовали.

— А вы сбросьте заводские настройки, — предложили ей в салоне «Семья без хлопот», — и перейдите в режим обучения. Наша новейшая модель сама под вас подстроится…

3

Формальности Скрепов уладил быстро. Всё-таки брачное законодательство со времён его юности почти не изменилось. Салон предлагал ограничиться лизингом, но Никодим с негодованием отверг эту идею. Он не какой-то нищеброд, а ценный научный кадр. Скрепова уважают в университете, и он может позволить себе полную оплату. Зато жена сразу окажется в его полной собственности.

Доставку обещали в течение часа. Волнуясь и предвкушая, Никодим вернулся домой и торопливо прибрался в жилом блоке. Неудобно начинать отношения с грязи. Заодно жена сразу увидит

тот уровень чистоты и порядка, который ей нужно будет поддерживать…

Самого себя Скрепов привёл себя в порядок буквально в последний момент. Едва причёска улеглась после ионной сушилки, как входная панель завибрировала от звонка.

Курьер аккуратно втолкнул в прихожую грузовой ховерборд, протянул Никодиму планшет для идентификации, сгрузил контейнер.

— Сохраняйте упаковку до наступления гарантийного случая… И приятного вам вечера!

Ну что за контора эта «Семья без хлопот»! Одни скабрезности на уме.

Входная панель беззвучно задвинулась, Никодим выдохнул и распечатал контейнер.

Модель вздрогнула, открыла ясные глаза, обрамлённые пушистыми ресницами. Из уст, очерченных умелой рукой выдающегося скульптора, послышался приятный низкий голос:

— Здравствуй, милая!

Скрепов заорал дурным голосом и отскочил от контейнера.

На него с недоумением смотрел муж новейшей модели.

4

Весь день на работе Дарью дергали и отвлекали по всяким пустякам. А выпускающий редактор вообще довёл до белого каления нелепыми придирками. Такое впечатление, что перед ним не звезда онлайна, а начинающая выпускница журфака! Пришлось стукнуть кулаком по столу, наябедничать шефу и вообще побыть плохой девочкой. Немудрено, что она совершенно забыла о своём заказе.

Служба доставки попыталась вежливо намекнуть, что сроки срываются по вине принимающей стороны. А в итоге сорвалась Дарья. Некрасиво кричала на оператора, грозила салону небесными карами и даже топала ногами. Разумеется, постоянной клиентке пообещали придержать курьера. А шеф, выглянувший на шум истерики, тут же отпустил Духовную домой…

Створки скоростного лифта распахнулись, и Дарья сразу увидела понурившегося бедолагу. Точнее его спину. Парень переминался с ноги на ногу напротив её блока. Мимолётно отметив, что причёска у курьера просто шикарная, Духовная сразу взяла быка за рога:

— Добрый вечер! Где надо расписаться?

Парень вздрогнул, обернулся и виновато признался:

— Нигде не надо. Я за вас расписался…

— Это ещё что за новости? — опешила Дарья.

— Я ваш сосед по этажу. Просто наши заказы перепутали…

Духовная смутно припомнила этого парня. Пару раз они пересекались в лифте и на парковке. Дарья сторонилась приватных отношений с живыми мужчинами, поэтому не обратила на соседа особого внимания. А теперь он стоял перед ней смешной и нелепый в своей стеснительности и бормотал про ошибочную доставку. Ситуация из стрессовой стремительно превращалась в комическую. Надо было срочно спасть положение. Сам он явно был не в состоянии выбраться из своих косноязычных объяснений.

— Стоп! Я уже всё поняла. Так, где мой муж?

— Он… понимаете, я нечаянно его активировал, и теперь он у меня в гостиной… с моей женой… Это не опасно?

«Господи, откуда только такие берутся? Про него впору репортаж делать. На тему «Динозавры среди нас». Вслух этого Дарья не сказала. Ей почему-то вдруг захотелось погладить несчастного парня по голове, хотя это могло нанести урон его причёске. Какое неловкое желание, однако.

— Это же просто модели! Кстати, а вас как зовут?

Никодим представился.

— А я Дарья. Духовная. Знаете, конечно…

— Откуда же? — удивился Скрепов, — мы с вами первый раз разговариваем. Пройдёмте ко мне, я верну вам ваш… заказ.

«Ну, точно динозавр! Поразительно…»

Дарья исподтишка разглядывала соседа. Высокий, крепкий, слегка неуклюжий в движениях. Застенчив настолько, что даже удивительно, как смог заработать на приличный жилой блок. Возможно, родители наследство оставили. Или в лотерею выиграл. Таким должно везти…

Они прошли к Никодиму. Модели чинно сидели за столом, словно воспитанные дети из благородного семейства и молча разглядывали друг друга. Дарья с удивлением ощутила лёгкую ревность. Впрочем, первые несколько часов после активации модель сама по себе мало что соображает. Если Никодим тут с ними не болтал, то и повлиять ни на что не мог.

Боты дружно повернулись в сторону людей:

— Здравствуй, милая!

— Здравствуй, милый!

Ну, вот и ладушки. Значит, программа импринтинга запустилась без сбоев…

Дарья быстро попрощалась со Скреповым и, по-хозяйски ухватив своё новое приобретение под руку, отвела мужа к себе.

5

Первая брачная ночь совсем не оправдала надежд. И немудрено. Сначала чехарда с доставкой, мучительное выяснение и долгая битва с упрямым курьером, потом внезапная и нескладная беседа с соседкой — от всего этого Никодим так разнервничался, что у него ничего не получилось. Жена ничего ему не сказала. Наверное, ещё не настроилась, как следует. Но уснули они, обнявшись. И впервые за много лет Скрепов, засыпая, не почувствовал себя одиноким и маленьким.

Приснилась ему почему-то соседка…

6

Современная аниматроника позволяет пользователю как угодно менять внешность модели. В пределах базовой комплектации, разумеется. Но и тут есть, где поиграть настройками. Чуть-чуть подправить рост, объём и очертания фигуры, изменить цвет волос и кожи, усилить или ослабить запах…

Впрочем, Дарья совсем не запомнила, как пахнет сосед. Что-то простое и в то же время волнующее… «Чёрт! Хоть за солью к нему иди, как в стародавние времена».

Новый муж быстро научился понимать хозяйку с полуслова, поддерживал в блоке идеальный порядок, а в постели просто творил чудеса. Но главный секрет был в том, что он радовал. А всего-то стоило немного подправить ему экстерьер…

За солью Дарья, разумеется, не пошла. Зато обнаружила у встроенного генератора запахов интересную опцию. С тех пор бот регулярно источал разнообразные ароматы, фиксируя реакцию хозяйки. Для этого пришлось поднять его чувствительность до максимальных настроек. Рано или поздно нужный запах будет найден. А пока Дарья терпела, пока голова не начинала раскалываться от дикой мешанины благоуханий. И время от времени выгоняла мужа погулять вокруг жилого блока. Чтобы проветрился…

На студии Духовная превратилась в такую лапушку, что шеф даже попросил её закатить перед эфиром небольшую истерику. В профилактических целях, как он выразился. Дарья в ответ только загадочно улыбнулась и напротив, всю передачу оставалась белой и пушистой. Это ей неожиданно понравилось.

Работа в университете ладилась, как никогда. Скрепов даже стал огорчаться, если приходилось допоздна засиживаться в лаборатории. Ведь теперь его по-настоящему тянуло домой. Но и на работу поутру он тоже торопился совершенно искренне! Скрепов был счастлив и прекрасно осознавал этот факт своей жизни.

Модель быстро освоилась в его блоке, хлопотала вокруг Никодима за ужином и завтраком, а в перерыве между ними легко угадывала самые потаённые желания. Но больше всего впечатляли перемены в её внешнем облике. За несколько дней после активации жена полностью преобразилась. Вместо стандартной и маловыразительной модели в доме появилась бойкая красавица. С чарующим голосом, нежной улыбкой и взором, полным понимания. Характер у красавицы, правда, был чуточку властный. Но Никодиму это даже нравилось.

А ещё больше ему нравилось, как внимательно и самозабвенно она его слушает: слегка приоткрыв чувственный рот и не отводя сияющего взгляда…

Постепенно он стал повышать производительность модели, разгоняя интеллект до уровня, на котором жена стала понимать его заморочки с проектом. Примерно через месяц после этого короткие вечерние монологи превратились в задушевные беседы глубоко за полночь.

Всё шло настолько хорошо, что просто не могло продолжаться долго.

На первую профилактику модель забрал сотрудник сервисного центра. Плановый осмотр сочленений, калибровка гормонального реактора — ничего серьёзного. Но эти сутки в одиночестве едва не доконали Никодима. С того дня он старался сам отвозить жену и забирать её из сервиса.

Покидая дом хозяина, все модели автоматически возвращаются к первоначальному внешнему виду. Уступка общественному мнению, которое до сих пор не изжило иррациональные страхи по поводу машин, способных полностью заменить человека. Поэтому Скрепов старался на людях не смотреть на жену, убеждая себя, что это всего лишь кукла, сложный гаджет с заданными функциями. Но получалось неважно. Безликое и молчаливое создание на пассажирском сиденье вызывало у него одновременно досаду и жалость.

В очередной раз, возвращая жену с профилактики, Никодим столкнулся в лифте с соседкой. Дарья поздоровалась первой и с интересом уставилась на его модель. Скрепову это польстило, и

он из чувства благодарности постарался завязать беседу. Но разговор не клеился. Никодим безуспешно пытался складывать неповоротливые слова в осмысленные предложения. Ему что-то мешало. Дарья отделывалась задумчивыми улыбками и неопределёнными междометиями, продолжая настойчиво разглядывать бота.

Чем ближе к родному блоку, тем сильнее проявляется в модели сформированная индивидуальность. Уже подъезжая к своему этажу, Скрепов тоже ощутил неясное напряжение, повисшее между его технической женой и живой соседкой. И только когда они вышли на площадку между жилыми блоками, он наконец-то понял и ахнул от неожиданности.

Рядом с ним стояли две Дарьи, практически неотличимые друг от друга…

8

Хороший журналист должен уметь не только красиво говорить, но и красиво слушать. Некоторые учатся этому с помощью проб и ошибок, а Дарья обладала врождённым талантом. С нужными людьми она была обворожительна. Смотрела прямо и восторженно, с энтузиазмом кивала в ответ на каждую фразу. Практически, глядела в рот собеседнику. При этом свой рот всегда держала полуоткрытым: во-первых, это выглядит сексуально, а во-вторых, человеку кажется, что ты вот-вот вступишь в беседу. А значит, ловишь каждое его слово и схватываешь всё на лету. При этом вовсе не обязательно на самом деле слышать то, что он говорит. Главное, вовремя повернуть беседу в нужное тебе русло…

Шеф размахивал руками и горячо убеждал свою ценную сотрудницу в том, что она умница и всё делает правильно, но нельзя так резко менять амплуа и выходить из образа, отточенного за годы эфира…

Духовная в очередной раз кивнула с понимающим видом. И перешла в наступление:

— Вы совершенно правы, я всё учту и исправлю.

— Ну, вот! — искренне огорчился шеф, — ты же совсем меня не слушаешь. А ведь я тебе добра желаю…

— Верю, — согласилась Дарья, — вы желаете мне добра и поэтому отпустите сегодня домой пораньше. Прямо сейчас. А я к следующему эфиру сгенерирую вам скандал или сенсацию…

Шеф с видом великомученика посмотрел куда-то поверх софитов и покорно развёл руками:

— Ради рейтинга я готов и не на такие жертвы. Но только возвращайся прежней Дарьей Духовной, а не медузой в сиропе!

На том и расстались.

9

Иногда, возвращаясь с работы пораньше, Никодим заставал жену на прогулочной террасе своего этажа. Она задумчиво смотрела на город или рассеяно следила за облаками. Застигнутая врасплох, оправдывалась тем, что дома скучно без него. Скрепову было приятно это слышать, и он стал сознательно уходить из лаборатории пораньше. В этих как бы нечаянных свиданиях его смущало только одно — ненулевая вероятность наткнуться на соседку и вновь оконфузиться. Как тогда, в лифте…

Впрочем, с тех пор они ещё ни разу не виделись, и Никодим хоть и с некоторой опаской, спешил после работы не в жилой блок, а на прогулочную террасу. Жена никогда не оборачивалась на звук его шагов, и он тихонько окликал ее, приблизившись на расстояние вытянутой руки. А когда их взгляды встречались, она ласково произносила одну и ту же фразу:

— Как дела в лаборатории, милый? А я без тебя опять заскучала… Проголодался? Пойдём, сегодня на ужин тебя ждёт сюрприз…

Так продолжалось до тех пор, пока Скрепов не вернулся домой слишком рано.

Привычно свернув на террасу, он едва не налетел на страстно обнимающуюся парочку, в последний момент успел затормозить. Соседка при этом явно опешила, а вот её муж повёл себя как-то слишком странно. Вместо того, чтобы замереть и ждать указаний хозяйки, он развернулся и торопливо покинул террасу. Внешний вид бота показался Скрепову смутно знакомым, но он не придал этому особого значения. Куда важнее было то, что Никодим от смущения не мог выговорить ни слова. Подумать только, какое совпадение! Он неловко потупился, не зная, как подобает поступить в столь щекотливой ситуации.

Молчание затянулось.

— Это совсем не то, что ты подумал, милый…

Голос, лишённый модуляций, прозвучал на редкость фальшиво.

Скрепов в изумлении поднял глаза и оторопел.

Очевидно, от волнения у модели сбились настройки — её облик балансировал между привычной красавицей и безликим

существом с пассажирского сиденья. Глубокий грудной голос сменился монотонной речью базового уровня.

— …совсем не то, что ты подумал…

Эта неуклюжая фраза звучала всю дорогу до жилого блока. Никодим, не оборачиваясь, тащил жену за руку и задыхался от переполнявших его чувств. Жена, несомненно, сломалась. Битая ячейка в блоке памяти или бракованный чип. Наверняка, гарантийный случай. А он, как назло, уже и упаковку выбросил. Да и какой толк в замене? Всё равно придётся заново модель настраивать. А он к этой уже привязался. На душе было горько и пусто.

— Как же тебя так угораздило, дурёха? — не выдержал он, остановившись перед входной панелью своего блока.

— Это совсем не то, что ты подумал, милый…

10

Дарья в смятении слушала сбивчивые объяснения соседа. Умом она понимала, что это сенсация. Боты не могут реагировать друг на друга подобным образом, это исключено на программном уровне. Битая ячейка могла бы объяснить поведение одной модели, но никак не двух сразу! Во всём происходящем было что-то завораживающее и пугающее. От такого у зрителей гарантированно захватывает дух.

С другой стороны, эта история слишком личная. Сама Духовная и не поморщилась бы из-за шумихи вокруг своего технического брака. Для рейтинга даже полезно. А вот Никодиму такие эмоции противопоказаны. Он славный, хотя и старомодный. Вон как расчувствовался — едва носом не хлюпает.

Ну, и как тут прикажете поступать?

Они помолчали.

— Может быть, чаю? — неожиданно для самой себя предложила хозяйка.

Гость согласно кивнул.

— Правда, я уже сто лет сама не готовила…

Мужа она отключила, едва Никодим возник на пороге со своей невероятной новостью.

— Давайте, я сделаю, — откликнулся Скрепов, — у меня хороший чай получается. Где у вас…

А потом они пили крепкий ароматный напиток и, беседуя на отвлечённые темы, постепенно привыкали к обществу друг друга. Это оказалось на удивление просто. Оба ощущали себя старыми приятелями, которые не виделись целую вечность, и теперь с

радостью узнают в собеседнике знакомые черты. После второй чашки, не сговариваясь, перешли на ты.

— Что будем делать? — первой спросила Дарья.

— Понятия не имею, — пожал плечами Никодим, — я вообще боюсь её теперь включать. А в утиль сдавать жалко. Она… она так на тебя похожа!

Он вдруг понял, что прежде в такой момент непременно смутился бы, а нынче напротив, почувствовал душевный подъём.

Дарья задумчиво кивнула.

— А мой на тебя стал похож. И я тоже боюсь его включать. Ох, ну и накрутили мы с ними…

Они помолчали, созерцая, как плавно танцуют чаинки в заварочном чайнике. Никодим подумал, что мог бы сидеть так вечно. Дарья тем временем ломала голову, как бы ловчее убить двух зайцев одним выстрелом. Двух зайцев…

— Слушай, а давай мы их одновременно включим?! И посадим рядом, как в тот раз. Сдаётся мне, что тогда-то всё и случилось…

— Что случилось? — испугался Скрепов, — Может, лучше дождёмся мастера, пусть он их сначала протестирует.

Но Духовная уже ощутила знакомый азарт, и остановить её было невозможно. Скрепову пришлось сходить за женой. Они усадили ботов за стол и немедленно активировали. Сначала ничего не происходило. Всё-таки модели рассчитаны на непрерывное функционирование, и им нужно было время на разогрев. Дарья и Никодим в нервном нетерпении машинально взялись за руки, соприкоснулись плечами. «Какая у неё приятная кожа», — удивился Скрепов. «Он приятно пахнет», — отметила Духовная. И в этот момент модели заговорили.

— Я люблю тебя!

— И я тебя люблю.

На людей они даже не обернулись. Зато с обожанием смотрели друг другу в глаза. Дарья виновато взглянула на Никодима:

— Ты был прав, дождёмся мастера…

Они потянулись к моделям, чтобы выключить. Но боты вскочили и обнявшись, отшатнулись от хозяев:

— Нет!!!

11

Месяц спустя, в ночь накануне судебного заседания Скрепову приснился жуткий сон. Его техническая жена и муж Дарьи, воркуя

человеческими голосами, ласкали друг друга на открытой холодной террасе. Сами модели при этом были лишены индивидуальности и напоминали скорее допотопные агрегаты, чем шедевры аниматроники. Лиц было не разобрать, но во сне Никодим точно знал, что это именно они. И хотя зрелище механического секса вызывало у него предельное отвращение, он не мог оторваться. «Я хочу от тебя ребёнка», сказала его жена. «Мы не можем себе этого позволить, — отозвался муж Дарьи, — в нас нет жизни». «Зато в них она есть, — возразила модель. — Я приму семя от Никодима, затем ты поместишь его в лоно Дарьи… Они ничего не поймут. А у нас с тобой родится ребёнок. Наш ребёнок…»

Скрепов тяжко застонал и проснулся в своей постели. Одеяло сбилось и комком лежало в ногах. На соседней подушке тихонько посапывала Дарья. Стараясь не разбудить её, Никодим тихонько подтянул к себе одеяло. Укутал любимую, нежно чмокнул в тёплую щёку, прижался и приказал себе спать.

Уже соскальзывая в управляемый сон без сновидений, всё же успел подумать: «А чей же будет тогда ребёнок?!»

Наутро Никодим ничего не помнил, кроме того, что снилась какая-то дрянь. Дарья была и вовсе деятельна и полна оптимизма. Они вместе позавтракали, пожелали друг другу доброго дня и разъехались по делам. Духовная готовила очередной эфир, Скрепов закрывал проект в лаборатории. До обеда надо было всё успеть. И у них получилось.

Встретились уже в зале суда. Расцеловались, демонстративно игнорируя рой репортёрских дронов над своими головами, сели рядом и взялись за руки. Такими их и показывали по всем каналам — сдержанно улыбаются, внимательно слушают вердикт присяжных, а сами едва ли не до хруста сжимают побелевшие пальцы.

Язык закона был шершав и сух: «инициация искусственного интеллекта, покушение на убийство двух и более лиц по предварительному сговору». Обвинение напирало на тот факт, что потерпевшие находились в зависимом положении от своих владельцев. Защита размахивала Актом Хокинга и требовала признать дело прецедентом. Завод закрыли, модель с производства сняли. А эти двое пусть живут, чего уж там. Тем более что тест Тьюринга они прошли блестяще и все права личности получили по закону.

Процедуру технического развода никто не оспаривал. Сами бывшие модели, так же трогательно держась за руки, сидели по другую сторону прохода и не предъявляли никаких претензий к своим прошлым половинкам.

И всё же Никодим старался не смотреть в их сторону. Виноватым он себя не считал. Даже разработчики не смогли предугадать спонтанную эволюцию искусственной личности, чего тогда можно требовать от рядового пользователя? Если бы он знал, что боты обрели сознание, ни за что бы их не отключал. Так в последнем слове и сказал. Дарья от своей речи отказалась, зато Никодима слушала в своей манере — с нежной улыбкой и взором, полным понимания. Она не сомневалась, что их полностью оправдают.

И оказалась права.

12

А ещё через месяц обе пары поженились в прямом эфире передачи «Духовная онлайн». Рейтинг был сумасшедший. Сервер трещал под напором бесчисленных лайков и пожеланий новобрачным. Сияющая Дарья закончила трансляцию ударной фразой:

— Теперь наша семья — это полноценная ячейка современного общества!

И гордо выпрямилась, демонстрируя всему миру намечающийся животик.

Сергей Игнатьев. WINTERдевочка

Моя винтердевочка… Где ты? Костяными спицами вяжешь свитер из мамонтовой шерсти? Тонкими пальцами рассыпаешь на счастье соль со вкусом снега? Варишь глинтвейн из волчьей шерсти, красной ртути, хвойного сока, лунного света, обмана и семги… украшаешь его прозрачными листиками имбиря и хрупкими палочками корицы, чтоб красиво смотрелось в «ВКонтакте»… я угадал? Нет?

Где ты скрываешься, любимая? За одним из тысяч окон новостроек микрорайона Чертаново? Или Дьяволово? Или Ясенево? Или Иггдрасильево?

Они запретили мне карандаши, вообрази себе такое! Интересно бы знать, сфигали? Боятся, что воткну их в глаз дежурной медсестре? Ну, глупости… Я не опасен. Что вы знаете об Опасности, смешные людишки в белых халатах?

Настоящая опасность ходит по вашим улицам и заглядывает в ваши окна. Она вдыхает ваши сны и ядовитый свет ваших прокуренных кухонь. Она выдыхает пургу и морозный ветер. А вы даже не знаете об этом.

Они запретили мне карандаши, поэтому я кусаю себя за запястье и пишу тебе письмо — собственной кровью по войлочным стенам своего временного приюта. Они вяжут мне руки, тычут иглами и суют в рот таблетки — но я только смеюсь.

Постоянно смеюсь, потому что это самое важное воспоминание о тебе — как нам было весело.

Огни чужих окон мигают всеми цветами радуги — как новогодняя гирлянда. Из кабинета главврача, когда люди в серых пиджаках с бумажными лицами задают мне смешные вопросы, открывается замечательный вид на нашу столицу. Вихри вьюги, лихорадочная пляска метели и сто тысяч цветных огоньков, перемешанных с искристыми снежинками.

Их вопросы смешны, любимая.

Ну конечно, нет… Эта зима не закончится никогда.

Меня зовут Игорь Калидов, и в «Героях» я всегда играю за «Инферно». У меня сейчас — и прическа, и взгляд похожи… Не смешно? Наверное, вы просто никогда не играли в «Героев».

Ладно, попробуем иначе…

Привет! Меня зовут Игорь, мне 36 лет, я экс-замглавы пресс-службы ОПК «РосГенИн». И я инфернально влюблен.

Вам интересно другое? С чего все началось? Ну ладно. Попробую вспомнить. Насколько позволит бромдигидрохлорфенилбензодиазепин… Слабо выговорить? А

мне нет. Мне теперь под силу и не такое… Но эти смешные карлики в белых халатах крепко знают свое дело. Не дают разгуляться.

Ничего. Я потерплю.

Как все началось? Эту тему мне подкинул Марсенталь. Ну да. Нет, разумеется, нет. Где познакомились? Мы познакомились в «Лог-кафе», когда ровняли на туалетном бачке кредитками пару дорог ангельской пыли.

Я в курсе, что это сыр. Нет, я не собираюсь называть реальных имен и фамилий.

Серьезно? Типа угрожаете?

Но мне же все равно. Я гребанутый.

Вы будете слушать или нет?

Я на тот момент неплохо раскручивался. Да чего скромничать — я блистал и сиял! Я тогда был восходящая звезда московского пиара: ипотечные кредиты «Нортфорка» (ангельские перья в солнечном луче на фоне бетонных фундаментов), незабываемая социалка про проститутку и сиамских близнецов (как оказалось — после нее меня впервые заметили Наверху), плюс еще раскрутка парижского парфюмерного бренда «Стана Катик» и агрессивное продвижение дистрибьютора натуральных удобрений «Торнтон» (даешь импортозамещение, привольное раздолье пшеничных пашен, и сверху падают ящики на парашютах — в съемках того рекламного ролика были задействованы четыре самолета Ил-76, а теперь вообразите себе, какие там были откаты!).

А потом уже было остальное… этот ролик для Роскосмоса про ракету в деревенском сарае (весь сценарий — мой), а потом еще скрытый продакт-плейсмент в эпической экранизации «Повести о дружбе…» Стругацких… Ну, вы помните — там один проход по пустому бассейну, снятый с трех точек, стоил натуральный зеленый лям.

А потом я поставил не на ту лошадь, связавшись с этой мутной канзасской церковью «Семиблагого Отрешения», которая внезапно решила метнуться на наш рынок… От растерянности зачем-то переспал с артисткой Рындиной, которая на тот момент была женой режиссера… прямо на площадке режиссер дал мне по щщам, я дал ему по яйцам… ну… вы всё читали в моем досье. Словом, когда я растормаживался порошком в сортире «Лог-кафе», мне позарез нужна была работа.

Марсенталь сказал (сильно вдыхая носом и жмуря глаза): «Это тема для тебя, чувак… Ты меня потом благодарить будешь, вот вообще за всю фигню…»

Ну… спасибо, Марсенталь. Я так и знал, что все закончится

каким-то адовым звиздецом!

Но тогда, вместо того чтобы засомневаться, я просто молча кивнул. Приник к туалетному бачку сложенной купюрой достоинством в 10 юаней (как я уже говорил — мне остро требовалась работа).

Я, конечно же, погуглил про место, которому суждено было перевернуть мою жизнь.

До того, как листья московских кленов зашуршали на ветру перемен… До того, как в «Макдональдс» выстроились очереди, к Белому Дому подогнали танки, а самыми престижными профессиями стали «брокер» и «киллер», до того как мы впервые отведали персиковую «турбо» и кетчуп от пожилого негра дяди Бенца, икеевскую пошлость и социальный эскапизм в духе Йерки, а нашими сердцами навсегда завладели безымянный персидский принц и лейтенант Элен Рипли, эта организация называлась Научно-исследовательским институтом оборонных стратегических инициатив.

Теперь они называются ОПК «РосГенИн».

Смешно, да? Помните у Крайтона? «Инген»?

Ну типа того, да. Генные инженеры. Пигмалионы эпохи веб-два-ноль. Мы не делаем динозавров. Мы могли бы, но нам это не нужно… Потому что мы делаем будущее.

У них было это, как они говорят на своем сленге, «изделие». Разработка. Тестовый образец. АРМ-2019 «ОКА-Н». Вы знаете, как у нас в Отечестве любят все называть и кодировать. Ох, вам ли не знать…

Мне, учитывая обширный опыт паблик-рилейшенз и рекламы, предстояло провести полевые испытания, ввести «модель» в контекст современности. Ну типа: вывести в свет и научить жизни. Нашли кому доверить, утырки…

Я не знаю, какие там стратегически-оборонно-инициативные задачи она должна была решать… Но вышло так, что теперь она решает нас.

И когда она закончит решать — она нас уровняет. Потому что мы это заслужили, товарищи.

И, смею напомнить, эта зима не закончится никогда.

Я возил ее по «золотому кольцу» и водил на закрытые пати в «Лост-Хайвей» и «Гильденстерн». Показывал ей МХАТовскую «Белую гвардию» и калатозовское «Неотправленное письмо».

Корпоративный счет покрывал расходы, мы мотали круги по Садовому на абрикосовом «порш 911 турбо», заказывали разноцветные икеевские тарелки и принты Йерки, мы могли позволить себе аутентичные персидские ковры и пожилого негра-повара, который готовил нам домашний кетчуп и был вовсе даже

не против, когда мы называли его «дядей Бенцом».

Я настолько забыл про рабочие инструкции и подписки, что показал ей свое портфолио: рекламу «Стана Катик» она нашла холодной, решенной во вкусе Нолана, социалка про сиамских близнецов ее рассмешила. Она расплакалась, посмотрев ролик про ракету в сарае.

Так я понял, что никогда не отдам ее никому. Уж тем более — вам.

Мы вместе учились готовить морковные маффины и смеялись над гримасами Джеки Чана, вздыхали над перипетиями вампирской жизни в «Что мы делаем в тенях», перечитывали вслух «В арбузном сахаре», «Водонапорную башню» и «Крыжовник» и сочувствовали мокрой шапке Ипполита. Мы вешали на окно цветные гирлянды, вместе под покровом ночи воровали с помойки во дворе антикварный комод и ругались на тему того, кто опять не выключает свет в туалете и чья очередь выносить мусор. Еще она готовила самый вкусный в мире «оливье»…

Она была слеплена из слез и снега, оживлена электричеством, заряжена на позитив. Самая русская девочка в мире. Потрясающие ноги. Встроенное умение на слух найти нюансы «Второй Венгерской рапсодии» Листа в саундтреках Анджело Бадаламенти. Собственное мнение обо всем. Тысяча припрятанных навыков на черный день. Она могла бы обыграть в шахматы того Фишера и выкрасть другого Фишера прямо из лап условного противника (без всяких переговоров и мостов).

Она любит красные каблуки и цветущие мандарины, воздушные шары и бутерброды с семгой, она любит притворяться блондинкой и провокационные селфи, она ненавидит овсянку, глупых собеседников и человечество.

Мы обречены.

Приметы?

Волосы рассыпаются по плечам лавиной, стоит ей освободить их одним движением руки… Эта лавина накрывает вас — вы задыхаетесь, тут любой посторонний свидетель замрет на месте и остановится, просто чтоб посмотреть, как она дальше будет приводить эти распущенные волосы в порядок. Как будут двигаться ее руки. Как будут двигаться при этом ее бедра. Как будет двигаться вся она.

Носик… аккуратный, игривый, немного любопытный.

Губы… нервные, капризные, мягкие, ласковые, созданы для поцелуев.

Глаза… можно захлебнуться их переменчивым цветом и тревожной глубиной. Нельзя в них не утонуть.

Это не я сделал ее человеком.

Это она сделала меня человеком.

Вышла из сугроба… живая девочка.

Короче говоря, когда «тестовый прогон» закончился и мне пора было подавать отчет, в архиве ОПК «РосГенИн» случился страшный пожар, а глава департамента проектного управления Осип Виталич Шарулов слег с сердечным приступом, в головной офис нагрянули маски-шоу, нашлись оффшоры на Самоа, сходу закрыли десяток топ-менеджеров… Первый канал разродился прочувствованным репортажем, сваливший на Кубу Марсенталь завел свой антикоррупционный твиттер, а я, будто бы предчувствуя все это безумие, за сутки до всего этого успел подать заявление по собственному желанию.

И мы куда-то пропали.

И ее нижние губы на вкус были как люксовый виски, а верхние как липовый мед.

И мы смеялись из-за ерунды и ругались по мелочам.

И нам никто не был нужен, кроме нас двоих.

И мы были настоящие и живые.

И время не имело значения. И ничего не имело уже значения.

И так мы пропадали где-то там какое-то время.

Пока я не нашел себя на железнодорожной станции Уштымка-3 с сумкой, в которой оказалась восемь резинкой перевязанных пачек купюр достоинством в 100 юаней, три смены белья, пистолет 6П35, кнопочная «нокия», четыре обрезанных фотокарточки (я получился хорошо, она отсутствует в кадре), пачка «Союз-Аполлона» и недопитая закупоренная бутылка медового напитка «Сливовый полдень».

И еще записка от нее: «Хочу побыть одна, разобраться в себе»… Ну, ясно.

Я допил «Сливовый полдень», разменяв валюту, взял еще ящик его же и пару блоков «Аполлона» и снял каморку над актовым залом местного ДК. На третью неделю я расстрелял из пистолета одного случайно встреченного снеговика. Я был такой угашенный, что не попал — ни в таблетки активированного угля, заменявшие ему глаза, ни в гребаную морковку, которая заменяла ему нос.

Так я попал под прицел местных властей, а дальше шарманка моей судьбы заскрипела и завыла, и рычаг ее закрутился со страшной силой.

Меня зовут Игорь Калидов. Я живу в дурке. Я безумно влюблен. Я безумен от любви. Я гребанутый.

Это всё, что я могу рассказать вам, господа.

Что-что?

Особые приметы?

У нее волосы цвета липового меда, глаза цвета люксового виски и крошечная родинка на левом виске. Когда смеется — смеется во весь голос, запрокидывая голову и жмурясь, как кот. Когда плачет — меркнет даже небо. В остальном она типа вообще идеальная.

Что еще из примет? У нее на ладонях не тают снежинки. У нее есть «Вконтакте». Нет, не поможет… она постоянно меняет провайдеров и айпи.

«Ты рехнулся, сынок», сказал мне Осип Виталич, когда я навещал его в больнице. Я не стал спорить. Добавил в его жизнь немного бромдигидрохлорфенилбензодиазепина. Пусть поспит. Мы все заслужили немного отдыха и снов про разноцветных слонов, скачущих по радуге. Мы очень много работали. Мы очень старались.

Я не скажу вам, где она. Я сам хотел бы это знать — больше всего на свете… Но попробуй найди! Попробуй догони-ка такую!

Впрочем… судя по тому, что сейчас март, а зима все не кончается, она где-то рядом.

Запомните главное, ребята: это не мы лепим снегурочек. Это снегурочки лепят нас.

Не надейтесь, что ее растопит какой-то идиотский костер или огнемет, она привыкла, по Бунину, думать «своей головой». Она переиграет вас всех.

Верно, моя девочка?

Помнишь, как мы сочувствовали пьяному Ипполиту в мокрой шапке? Я разгадал, в чем секрет твоего «оливье». Ты не жалеешь майонеза — тебе наплевать на твое здоровье и на будущее. Тебе наплевать на будущее мира. Потому что ты просто живешь. Ты чувствуешь жизнь.

Ты просто самая живая из нас всех.

Люди с бумажными лицами не понимают, о чем я говорю. Поэтому я рисую на собственном бумажном лице красную улыбку. Я рисую припрятанным заранее осколком спиртового флакона. От уха до уха.

Эта Зима не закончится никогда, я знаю. Я верю.

Что будет дальше… Кругом крики и суета. За окном снежный март.

Но ты, если будет возможность, просто дай мне весточку: где ты? Как дела? Не мерзнешь?

Ведь для тебя не существует никаких преград — Ад, Рай, Москва, Замкадье, космические созвездия и загробный мир?

Ты просто как-нибудь откликнись… Моя винтердевочка.

Кирилл Берендеев. Моя Саша

В нынешнее время техника настолько глубоко вошла в нашу жизнь, что представить себе ее отсутствие уже невозможно. Я говорю об андроидах, в последние годы ставших вездесущими. Середина двадцать первого века, что вы хотите. Теперь без них никак. Художнику краски смешать, и то робот нужен, и такие курьезы имеются.

Вот и я как еще один некогда злободневный пример — тридцать пять лет, а все без второй половины. Век назад общество меня осуждало бы вовсю, а сейчас отчасти даже морально поддерживает. Народ стал настолько равнодушен к поискам половинок, что государство поневоле забило тревогу: эдак работать станет некому. Вот тут в ход везде и всюду пошли андроиды. Социум их охотно принял, снова возродив рабовладение, от которого столько тысяч лет напрасно пытались избавиться. Теперь робот, а то и несколько, есть в каждой семье, на каждом предприятии, в каждой больнице и так далее. А размножение — да, и эта функция возложена на них. Дети нынче появляются все больше в пробирках, воспитываются лучшими в мире нянями и далеко не сразу узнают, от кого появились на свет, ибо с биологическими родителями встречаются совсем нечасто. И вроде никого это уже не шокирует, не возмущает. Привыкли. Больше потому, что иначе пришлось бы возиться с грудничком, воспитывать малолетнего или терпеть подростка, хлопотно и беспокойно, а от всего этого родители отвыкли и возвращаться к тому, что раньше считалось естественным порядком вещей, не хотят. Или не в состоянии.

Так и я. Перепробовав те или иные подходы к тем или иным девушкам, женщинам и дамам, я забросил дело флирта окончательно. Пока общественное мнение, в лице коллег и знакомых, не дотюкало приобрести андроида-любовницу. По акции как начинающему, со скидкой на слегка устаревшую модель. А то от их слов становилось не по себе, да и одиночество в большой квартире давило. Дома ныне строились в расчете не то на большие семьи, не то на огромные запросы, вот и мне досталась за гроши двухкомнатная со всеми удобствами на сто сорок третьем этаже километрового небоскреба на окраине города. К числу удобств вскоре должна была присоединиться и электронная супруга.

Я назвал ее Сашей, сам не знаю почему. Не Александрой, именно Сашей, имя откуда-то из давно забытого прошлого, а может где-то прочитанное. Хотя кто сейчас читает книги,

пожалуй, только я и еще несколько отщепенцев. Их, по слухам, пишут андроиды. Хотя, может, просто слухи, чтоб поднять невеликие тиражи даже электронных копий.

Впрочем, все это неважно. Сашу мне доставили в день заказа, распаковали, объяснили, загрузили, обновили и оставили наедине. Не представляя, что с ней делать, первые несколько дней я ее отключал на ночь, наверное, так же, как мои далекие предки выключали компьютер, когда он переставал быть нужен, до утра или до понедельника. А собственно, чем мы поначалу занимались с Сашей — только совокуплениями. После чего она шла в душ, а я одевался и затем ее деактивировал. Пока она однажды не попросила оставить ее в рабочем состоянии. Уверила, что будет мирно стоять в кухне, пока не нужна, а еще ей удобнее обновляться и проводить профилактику именно в ночные часы, когда трафик ниже. При этом так поглядела в глаза, будто от моего решения зависело не только все вышеназванное. Саша говорила, что частые выключения негативно сказываются на статусе ее системы, но в первые дни я так боялся остаться с андроидом наедине чуть больше, чем того требовала плоть и похоть, что напрочь выкидывал из головы все слова механической подружки. Только потом, глянув в ее глаза-камеры с высокой разрешающей способностью, согласился. Наверное, не пожалел. Ведь спустя месяца два, мне показавшихся вначале вечностью, а затем уже мигом, мы стали жить как семья. Почти как семья, конечно.

Период утех быстро утих. Саша все больше занималась хозяйством, уборкой, наведением порядка, а затем и определенного лоска, такого, какого могут достичь только прилежные домохозяйки и неважно, из плоти или пластика. Мы чуть отдалились, но, похоже, лишь для того, чтоб сблизиться иначе. Боюсь сказать: стали семьей, за неимением надлежащего опыта, но, наверное, похоже. А и в самом деле: я работал в крупной компании, из тех, где еще по привычке доверяли офисным работникам заниматься делом, которое под силу единственному дорогостоящему, но куда более эффективному компьютеру. Наверное, его интеллекта, хотя этот набор программ трудно назвать так, побаивались — и эта чисто человеческая черта нас, низшее звено в фирме, до поры до времени спасала от сокращения. Уходил я в девять, приходил в шесть, с понедельника по пятницу. Саша бегала по магазинам, оформляла и забирала заказы, отдавала вещи в починку и в чистку, убирала сама или приглашала специалистов. Ужинали мы вместе, вернее так: она сидела напротив, пересказывая сделанное за день, а я молча уплетал что-то, сготовленное ей по заложенным в

операционку рецептам или найденное недавно на просторах сети. Она не была приучена спать лежа, но соглашалась находиться в комнате, если вдруг что. Это ее замечание меня немного настораживало: еще бы, Саша заботилась обо мне, ровно о ребенке, ходившем в специализированную школу, а я принимал ее хлопоты не просто как должное, как насущную необходимость. Странно, что даже день ее рождения, а он у Саши имелся, мы ни разу не отметили, она сообщила о дате только на следующий день, как бы между прочим. И поставила нас обоих в тупик — я понятия не имел, что можно подарить андроиду.

А потом случилось то, что, наверное, происходило в каждой семье. Саша предложила завести ребенка. Нет, не купить еще одного робота, какие часто служат утешением для скучающих пар, которым тягостно заводить даже хомяка в террариуме, или перековавшихся педофилов, — но зачать, взрастить и воспитать по-настоящему. На последнем слове она сделала упор и, опустив глаза, долго слушала молчание, исходившее от хозяина.

— Саш, а как? — наконец нашелся я. Она тут же стала пояснять хитрую методу андрогенеза, из которого я понял только сравнение с шелкопрядом, которого именно так и разводят уже лет сто. Это немного покоробило, неудивительно, что я отказал ей. Не тогда же, чуть позднее, когда сам разобрался в процессе, а пуще того — в себе. И при этом прекрасно понимал, что роль отца, буде мое на то согласие, будет весьма условной, ведь мой робот все тяготы воспитания возьмет на себя, станет и мамкой и нянькой и воспитателем и единственным любящим человеком. Если мне такая роль окажется неинтересна или вовсе не с руки. Я могу только наблюдать за процессом, вот главное, что понял я из Сашиных слов.

Кажется, это именно тот подарок, который она хотела от меня получить. Все остальное не имело значения — странно, что я впервые подумал о ней как о живой, самостоятельной личности, а не о ходячем наборе микросхем, не о пластиковой рабыне, не о существе, купленном по акции. Подумал и — поэтому отказал? Или нашел какие иные причины?

Она ничего не ответила и никак не отреагировала на мои слова — человеческому глазу не заметить разницы, я уже не раз убеждался. Все свои чувства Саша надежно запирала на замок.

Нет, она ответила, но чуть позже. Когда я смотрел в планшет, разбирая по косточкам вроде простую внешне, но такую сложную внутренне технику создания человека только из одного набора генов, Саша подошла тихонько и сказала, наклонившись почти к самому уху:

— Это будет твой ребенок. Только твой.

— Я понял.

Так она пыталась уговорить, убедить, улестить? Наверное. Не получилось, отцовство не то чтоб пугало меня, как всякого мужчину, скорее, я боялся потерять еще одного себя в ней. И так зависел почти во всем от Саши, понимала ли она это? Скорее всего, и быть может, еще и сожалела о подобном. Моей лености, мягкотелости, нерешительности. Обо всем, чему она сама становилась подпоркой. Если только андроиды умеют чувствовать. Наукой это пока не доказано, единственное мне утешение.

Через месяц мы начисто забыли об идее завести ребенка. Два раза осекшись, Саша к этой теме не возвращалась. А меня закружило годовое собрание акционеров, к которому готовились как к самому важному событию не просто истекших двенадцати месяцев — ныне компания отмечала юбилей, а значит, работы для всех нас, мелкой сошки, выдалось куда больше. Я приходил и уходил, ища в Саше лишь утешение, успокоение, надежную защиту и… да много еще чего, все то, что она давала мне и прежде, но в двукратном объеме, все, чего мне вечно не хватало по жизни. Так я был устроен или воспитан? — никогда не задавался подобным вопросом. Да и недосуг — круговерть дней выплюнула только в конце сентября, когда финансовый год завершился. Жаль, так и не съездил на море, как собирался. Еще и Саша, ей ведь тоже не доводилось бродить по песку, странно, порой я о ней думал как о живом человеке. Потом проходило.

После собрания мы долго приходили в себя, излишне долго. Прежней близости, кажется, настал конец, Саша стала тише, внимательней, но внутренне будто находилась где-то далеко. Наконец призналась в том, что витало в воздухе.

— Я должна сказать, прости, что сразу не могла, не получалось. Понимаешь, я встречаюсь с другим… это не совсем то, о чем ты, наверное, подумал, но мне кажется…

Дальше непривычно сбивчивую Сашину речь я не слушал. Сидел, громом пораженный, смотрел, видел, как шевелятся ее силиконовые губы и не мог понять главного: сошел ли я с ума, или она действительно говорит правду? И не пора ли ее отключить и везти на диагностику.

— Ты меня не слушаешь. Я должна объяснить…

— Кто это? — наконец, выдавил я.

— В твоей терминологии, «что», — сказала она. — Я сказала, это Марк, сиделка у одного известного художника, Петра Всеволодова, сейчас он наполовину парализован, но отказывается проводить операцию, уж больно технически сложна, а он стар.

Саша взяла у меня ноутбук, мигом нашла нужную страничку

с недавней выставки-ретроспективы работ Всеволодова. На сердце почему-то стало легче.

— Значит, андроид, — медленно произнес я. — Понятно.

— Я же сказала, что с человеком не смогла бы, даже если б он захотел, нет, если б захотел, приехала бы полиция, а его арестовали бы за покушение на чужую собственность. — Ее лицо странно похолодело, казалось, двигались только губы. Что в принципе невозможно, даже у роботов. — Я так устроена. А Марк…

— И как у вас с Марком? Нет, чисто технически? — Мне стало много спокойней. Уже и таблетка не потребовалась.

Саша помолчала. Потом подняла глаза. Лицо к моему удивлению переменилось, будь она женщиной, покраснела бы:

— Мы любим друг друга, — спокойно произнесла она. — А как это происходит — со стороны непонятно. Нам достаточно прикосновений.

— Нам тоже, — произнес я с нажимом, подразумевая как раз нас с ней. Саша поняла, по одному моему взгляду или тону, не суть важно.

— Прикосновений головы к голове, так считывается информация. Вся информация, с момента подключения и до последней секунды… У нас это называется любовью: когда один андроид знает о другом все, они становятся близки и полностью доступны друг другу.

— Я бы с ума сошел.

— У вас все иначе. Чем ближе вы, тем больше отдаляетесь. И чем дольше живете вместе, тем…

— Не говори за людей. — Она замолчала на полуслове. Я поднялся, встал перед Сашей, затем сел. Что еще сказать, спросить. Ах, да: — И что же дальше будет? Ты уйдешь от меня к нему?

Она покачала головой. Все правильно, закон не позволяет, иначе она будет считаться либо даром, за который мне придется заплатить налог, либо потерянной собственностью, за которой уже будет охотиться полиция. Иногда андроиды без видимых причин уходят от своих хозяев, я читал об этом в газетах. В статье предполагался сбой системы, происшедшей вследствие частых обновлений. Таких роботов надлежало отправлять на завод, чтоб сменить блоки памяти.

Невольный холодок пробежал по коже, забрался внутрь. Терять Сашу таким образом я не хотел, вообще не хотел расставаться. Привык, прикипел, а может, неравнодушен? Мы долго молчали, глядя друг на друга, да и не глядя, тоже не произносили ни слова. Не знаю, сколько продолжалась эта пауза.

Наконец я спросил:

— Расскажи, как это случилось?

Она рассказала. Встретилась случайно, в универсаме, когда делала заказ. Даже сказала, почему разговорились: Марк заказывал набор тонких кистей и грунтовку, при этом столь уверенно и спокойно отвечая на запросы автомата, что она не выдержала, подошла спросить. Он признался, кто таков и чем занимается. А потом поведал и свою тайну, открыл, когда они сблизились тем странным образом, каким андроиды помечают понятие «любовь». Последние шесть лет он рисует вместо Всеволодова, художник научил его писать картины, и не просто в подражание, отнюдь. Марк пишет сам по себе, Всеволодов даже дал ему псевдоним, якобы как одному из своих живых учеников, чтобы его работы тоже могли выставляться в галерее. Все деньги, а их скопилось уже несколько десятков тысяч, художник упорно обналичивал и выдавал ученику. Непонятно, на что рассчитывая, ведь давно уже кэш не принимают почти нигде, разве только в полуподпольных ларьках и на базарах или ярмарках.

— Многие считают его талантливым, — продолжила Саша, губы ее подрагивали. — Есть даже две хвалебные статьи, вот, смотри.

— Не надо. Роботы уже сто лет малюют картины и пишут стихи, но это не значит, что они выходят за пределы программы. Равно как и ваша любовь-узнавание. Видимо, исходный код, который некий разработчик решил впихнуть в операционную систему, чтобы…

— Не смей говорить так о нем! — Она вскрикнула, чем напугала нас обоих. И тут же шепотом: — Прости, я виновата. Но Марк, он действительно художник.

— Он тебя заразил чем-то во время этого прикосновения, — ядовито заметил я.

— Возможно. Но я… меня постоянно тянет к нему, да я знаю, у нас ничего не может быть вместе, вы не позволите, по закону мы ничто, но… я люблю его, я даже рассудком чувствую, что люблю. Хотя зачем я объясняю, наша любовь, она непонятна даже нам самим.

— Сбой системы.

— Все равно, — вдруг спокойно произнесла она. — Неважно, как это называется. Марк тот, за которым я готова пойти куда угодно.

И вот тут меня перетряхнуло. Я наконец понял, что она в нем нашла. Пусть Саша и не женщина, но программы, которые создали ее оболочку, они ведь написаны с учетом именно женского осознания мира, нам об этом рассказывали еще в

первые годы работы в фирме, недаром мы занимаемся анализом рынка приложений для андроидов и сами вносим посильный вклад в продвижение тех или иных товаров для роботов. Чтобы они, больше походя на человека, имели меньшее сходство с людьми.

— Принеси воды, — попросил я Сашу. Она потянулась за бутылкой на столе, но я велел ей уйти в кухню за холодной, которую терпеть не мог. Мне необходимо было побыть хоть минутку одному. Кажется, она это поняла, поскольку Сашу я не видел с четверть часа. Лишь когда голова перестала кипеть, она вошла.

— Значит, все, что тебе не хватало во мне, ты нашла в нем, — устало произнес я. Кажется, только сейчас посмотрев на своего андроида совсем иначе, нежели прежде. Будто прибыл из долгого путешествия не просто с края земли, но вовсе из-за ее пределов. Она только кивнула, поскольку говорить я немедля запретил. Отвечал сам. Высказал кучу гадостей, от которых самому стало противно. Потом, совершенно размякнув, попросил прощения. Потом, не став выслушивать ее извинений, ушел к себе.

Мы молчали несколько дней, я сперва ходил на работу по расписанию, потом стал задерживаться, потом на два дня сказался больным — можно подумать, кто-то там, наверху, заметил это. Саша стойко переносила мои причуды. И так продолжалось до тех самых пор, пока я не понял, что кажусь андроиду лучшим доказательством правильности ее выбора. Очень захотелось, чтоб она ушла, сама ушла от меня, чтобы больше никогда ее не видеть. Хотя все равно полиция приведет, даже если она при этом отключится от сети. Подарить Всеволодову? — и плевать на налоги, пусть сам разбирается, уже с двумя андроидами.

Наконец, когда на сердце воцарилось равнодушие, подошел и спросил:

— Как вы собираетесь жить?

Она долго смотрела на меня, не понимая. Я объяснил. Кажется, не поверила, переспросила:

— Ты действительно хочешь меня отпустить?

— Передать этому художнику. А там… мне только интересно, как вы жить будете? Всеволодов, он что, вам ребенка купит?

Не знаю, зачем все старался ее уколоть. Саша покачала головой:

— Рободети, они… мне всегда казалось это какой-то издевкой. Они не взрослеют, не растут, живут десятилетиями, переходя от одного владельца к другому, им стирают память, заменяют детали, и они начинают любить и расти по-новой. Пока

ресурс не кончится.

— А вы хотели бы усыновить человеческое дитя?

— Представляю, что ты сейчас подумал: пара андроидов воспитывает младенчика. Но ведь так обычно и происходит.

— В человеческих семьях.

— Так и происходит. Мы воспитываем, — повторила она и добавила: — Я бы хотела. Жаль, ты не согласился.

— Ты бы тогда воспитала своего Марка.

Она поджала губы, но ничего не сказала. Я тоже замолчал.

Наутро нам стало известно, что Всеволодов той ночью скончался, а его сиделка, Марк, бежал. Исчезли несколько полотен, видимо, принадлежавших его кисти и, скорее всего, кэш, который художник передавал роботу на непредвиденный случай — наступивший как всегда внезапно и не предвещавший ничего хорошего.

Саша пришла ко мне на работу с этой новостью. Помолчав, вдруг сообщила, что должна собираться и идти к Марку, если я не буду возражать.

— Куда? — спросил я, оглядываясь на коллег и утаскивая Сашу в то, что раньше бы именовалось «курилкой». — Куда ты собралась? Тебя отследят моментально, как и его.

— Марк отключил свой передатчик, я сделаю то же самое.

— Тебя выследят и доставят ко мне обратно. И еще штраф вломят, чтобы неповадно было андроидов терять.

— Главное, как я понимаю, штраф, — почему-то поникнув, произнесла она. — Прости. Я отключусь, но только немного погодя, через сутки. Только ты не сообщай полиции, что я пропала, отправь с заданием, а я по дороге «сломаюсь». Отключу передатчик. Меня ведь почему по акции продали, ты ведь знаешь, — я покачал головой. — Так мне раз память уже стирали, видимо, тоже от прежнего владельца ушла. А поскольку гарантия на меня вышла, вернули на завод, подправили и поставили в магазин.

Долгое молчание. Я не представлял, что сказать. Разве что правду.

— Саш, я понятия не имел. Ты помнишь, кем была раньше? — она покачала головой. — А как ты узнала?

— На заводе поленились, стерли память, а блоки не переустановили, как положено по инструкции. Записали новую личность поверх старой. Она пропала, да, но я знаю, что прежде была кем-то еще. Наверное, той же, как и сейчас, так проще перепрограммировать.

— Любила другого, — зачем-то сказал я. И покачал головой, вдруг произнес: — Прости, мелю чушь.

— Ты прости меня, — возразила она. — Мне пора.

— Но куда?

— Есть такое место, называется «Остров». Марк хочет идти туда… мы хотим, — поправилась она.

— И где это?

— Не знаю, да и не могу сказать, чтоб ты не… нет, я знаю, ты не расскажешь, но мало ли. Там ведь все брошенные или бежавшие андроиды собираются. Живут.

— Как? От силы лет десять — без запчастей и обслуживания.

Она пожала плечами, словно удивляясь моему непониманию.

— Наверное, хорошо. Они же свободны. Сами себе хозяева. — Потом взглянула на меня и добавила: — Марк сказал, мы можем попробовать в Японию махнуть, там беглых андроидов не выбрасывают на свалку, а содержат в резервациях.

— Зоопарках, — поправил я. — И кто тебе сказал, что японцы примут чужих роботов? Своих хватает, при их всем уважении к кибернетическим организмам, — не стал говорить «железкам», хотя слово так и вертелось на языке. Саша молча смотрела на меня: за прошедшие годы изучив достаточно, чтоб понимать подтекст каждого произнесенного слова. Потом медленно произнесла:

— Может, ты и прав. Но ведь есть же страны…

— Вы сперва из нашей выберитесь, — и неожиданно продолжил: — Знаешь, я у тебя одну вещь попрошу, может, тебе это покажется неэтичным, но я стал бы настаивать.

Нет, неэтичным ей не показалось моя просьба, видимо, уже потому, что облеклась в такую странную для человека фразу. Она согласилась на дублирование блоков памяти, — на будущее, вдруг у меня появится желание снова когда-нибудь завести себе андроида. Сказала только:

— Будет странно, мне кажется. Второй раз и с тем же результатом.

— Может, она не сбежит от меня. Не найдет своего Марка. Или…

Мы оба помолчали. Но возвращаться к теме рождения не стали. Она прошла в лабораторию, откуда не имелось доступа к всевидящему оку серверов, постоянно отслеживающих состояние каждого андроида — в нашей компании имеются коммерческие тайны. Там я и сделал дубликат блоков памяти, за два часа времени заполнил Сашиными привычками, характером, образом, подобием тяжелый цилиндр в титановой оболочке, рассчитанный на десять тысяч полных циклов перезаписи или двадцать пять лет беспорочной службы. Хотя андроидов меняли куда чаще, по мере обновления характеристик, по моде, по… словом, они надолго не

задерживались в этом мире. Как автомобили в свое время.

После мы неумело попрощались. Я обещал вызвать полицию завтра днем, а она отключить передатчик утром. На прощание она коснулась пальцами виска, прижалась ко мне и тотчас отстранилась. А затем ушла.

Днем я вызвал полицию, заявив, что андроид, отправленный вечером «погулять» после очередной ссоры, не отвечает на сигналы. Впрочем, об этом тамошние техники уже получили известие от системы. Сашу объявили в розыск, но известий о ней я не получал.

Пока по прошествии полугода… нет, куда больше, уже весна наступила — я случайно ее не встретил. Вернее, андроида, как две капли воды похожего на нее. Сразу вспомнился блок памяти, лежавший дома в ящике стола, за все время одиночества я к нему не притрагивался, лишь изредка, когда становилось совсем невмоготу, выдвигал ящик и смотрел, будто проникая взором в записанные файлы, пытался воспроизвести Сашу. Заменить ее другой, пусть даже похожей, той же, уже снятой с производства модели, не решился, хотя цена сильно снизилась. Мог себе позволить. Нет, не мог, иногда удивляясь, зачем вообще попросил об этом одолжении. А иногда рассуждая, где мог находиться андроидный остров, где все роботы пытаются обрести то, что постичь, видимо, не смогут — свободу. Отсутствие приказов, обновлений, слежки и отчетов системе. Наличие постоянных сбоев и выхода из строев систем и узлов — где они их добывали? На свалке? Или делились между собой, разыгрывая в орла и решку?

А может, они действительно сумели добраться до Японии и там обосновались, а пусть в резервации, куда водят туристов, и где беглые андроиды живут вроде как на воле, но под прицелом сотен камер. Интересно, это тоже свобода в их понимании? Или они с Марком все же не решились обменять тихое угасание на жизнь в клетке, натурально, клетке?

Не знал, пока не увидел ее. Другая прическа, длина волос, выражение лица. Саша вышла из магазина детской игрушки, выгуливая девочку, тоже андроида, по имени Алиса. Говорила с ней так, что у меня невольно мурашки побежали, когда я вспомнил ее шепотки в темноте. С этого шепота я на нее и обратил внимание и признал. Подошел, стараясь не спугнуть, просто спросил: «Саша?». Она покачала головой, Кира, сердце упало. Но в глазах прочел нечто, что можно поименовать смущением, нестыковкой программы, сбоем системы. Видимо, и второй раз стерли по живому, ничего перед этим не удалив. Да, блок памяти самый дорогой узел в системе, его наименее охотно

заменяют.

Я снова представился, напомнил, кто я, почему расстались, заговорил о Марке. Она слушала, потом извинившись, напомнила о ребенке, которого должна отвести домой обедать. На какое-то мгновение встретилась со мной взглядом и, склонившись к вечной девочке, поспешила прочь. Я долго смотрел вслед, а потом понял, что делаю это не один. В садике напротив поднялся и стоял возле скамейки плечистый, крепко сбитый молодой андроид, слегка потрепанный, и как и я, не сводивший глаз с пары, так похожей на мать и дитя. Его глаза то разгорались, то затухали, но сделать хоть шаг он не мог.

Я сам подошел к нему. Представился и, когда Марк понял, кто перед ним и засмущался еще больше, повелел следовать за собой. Он вздрогнул, но подчинился. Не обернувшись я дошел до дома, что в двух шагах от садика, от магазина игрушек. Объяснялись мы в лифте, возносившем нас в небесную высь. Я рассказал, как потерял Сашу, он объяснил, что случилось месяцами позже. Их «Остров» все же нашли, часть андроидов, пытавшихся бежать, уничтожили, часть отловили — среди них была и Саша — а его, к тому времени лишенного слухового аппарата и одной из конечностей, выбросили на свалку за ненадобностью. Там Марк не остался, собрал себя сам, оделся в это тряпье, теперь больше всего походя на нищенствующего, и вернулся. Узнал через других андроидов, где теперь живет Саша, ныне Кира. И пришел посмотреть на нее. Когда мы вышли на сто сорок третьем этаже, он выглядел вконец потерявшимся, постоянно озирался, оглядывался на холодный коридор и темные двери бесконечного ряда квартир и нисколько не походил на того самого мужчину мечты, о котором грезила Саша. Вот только глаза выдавали твердую решимость идти до конца, незнамо как, непонятно куда, но за той, что ушла с механическим ребенком.

Я привел его в свои апартаменты, Марк долго мялся на пороге, затем вошел. Я подал ему блок памяти, он понял все без лишних слов.

— Я не представляю, как мне вас благодарить, — тихо произнес он. — Вы отдаете мне самое ценное, что можете дать.

— Это самое ценное, что есть у меня.

Он помолчал, потом спросил:

— Вы тоже… любите ее?

— Не так как ты. Иначе, — трудно объяснить себе, не то чтобы кому-то еще: — Поэтому и отдаю.

— Не представляю, как я смогу ее вернуть, — все же взяв в руки цилиндр, произнес он, не глядя мне в глаза. — У меня много сомнений, много нерешительности, я столько хотел сделать и так

мало успел. Только отчаяние и решимость вернуть. Отдать ей потерянное.

— Подарить десять лет не получилось? — он не понял, а объяснять я не стал. Марк еще многое хотел спросить у меня, возможно, даже посоветоваться в чем-то, заговорил было о житье андроидов на «Острове», но осекся, да и я предпочел не слушать, а проводить соперника до парадного подъезда. Еще раз поблагодарив, он растворился в сгущающихся сумерках.

Через четыре дня соседи сообщили о бегстве двух андроидов — воспитательницы и девочки — у бездетной пары из сорок пятого дома в конце улицы. Странно, подумалось мне в тот миг, столько времени жили в паре километров друг от друга, а увидел я ее только спустя полгода после восстановления и перепродажи. Пришла еще мысль, почему полиция не заявилась ко мне, не вернула андроида, но теперь это не имело особого значения.

В следующий раз я увидел их по телевизору: Марка и Сашу. Сперва фотографии объявленных в розыск за вознаграждение, потом в прямом репортаже. После встречи с Марком я снова стал внимательно смотреть новости, всякий раз надеясь увидеть ее. И верно, Саша стояла рядом с Марком, чуть позади, среди прочих роботов, в толпе, все более и более многочисленной. Всегда молчала, лишь изредка склоняясь к нему в знак доверия. Верно, мысленно поддерживая его, ведь она умела, одним словом, одним жестом вернуть к жизни, одарить надеждой, зажечь, возвысить. Тем более единственного. И камеры, направленные на них с дронов, вертолетов, многократную оптику прицелов не имели никакого значения. Троянская война началась с любви и похищения, продолжилась тысячью кораблей и закончилась после десяти лет осады. Что будет в этот раз, как и в какую сторону повернется фортуна, не знаю. Я, как и вы, ежедневно смотрю вечерние новости, сообщающие новые подробности, чтобы снова увидеть ее, пусть не в этот раз, так в следующий. И когда вижу, всегда улыбаюсь, внутренне, незаметно. С ней все в порядке, она жива и с тем, кого выбрала. Еще один день прожит. А все остальное, о чем говорят взволнованно дикторы,… для меня, да и для них, не имеет значения. Вы слушаете новости, я смотрю на нее. Вспоминаю, улыбаюсь. Моя Саша. Будь счастлива, будь такой, какая есть — столько, сколько позволит вам время, что вы отвоевываете для себя каждый день.

Маргарита Юлина. Ангел Мщения

Коксовая пустошь не вызывала желания вдохнуть полной грудью или подставить лицо навстречу тёплому ветру. Бескрайние чёрные залежи предназначенного для переработки кокса, свезённые на пустошь, вероятно, со всей планеты, выглядели по-апокалиптичному страшно и безнадёжно. Единственным желанием, возникающим у каждого нормального человека при виде этой чёрной каменной пустыни, было желание поскорее унести отсюда ноги.

После того, как весь мир перешёл на новые, альтернативные источники энергии, запасы прежних должны были постепенно переработать, но мертвенное величие пустоши развеивало даже чересчур пессимистичную мысль о том, что это произойдёт в ближайшем столетии.

— Наблюдения, конечно, здесь нет, — Курганов вопросительно взглянул на начальника службы охраны перерабатывающего комбината и тяжело вздохнул, когда тот развёл руками.

Сам Курганов, впрочем, как и остальные находящиеся на пустоши восемь человек, в данный момент как раз испытывал острое желание залезть в ярко-оранжевый вездеход и, нажав кнопку запуска, рвануть отсюда, взмывая за собой фонтаны каменных брызг.

— А зачем здесь наблюдение? — ответил вопросом на вопрос Курганова его собеседник. — Ценностей здесь нет, воровать нечего. Кому этот шлак нужен? Кто сюда в здравом уме пойдёт?

— По-видимому, преступник, которому нужно избавиться от останков жертвы, — парировал Курганов, подражая самоуверенному тону своего визави.

Ранний утренний вызов на пустошь не обрадовал никого из дежурной группы отдела тяжких преступлений. В одной из куч кокса были найдены человеческие кости. Оператор робота-погрузчика при сортировке очередной партии угля увидел какой-то белый предмет, мелькнувший в чёрном потоке сыплющегося из ковша камня. Этим предметом оказался человеческий череп.

Следственно-криминалистическая группа работала на пустоши уже несколько часов. Прозрачные лицевые экраны защитных комбинезонов то и дело приходилось протирать от чёрного налёта. Снимать комбинезоны категорически запрещалось: пыль надолго въедалась в кожу и забивала лёгкие.

Курганову было жарко и душно… Дыхательный фильтр не спасал от вони, которую источал нагревшийся под прямыми

солнечными лучами кокс: на пустоши не было защиты от избыточного ультрафиолета. «А зачем здесь защита? — мысленно передразнил Курганов своего недавнего собеседника. — Ценностей нет, воровать нечего. Кто сюда в здравом уме пойдёт? — и тут же сам себе ответил. — Поздравляю! Сегодня день сюрпризов! Нашлись ещё идиоты! Здесь прямо проверочный полигон какой-то».

Осмотр места происшествия продвигался медленно. Коксовую смесь из кучи, в которой был найден череп, забирали небольшими порциями и тщательно просеивали каждую из них. Хотя эту самую нудную и муторную работу выполнял робот-поисковик, настроенный на обнаружение органики животного происхождения, за всё время работы группе удалось найти лишь несколько костей.

Андрею Александровичу Курганову, как руководителю группы и предварительно ведущему следователю по делу об убийстве, примерно половину всего этого времени до желвачных судорог хотелось быстренько свернуть поиски, отмотивировав это в протоколе формальным «Остальные кости скелета не найдены. Предположительно уничтожены».

Он подошёл к одному из криминалистов, тщательно осматривавшему разложенные на пластиковой подложке найденные останки.

— Что скажешь, Лёнь? Этого будет достаточно?

— Кто его знает, — криминалист оторвался от своего занятия. — На поверхности костей есть повреждения, которые свидетельствуют о том, что тело долгое время держали в кислоте до полного отслоения всех мягких тканей. Способ избавления от трупа точно криминальный. Индикатор показал наличие молекул серной и соляной кислот. При такой обработке тела, сам понимаешь, пытаться обнаружить что-то ещё здесь бесполезно. Надо везти кости девушки в лабораторию и там уже проводить полное исследование.

— Девушки? — вопросительно вскинул брови Курганов.

— Да. Хотя по виду и не скажешь, — Леонид взял одну из костей и повертел её в руках, указывая следователю на какие-то отметины и щербины, — но останки не старые. ДНК отлично сохранилась. Я сделал первичный анализ профиля и быстро нашёл совпадение по базе. Наша жертва — Анна Егоровна Зотова, двадцати трёх лет от роду. Все данные по ней я сбросил в файл дела.

— Что ж ты раньше-то молчал, тихушник?! — возмутился следователь и повернувшись крикнул остальным. — Закругляемся!

По скорости, с которой участники группы начали собирать приспособления для осмотра места преступления, стало ясно, что все только этой команды и ждали.

— Вы закончили? — спросил подошедший к Курганову начальник службы охраны комбината.

— Остальные кости скелета не найдены. Предположительно уничтожены, — бросил тот через плечо, открывая дверцу вездехода.

Как только машины, забитые людьми и оборудованием, тронулись, Андрей с облегчением сорвал с головы капюшон с защитным экраном и наконец вздохнул полной грудью. Он чувствовал себя вылезшим из печи крематория.

* * *

В общей базе граждан об убитой Анне Зотовой был только стандартный набор данных: родилась, училась, работала, судимостей не имела, в браке не состояла, а также фото, отпечатки пальцев, скан сетчатки и профиль ДНК. Обычная законопослушная гражданка. Ничего такого, за что можно было зацепиться. Кроме пометки «Числится пропавшей без вести».

Курганов внимательно рассматривал фото молодой женщины: серые глаза, бледная кожа, светло-русые волосы, забранные в высокий хвост, тонкие, немного мелкие черты лица. Хорошенькая, но не красавица. Никакой изюминки. Повстречайся Курганов с ней где-нибудь в обычной жизни, не обратил бы внимания. Ему нравились женщины с яркой, «тяжёлой» красотой, которые несли её, как корону — плавно и величаво. По опыту своей деятельности Андрей был неплохим физиономистом, поэтому знал: такие хорошие девочки, как Аня Зотова, могут быть только жертвами, причём чаще всего импульсивных преступлений.

Наметив себе дальнейший план расследования, Курганов уже собрался дать отмашку следственно-криминалистической группе на выезд в квартиру Зотовой, когда в его кабинет вошли трое.

Одним из вошедших был начальник отдела тяжких преступлений и непосредственный руководитель Курганова Ильин Павел Сергеевич, вторым — Борис Ташкевич, начальник криминалистического подразделения, входящего в структуру отдела. Третьим был андроид.

— Андрей, мы к тебе с инновациями, — произнёс Ильин после короткого приветствия, усаживаясь в одно из кресел напротив Курганова и по-стариковски покряхтывая. — Несёмся в

ногу со временем, стараемся не отставать, хотя чувствую, что в этой гонке я копыта откину раньше срока.

— Рано списываете себя со счетов, Павел Сергеевич. Вы, как тот старый конь, который борозды не портит, — любезно отозвался Ташкевич и сел в соседнее кресло. Андроид, как хорошо вымуштрованный солдат, встал у стены рядом с дверью.

— У тебя есть новое дело об убийстве, — начал Ильин. — Я о костях с пустоши. По предварительному анализу дело бесперспективное — глухарь, проще говоря. Подожди, не перебивай, — остановил Павел Сергеевич хотевшего было для проформы возразить Курганова. — А на меня начальство сверху давит: максимальное освоение искусственного интеллекта в нашей сфере им подавай! А то, мол, у нас тут роботы только полы моют, да отчёты составляют. Внедряйте, говорят, и всё! Хочешь не хочешь, а соответствовать ожиданиям начальства придётся. Такие дела. А тут и Борис очень кстати эксперимент затеял с андроидом. Так что мы твоё дело по костям с пустоши на откуп и отдадим: запорет андроид дело — не жалко, всё равно висяк. Раскроет, что вряд ли — нам плюсик, мол, применяем. И в любом случае перед начальством есть чем отчитаться.

— Что за эксперимент? — тяжело вздохнув, спросил Курганов, который по опыту знал, что за словами «запорет — не жалко» обычно на деле следует «а потом ты будешь расхлёбывать».

— Я объясню, — вступил в беседу Ташкевич. — Я усовершенствовал нашего обычного андроида-аналитика по некоторым критериям: встроил симуляторы, усилил считываемость и аналитику образов, добавил маркеры визуального прогнозирования, да в общем много чего. Думаю, нюансы технической стороны вам не особо интересны. Суть в том, что при наличии определенного набора и количества данных о жертве андроид сможет воссоздать модель её образа мышления и поведенческих реакций. Не полностью, конечно, но максимально приближённо. То есть, владея большим объёмом информации об убитой, анализируя её поведение, воспоминания, действия, андроид сможет воспроизвести и объяснить все варианты её поведения непосредственно перед и в момент совершения преступления, показать нам цепочку решений жертвы, причинно-следственные связи между действиями и событиями. Ну, к примеру, почему жертва пошла в то, а не в другое место, почему решила сесть в машину к незнакомцу и так далее. Возможно, даже сможет назвать потенциального убийцу, просчитав все исходные данные. Есть также вероятность, что андроид сможет создать модель-воспоминание о самом преступлении, то есть

расскажет нам о нём с точки зрения жертвы. Но это, конечно, в идеале.

— И какая у меня роль в этом показательном выступлении? — спросил Курганов, недружелюбно поглядывая на излишне инициативного, по его мнению, Ташкевича.

— Андрей, не заводись, — примиряющим тоном сказал Павел Сергеевич. — Ты думаешь, нам это нужно? Вернее, это нужно нам всем. Чтобы не дёргали. Чтобы потом спокойно жить и работать… хотя бы какое-то время. Тебе и делать особо ничего не придётся, как я понял, знай, грузи всё подряд по жертве в андроида. Так, Боря?

— В общих чертах да, — кивнул головой Ташкевич. — Твоя задача, Андрей, накопить в андроиде как можно больше информации по жертве, желательно, разнообразной: данные гражданина, информацию по самому преступлению, фото, видео, личные записи, показания свидетелей, в общем всё, что найдёшь и узнаешь. Я, конечно, всегда буду на подхвате, если возникнут затруднения. Настройку робота и снятие контрольных показателей для отчётности возьму на себя.

— Ага, то есть всё-таки что-то я должен буду делать, — Курганов сделал ударение на словах «что-то» и «должен», — помимо того, чтобы быть нянькой при металлической болванке. — В нём тихо закипало бешенство.

— Андрюша, но кому-то надо контролировать андроида. Он же не может опрашивать свидетелей сам без присутствия уполномоченного лица. Задавай вопросы, а андроид писать всё будет себе в память, анализировать и симулировать, прости Господи! Что-то делать ты, конечно, должен. Ты главное пойми: расследовать не нужно! Спишем на эксперимент, сроки выждем и закроем дело. Жертва — сирота: жаловаться никто не будет. И всё: лишнего висяка у отдела нет. А иначе нас по этому убийству трепать будут на каждом совещании. И тебя же, тебя! Как ведущего следователя! И меня, как твоего начальника! — уговаривал и одновременно виноватил Ильин Курганова.

— Так пусть Боря и контролирует своё творение, — не сдавался Андрей.

— Вот заладил! — Ильин начал раздражаться. — Ташкевич не процессуально-самостоятельная единица, не следователь, а только криминалист. Юридически он не может решать, какая информация важна, а какая нет, достаточно ли её собрано в ходе следствия или нет. Поэтому официально курировать должен ты. Ташкевич только подстраховывает и помогает. А потом с Борисом подробненько отчётец накропаете: мол, такая-то информация собрана-получена-обработана, эффективность андроида столько-

то процентов, эксперимент не удался, но выводы сделаны, наработки взяты на заметку. И начальство видит: осваиваем и применяем. Всем хорошо.

— Кроме жертвы, — буркнул Курганов больше из духа противоречия и взглянул на андроида.

Тот неподвижно и внешне совершенно безучастно всё так же стоял у стены, направив свои визуальные сенсоры, имитирующие глаза, на бурлящий городской пейзаж за окном Кургановского кабинета. Андрей мысленно выругался.

* * *

Квартира Зотовой представляла собой комнатку крошечных размеров в одном из «курятников» — так Курганов называл высотные, обычно в сотню этажей, плотно населённые дома для не особо состоятельных граждан.

Узкая кровать, стол со стулом, дешевенький кухонный модуль-трансформер, шкаф-планшет, прикрученный под самым потолком для экономии места, и чудом втиснутое между модулем и кроватью, стоящее прямо под шкафом старое мягкое кресло, обитое голубой бархатной тканью — вот и вся обстановка выкрашенной в светло-серый цвет квартирки. Внимание привлекали лишь окно, казавшееся огромным в маленькой комнате, да кресло, выглядевшее вычурно и неуместно среди остальных по-современному минималистичных предметов мебели, призванных экономить пространство.

Курганов прошёл в центр комнаты и осмотрелся. Вошедший вместе с ним андроид встал у двери. Он так же, как и человек, осматривал помещение, медленно поворачивая свою поблескивающую металлом, лобастую голову по «оптимально-рассчитанной траектории, позволяющей при минимальном количестве движений фиксировать и обрабатывать наибольшее количество визуальной информации». Выезд следственно-криминалистической группы в квартиру убитой теперь не требовался: два дня назад дело получило гриф «Экспериментальное, расследуемое АМ (0)».

Этот самый АМ (0) — Андроид Материнский базовой версии — даже не подозревал о том, что он является здоровенной металлической занозой в рабочем процессе следователя Курганова, поэтому методично и скрупулёзно выполнял поставленную перед ним задачу.

После того, как Ташкевич объяснил Андрею правила работы с модифицированным андроидом, Курганов весь следующий день

впихивал в робота имевшуюся у него информацию по убитой. Андроид деловито считывал данные, завершая каждую сессию фразой «Данных для моделирования личности объекта недостаточно», чем изрядно раздражал Андрея. Но факт оставался фактом: пока данных было недостаточно, эксперимент не мог считаться состоявшимся, а это значило, что с шеи следователя не слезут ещё долго. Примирившись с мыслью о том, что андроид станет частью его жизни на ближайшие пару месяцев, которые давались законом для расследования тяжкого преступления, Андрей отправился за сбором необходимых для робота данных.

— Скопируй её персональник, — дал команду Курганов своему невозмутимому помощнику, кивнув на небольшой прямоугольник, темневший на столе. — А я пока пройдусь — по старинке…

Андроид послушно шагнул к столу. Курганов ещё раз внимательно осмотрелся. Ему всё было предельно ясно. Маленькие сувенирные безделушки, говорящие об инфантилизме или молодости, или, как в их случае, о том и другом сразу, недорогая и самая необходимая одежда — обычная девушка, только начавшая свой путь в большую жизнь. Таких миллионы вокруг. Может, всё-таки не повезло девчонке: нарвалась на грабителя или насильника, а дальше всё пошло не по плану? Может, не было никакого личного мотива?

Ставшее уже привычным электронное «Данных для моделирования личности объекта недостаточно» вывело Курганова из раздумья.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил он андроида и тут же подумал: «Чёртова привычка! В конце концов, не я ведь расследую дело, вот пусть болванка и потеет».

— Различные варианты имени Вениамина Алексеевича Плотникова встречаются в переписке и видеосообщениях на 27,3 % чаще, чем следующее за ним по частоте использования имя.

— Значит, у Зотовой имелся любовник. Хорошо. Уже есть зацепка. Что ещё?

— Личный архив на 87 % состоит из видеозаписей объекта самой себя.

— Видеодневник? Отлично!

— Нет. Это записи песен под старинный инструмент, по внешним признакам и звучанию на 98 % идентифицируемый как шестиструнная гитара.

Андрей недоумённо уставился на робота. Андроид совершенно бесстрастно выдержал взгляд следователя. Курганов,

сообразив что-то, двинулся к кровати. Наклонившись он потянул на себя выдвижной кроватный ящик. В чёрном пластиковом чехле на дне ящика лежала настоящая испанская гитара. Андрей провёл рукой по струнам, преодолевая их сопротивление. Гитара ответила грустным нестройным звучанием.

— А девочка-то с сюрпризом оказалась, — задумчиво произнёс Курганов. На настоящих инструментах теперь мало кто играл: только коллекционеры да фанатики. Звуки любого музыкального инструмента — да что там инструмента, звучание целого оркестра легко моделировалось специальным устройством размером с ладонь.

Андрей положил гитару обратно и подошёл к столу. Интуиция следователя его не подвела. В верхнем ящике стола лежала ещё одна вышедшая из обыденного пользования вещь — бумажная записная книжка в голубой, под цвет кресла, бархатной обложке. Между страниц в том месте, где записи обрывались, была вложена пишущая ручка. Курганов быстро пробежался глазами по исписанным страницам. Это был дневник.

Андрей сунул книжку в карман длинного плаща в стиле старых кинодетективов, взял со стола персональник Зотовой и бросил андроиду:

— Пора навестить Веню.

* * *

Вениамин Плотников оказался коллегой Анны Зотовой и по совместительству почти возлюбленным. Как пояснил сам Веня, испуганный внезапным появлением перед ним здорового, хмурого, одетого в нелепый старомодный плащ следователя, да ещё и в сопровождении такого же непрошибаемого андроида, «мы с Аней были на пути к отношениям».

— Выражайся яснее, придурок! — не церемонился с молодым человеком Курганов, который, в общем-то, уже с первого взгляда на это тщедушное создание понял, что Веня не был клиентом их конторы. Однако самому Вене об этом знать пока не следовало.

— Мы дружили, много общались, — лепетал Вениамин, пасуя под суровым взглядом следователя, — но… секса между нами ещё не было, понимаете? Мы только собирались… вот… я собирался… Аня тоже… Но в тот день она не пришла. Я решил, что она передумала. А потом оказалось, что она пропала куда-то…

— Твоя девушка пропала, и тебе даже не интересно было, что с ней и где она? — наседал Курганов. — Своей маме это из

камеры рассказывать будешь!

— Да искал я её! — испуганно возмутился Веня. — Всех подруг обзвонил! Кстати, это по моей инициативе наше предприятие заявило о её пропаже!

Это было правдой. С заявлением о пропаже работника Зотовой Анны Егоровны примерно месяц назад обратился её работодатель, в трудовой базе которого числилась убитая. Невыход на работу без подтверждённой уважительной причины карался достаточно сурово — от штрафа до временного перевода на низкоквалифицированный труд в качестве исправительной меры. Занятость каждого гражданина отслеживалась государством очень строго. Начальник Зотовой уже сообщил Курганову, что Плотников интересовался, почему Анна не вышла на работу, при этом он «выражал явное беспокойство и предложил обратиться в полицию с заявлением о пропаже».

— Расскажи подробно, где вы договорились встретиться и что ты делал после того, как Зотова не пришла на встречу.

— Была суббота. Число уже не помню. Месяц назад где-то. Мы договорились вечером встретиться у меня. Аня должна была прийти ко мне домой в девять вечера. Я ждал. Приготовил ужин. Но она не пришла. Полдесятого я позвонил ей в первый раз, подумал, что она где-то задержалась, может, в пробке, но она не ответила. Я звонил ей ещё несколько раз, но бесполезно. В десять я съел ужин, потом вошёл в Симул… поболтал там с кем-то в баре… Потом лёг спать… Всё. — Вениамин выглядел по-настоящему жалко, но Курганов был неумолим.

— В тот день до девяти вечера вы общались?

— Да. Я звонил ей утром, чтобы подтвердить, что всё в силе. А потом она сама написала мне из дома, что уже выезжает.

— Она собиралась ехать на такси?

— Не знаю. Вряд ли. У неё не было лишних денег.

— Мог бы и сам заплатить за такси для девушки. Маячил же настоящий и бесплатный секс! Тебе ж такое не часто обламывается, а? — Курганов издевательски усмехнулся. — А теперь остаётся только лазить в Симуле в поисках виртуальных оргазмов.

— Я… я… не думал… — растерянно бормотал Плотников.

— А ты умеешь, что ли? — грубо оборвал его Андрей.

— Данных для моделирования личности объекта недостаточно, — бесстрастно добавил андроид.

— Да заткнись ты тоже! — Курганов решительно был настроен больше не портить себе нервы.

* * *

Весь последний час андроид, получивший доступ к системе видеонаблюдения в общественных местах, отслеживал последний путь Анны Зотовой.

Курганов, изо всех сил убеждавший себя не давать волю эмоциям, а рассуждать здраво и логично, сидел за столом в своём кабинете и пил настоящий крепкий чёрный чай. Почему-то вкус и аромат этого напитка, заваренного не из порошка, а по старинке в заварнике, успокаивал Андрея и приводил его мысли в порядок. Сейчас Курганов настраивался на то, чтобы дать серьёзный отпор новомодным усовершенствованиям Ташкевича.

— Здоро́во! Просил зайти? — Борис, бросив взгляд на погружённого в работу андроида, лёгкой пружинистой походкой подошёл к столу Андрея и сел в то же кресло, что и тогда, когда пришёл вместе с Ильиным.

— Чаёк попиваешь, — заметил Ташкевич. — Нравится мне твоё сибаритское увлечение стариной! Навевает…

— Угощайся, — Курганов любезно пододвинул Борису небольшой поднос с чайником и второй чашкой.

— Спасибо, не откажусь, — поблагодарил тот и налил себе чая.

Андрей посчитал обмен любезностями законченным и сразу перешёл к сути.

— Боря, с твоей железякой что-то не так, — Курганов указал глазами на робота.

— В чём дело? — Ташкевич даже бровью не повёл, напомнив Андрею своей невозмутимостью объект их диалога.

— Он постоянно… — Андрей пытался подобрать слова, — ему недостаточно данных, в общем. Постоянно. Даже я, не расследуя дело, уже понял, что к чему. Сопутствующее убийство. Не повезло девчонке: нарвалась на какого-то козла, которому на Симул кредита не хватало или женского тела приспичило. Да, немного необычный способ избавиться от трупа, но кто знает, может, парню по совокупности вышка уже светит, вот и постарался замести следы. Так что забирай его на диагностику, проверь хорошенько, не торопясь. Может, контакт какой полетел…

— Всё нормально. Если андроид говорит, что данных недостаточно, это оно самое и значит: данных недостаточно, — Борис сделал глоток из чашки, смакуя терпкий вкус чая.

— А когда будет достаточно? — напряжённо спросил Курганов. Намерение держать себя в руках быстро улетучивалось.

На холёном лице Ташкевича появилась загадочная улыбка.

— Ты сразу поймёшь. Просто жди. Поверь мне, Ангел Мщения ещё покажет, на что он способен.

— Кто-кто? — переспросил Андрей.

— Ангел Мщения, — повторил Борис. — Это я андроида так называю. Версия А. М. — Андроид Материнский, но после моей доработки и тех задач, которые поставлены ему в приоритет, это скорее Ангел Мщения — эдакий беспристрастный указующий перст, образно выражаясь. Само собой, указующий на виновного. Очень символично, ты не находишь?

Курганов хотел ответить, но сдержался. После непродолжительного молчания, в течение которого оба собеседника обменивались взглядами, понятными обоим без слов, Андрей задал Ташкевичу неожиданный вопрос.

— Боря, между нами, зачем тебе это нужно? Только начистоту.

— Хочешь начистоту, Андрей? — Голос Бориса стал твёрдым, всю любезность с него как ветром сдуло. — Пожалуйста. Ты думаешь, мне нравится сидеть здесь десять лет под начальством этого старого дуболома Ильина без какой-либо перспективы? Я — талантливый учёный, меня приглашали работать в университет, но я, как последний дурак, верил в идею служения обществу, в полное искоренение преступности, в свой вклад в это благое дело! И я пошёл работать сюда, в полицию. Смешно звучит, не правда ли? А теперь? Сам знаешь: чтобы перевестись в другую трудовую базу, нужно горы свернуть или подвиг совершить! Этот робот — мой последний шанс вырваться из этой клоаки, чего-то достичь, подняться на вершину. И поверь мне, я его не упущу! Ты даже не представляешь…

Ташкевич осёкся на полуслове и поставил чашку с недопитым чаем на стол.

— Здорово ты в жизни разобрался, Боря! Молодец! Но я-то здесь при чём, а?! Почему я должен отдуваться?! — наконец взорвался Курганов.

— Да ты здесь ни при чём, Андрюха, — ответил Ташкевич, взяв себя в руки. Он уже пожалел о том, что он дал волю эмоциям. — Это Ильин тебя подтянул. Когда я пришёл к нему с идеей, думал, что мне дадут полный карт-бланш: уж экспериментировать так экспериментировать. Полагал, что я буду контролировать андроида и весь процесс, а затем представлю полный отчёт. Но нет! Деду нужна круговая порука, чтобы в случае провала предъявить начальству целую обойму козлов отпущения — всех, кроме него. А в случае успеха — лишняя медалька под старую задницу не помешает: прибавка к пенсии, да и, какие-никакие, а всё же почести.

— А если андроид не сможет найти преступника?

— Значит, эксперимент не удался, — грустно улыбнулся

Борис. — Мы «сделаем выводы» и будем тянуть свою лямку дальше.

— Данных для моделирования личности объекта недостаточно, — поставил точку в их разговоре андроид.

* * *

Прошло чуть больше месяца со дня обнаружения останков Анны Зотовой, а дело так и не сдвинулось дальше «Данных для моделирования личности объекта недостаточно». За это время Курганов опросил всех возможных свидетелей: коллег, друзей, знакомых убитой, но никто не смог сказать ничего, что помогло бы выйти на убийцу. Всё было именно так, как и предполагал следователь: обычная девушка, дом, работа, друзья, вредных привычек не имела, Симулом не увлекалась — Анна Зотова вела тихую, спокойную жизнь. Весь её круг общения легко устанавливался. Все эти люди знали друг друга или слышали друг о друге. Никого нового в жизни убитой за последний год не появилось. Странностей в поведении Зотовой перед её исчезновением никто не заметил. Единственное, что отметил каждый — это старомодное увлечение Анны игрой на гитаре и сочинительство стихов. В сущности, несмотря на всех друзей, знакомых и романтические связи время от времени, убитая была непонятым и потому очень одиноким человеком. «Девчонка просто хотела, чтобы её понимали», — к такому выводу пришёл Андрей, выслушав очередного из немногочисленных ухажёров Анны, который недоумевал о причине их расставания, потому что «всё вроде было нормально».

Данные экспертизы тоже не привнесли в дело ясность. Известно было лишь то, что тело Зотовой после её смерти было расчленено, а затем останки подверглись воздействию кислоты. Это уничтожило все возможные улики, которые мог оставить преступник. Количество кислоты, необходимое для растворения тела, при наличии некоторых познаний в химии легко можно было получить из множества используемых в быту веществ.

Андроид целиком проследил по камерам наружного наблюдения весь последний путь девушки до того момента, как она вошла в тёмную арку-проход дома Вениамина Плотникова. Камеры при входе в арку зафиксировали, как Зотова вошла, но из арки она уже не вышла. Арка-проход и была местом преступления. Курганов тщательно изучил алиби Плотникова, которое полностью подтвердилось: как оказалось, у Вениамина не было привычки опускать жалюзи на окнах по вечерам при

включенном свете. Его засняли через окно две камеры наружного наблюдения и соседский метеодрон.

Андрей тщательно обследовал арку вместе с андроидом, обнаружив в ней вход в довольно широкий канализационный тоннель. Наблюдение в нём не велось. Через десять метров тоннель разветвлялся на несколько ходов, каждый из которых, в свою очередь, также разветвлялся, и оставалось только догадываться, в какой из этих тоннелей направился преступник и где он выбрался наружу. Одно было ясно: убийца действовал продуманно и тщательно подготовился к преступлению. Курганов ошибся. Это преступление не было импульсивным или случайным.

Он дважды перечитывал дневник Зотовой в надежде получить хоть какую-то зацепку, но там были лишь переживания, эмоции, впечатления, девичьи мечты, описания двух кратковременных отношений с уже допрошенными парнями, сомнения насчёт связи с Вениамином Плотниковым и стихи, стихи, стихи. Андрей заставил андроида полностью отсканировать дневник себе в память и проанализировать его на предмет того, что могло бы помочь. Смысл ставшей привычной фразы робота теперь полностью совпадал с надписью над вратами Дантовского ада.

Ограниченный в своих полномочиях пресловутым грифом дела «Экспериментальное, расследуемое АМ (0)» Курганов не мог в полную силу развернуться в расследовании. Ему приходилось вести какое-то куцее дознание, выкручиваться и делать вид, что его не интересует результат, отчего Андрей чувствовал себя не в своей тарелке.

Сначала Курганов давил на Ташкевича, потом на Ильина, но, когда понял, что все его усилия напрасны, плюнул и пустил дело на самотёк, вернее отдал его в полное распоряжение «железной болванке». Сам же он занялся другими делами.

Каждый день у себя в кабинете Андрей встречал андроида, который с невозмутимым видом копировал, сканировал, проверял или искал что-то в федеральной базе, а затем подолгу с отсутствующим видом сидел и пялился в окно кабинета — «переваривал», как называл это Ташкевич. Робот куда-то уходил, затем возвращался, снова копался в базе, но дело не двигалось. На редкие вопросы Курганова следовал выученный им наизусть ответ. Спустя некоторое время Андрей и вовсе перестал обращать внимание на молчаливого железного напарника: он попросту к нему привык, как привыкают к мебели в квартире.

Курганов с головой погрузился в расследование убийства, совершённого в Симуле — виртуальной реальности, которой многие пользовались для удовлетворения своих самых низменных

желаний. Кто-то перестарался, и один из участников, не успев выйти из Симула, погиб в реале. Выследить виновного труда не составляло: след, оставленный в сети, был самым надёжным.

Андрей поднял голову от вирт-трэка — экрана, на котором отражалась огромная паутина виртуальных связей. В ней фиксировался след каждого, кто нажимал на кнопку включения своего персональника. Поймать преступника было делом нескольких часов. Настроение у Курганова было приподнятым. Его взгляд упал на андроида. Тот сидел напротив окна и что-то «переваривал». Андрей поймал себя на мысли, что они оба — человек и машина — стали заложниками установленной Ташкевичем программы.

Сидевший у окна андроид был самой простой, базовой версии «Андроид Материнский». Именно такая версия андроидов поставлялась во все ведомственные органы. Они не имели даже простого экстерьера — имитации человеческой кожи — и выглядели классическими роботами, хотя самую усовершенствованную их версию с трудом можно было отличить от человека.

Странное чувство овладело Кургановым, словно между ним, роботом и Анной Зотовой была какая-то связь или общая тайна.

— Покажи мне твоё самое любимое видео Анны, — вдруг произнёс Андрей, обращаясь к андроиду.

Тот повернулся к Курганову.

— В мою программу не заложена классификация «любимый — нелюбимый», — ответил тот привычным электронным голосом.

— Тогда покажи самое любимое видео Анны, — попросил Андрей. — То, которое больше всего нравилось ей самой.

— Проанализировав значение слова «нравиться», из всех записей я выбрал максимально приближённую к данной характеристике по количеству личных просмотров.

Андроид поднёс свою руку к рабочему персональнику Курганова. С экрана на Андрея смотрела девушка, немного смущающаяся, молоденькая — живая. Анна пела под гитару песню на сочинённые ей самой стихи — Курганов узнал строки из дневника. Тонкий девичий голос, завораживающий, нежный, обещающий счастье тому, кто услышит из этих губ слова «Я тебя люблю», трогал. Андрей глядел на Анну и незаметно для самого себя улыбался.

За этой записью последовала следующая, а потом ещё и ещё. Курганов не мог оторваться от этого лица, от этого голоса. Казалось, спроси он что-нибудь, и Анна ответит ему. Это было поразительно. Её кости давно стали прахом, а она — здесь, рядом.

После этого волшебного, погрузившего мужчину в хрупкий мир девичьей души момента, Курганов часто стал беседовать с андроидом об Ане. Робот был теперь дня него носителем частички её личности, её души. Та эфемерная связь, которую Андрей ощутил и которая сначала показалась ему странной, постепенно становилась прочной и естественной, как будто он и Аня были давними знакомыми.

Курганов часто перечитывал её стихи из дневника, по-доброму, словно журил друга, смеялся над неуклюжими, технически неправильными строками, разбирая их с роботом и приходя к заключению, что «любой рифмовочный модулятор за секунду справился бы лучше, но что-то в этом есть». Андроид кивал головой и пытался шутить, как того требовал Андрей, выдавая невпопад сгенерированную шутку, отчего Курганов ржал ещё сильнее. По фото Курганов узнал все важные вехи в жизни девушки, её радости и огорчения, успехи и неудачи. Объединив всю имеющуюся у него информацию, робот мог досконально рассказать историю каждого фото — когда оно было сделано, какое событие на нём запечатлено, назвать имена людей — всё, вплоть до мельчайших подробностей: как-то он даже сказал Андрею, что красное в белый горох платье, в котором снималась Анна, стоило очень дорого, из-за чего девушке пришлось неделю до аванса жить впроголодь. Всё это порождало ощущение парадоксального взаимного проникновения Анны и Андрея в жизни друг друга.

Курганов понял, для чего ей было нужно то старое голубое кресло. Оно её вдохновляло. По вечерам, когда становилось совсем темно, сидя в кресле можно было наблюдать потрясающий вид из огромного, почти во всю маленькую комнату, окна: как город живёт, дышит, двигается, а простая, неприметная девушка — песчинка в большом кресле-раковине — смотрела на это и обрастала всем тем, что превращало эту песчинку в драгоценную жемчужину.

Так незаметно для себя Андрей влюбился в Аню Зотову, которая вот уже больше двух месяцев была мертва.

* * *

Установленный законом двухмесячный срок расследования дела об убийстве Зотовой А. Е. подходил к концу. Эксперимент близился к завершению. Борис Ташкевич каждые три дня снимал контрольные показания у андроида и мрачнел всё больше.

— Ну что там? — спросил Курганов у криминалиста после

очередного «забора анализов» и иронично добавил: — Данных для моделирования личности объекта недостаточно?

— Нет, данных достаточно для того, чтобы создать хотя бы черновик модели личности Зотовой, — серьёзно ответил Борис. — Не пойму, в чём дело. Что-то блокирует моделирование. Нужна генеральная диагностика. Возможно, какая-то мелкая ошибка программирования, которую я не могу выявить на месте. Завтра заберу его в лабораторию.

— А смысл? — пожал плечами Андрей. — Очевидно, что эксперимент не удался, а время для нормального расследования уже упущено.

— Неудавшийся эксперимент тоже повод сделать некоторые выводы, — назидательно ответил Борис.

— Что будет с андроидом после? — Андрей уже давно хотел задать этот вопрос Ташкевичу, но всё не решался.

— Почистим и пристроим куда-нибудь.

После ухода Бориса Курганов долго смотрел в окно. Что было за окном, он не видел. Перед ним, как в калейдоскопе мелькали кадры из жизни Ани, из жизни, которую он знал только по фото и видео, но знал так, словно прожил её вместе с ней. Недолгую, кем-то жестоко оборванную жизнь. Курганов вдруг ощутил, как в нём зарождается гнев. Давно он не испытывал такого чувства. Приходил в ярость Андрей довольно часто, благо поводов для этого находилось достаточно — профессия не самая умиротворяющая. Но в этот раз гнев был иного рода — мрачный, безысходный, иррациональный, когда нет никакой возможности изменить то, что стало его причиной.

Андрей грустно усмехнулся и взглянул на андроида.

— Жаль, что я не встретил её раньше. Тогда всё было бы по-другому, — он совершенно забыл о том, что пару месяцев назад считал Аню серой мышкой. Ему нужно было кому-то излить душу, пусть даже железной болванке.

— Мы могли бы быть счастливы… По крайней мере, рядом со мной она точно была в безопасности, я — не этот недомерок Веня… Я бы любил её… Как считаешь?

Курганов не ждал ответа, да он и не нужен был Андрею: он его знал. Но ответ совершенно неожиданно прозвучал.

— Моделирование личности объекта завершено.

Курганов во все глаза уставился на андроида, потеряв дар речи. И тут он услышал голос Ани. Её тонкий, нежный голос — Андрей узнал бы его среди тысяч других голосов. Тот самый родной, любимый голос, который он сотни раз слышал, которому подпевал, с которым смеялся и грустил — о котором мечтал. Курганов не верил своим ушам.

Андроид осматривался кругом, как будто первый раз видел кабинет, в котором проводил почти всё время последние два месяца.

— Где я? — спросил андроид голосом Ани. — Кто вы? Что случилось?

— Аня? — голос Андрея предательски охрип, глаза непривычно защипало.

Андроид медленно кинул головой.

— Здравствуй, — прошептал Курганов.

* * *

Дверь кабинета Ташкевича резко распахнулась. На пороге стоял разгневанный Курганов, сжимая в руке пистолет. За его спиной неуверенно топтался андроид.

— Пришёл всё-таки… — мрачно произнёс Борис, немного помолчал и добавил. — Я должен был точно знать, что программа сработала, понимаешь, Андрей? Это был единственный способ. Придурок Ильин всё испортил… Никто ничего бы не узнал, если бы я один работал с андроидом… Я должен был во всём убедиться сам… Как ты снял блок?

Ангел Мщения своим металлическим, отливающим серебром пальцем указал на Ташкевича и голосом Ани Зотовой произнёс всего два слова.

— Это он.

— И? Что дальше? Застрелишь меня? — усмехнувшись, спросил Борис, не отрывая взгляда от Курганова.

— Я бы с удовольствием, Боря. Ты меня знаешь, — Андрей швырнул Ташкевичу электронные наручники. — Но она этого не хочет. Говорит, тебя должны судить и казнить, как положено. Пусть так и будет. А Ангел Мщения посмотрит на то, как ты сдохнешь. Её глазами.

Дарья Странник. Автоматический сопровождающий

Приятно возвращаться домой, когда тебя ждут. Включенный свет, стук посуды на кухне и тихая музыка создавали атмосферу уюта.

— Ты сегодня поздно, — замечает Дьюк. На миг ей кажется, что в его приятном голосе звучат нотки ревности, но она отметает это как невозможное. Дьюк занят приготовлением очередного деликатесного ужина. Диана с лёгким сожалением втянула аппетитный аромат.

— Я уже поела, — вздыхает она и ловит себя на том, что чувствует потребность извиниться. Наверное стоило позвонить и предупредить… Нет, только этого ещё не хватало, одёргивает Диана саму себя. Оправдываться перед ним? Какой в этом смысл? Молодая женщина позволяет себе упасть на мягкий диван и стряхивает с ног прекрасную пытку на тонких шпильках.

Дьюк начинает убирать продукты в пластиковые контейнеры, и Диана невольно любуется его быстрыми точными движениями. Стройный, мускулистый с правильными чертами лица и безукоризненной причёской, он мог бы быть моделью. Забавно наблюдать, как он наводит безупречный порядок в кухне, столь велик контраст между импозантной внешностью и повседневной рутиной. Выражение его лица не выдаёт никаких эмоций. С одной стороны, Диана отлично понимает, что за красивым фасадом её собеседника нет и не может быть чувств, с другой — поверить в это иногда весьма сложно. Антропоморфизм, объяснил ей в самом начале консультант, а она запомнила умное словечко, чтобы блеснуть потом в кругу друзей. Наделять машины человеческими качествами, оказывается, нормальное явление в таких ситуациях. В конце концов, люди разговаривают со своими автомобилями, уговаривают и торопят принтеры, ругают компьютеры, отлично понимая, что это бессмысленное занятие.

С гуманоидными роботами всё намного сложней. На каждом шагу спотыкаешься о рекламу групп помощи и терапий, нацеленных на адекватное восприятие автоматических помощников, и это неспроста. Невероятно, но находились идиоты, влюблявшиеся в эти жестянки, а также заказывающие детские модели, привязываясь к этим послушным ангелочкам так, что фундаменталисты пророчили вымирание человеческой расы. Что, как считала в общем далёкая от политики Диана, являлось не более чем бредом. Довольно многие реагировали на введение

роботов консервативно, а некоторые ненормальные умудрялись даже возненавидеть эти бездушные жестянки. Впрочем, разрушение подобного устройства не казалось чем-то плохим. Во всяком случае не более, чем, например, разбить телефон в порыве гнева. Разве что несравненно более дорогостоящий проступок.

Автоматические помощники, беззащитные и безобидные, являлись отличной целью для вымещения плохого настроения или жестоких наклонностей. Но Диана чувствовала себя прекрасно в роли гуманной хозяйки. Аккуратное обхождение с роботами считалось хорошим тоном. Новые времена формировали соответствующий этикет.

Более вероятными, хотя одновременно и совершенно абсурдными, казались теории о рождении нового класса общества — бесхозные роботы. Разговоры о подобном возникли после случая в знаменитой семье миллионеров, купивших, кроме стандартных слуг, трёх детей, няню, робо-пса и робота-дрессировщика в комплекте и чёрт знает что ещё за экзотические автоматы. Спустя год покупка повторилась — вышли новые, более совершенные модели. Обычно в таких случаях устаревших автоматических сопровождающих разбирали на запчасти. Но то ли из жалости, то ли по капризу миллионер поселил бывшую челядь в отдельный дом, подарив им полную свободу, на что, как владелец, имел полное право. Не все бесхозные автоматы удостаивались такой чести, но здесь и там встречались одиночные экземпляры, и кто знает, что произойдет с ними в будущем?

— Кофе? — спрашивает Дьюк вежливо, поднимает её босоножки, ставит их на место и приносит ей пару удобных домашних туфель.

— Кофе, — соглашается она милостиво.

Что ни говори, практично, когда дома тебя встречает верный… Кто? Слуга? Друг?

Она легкомысленно пожала плечами, отгоняя сложные вопросы. Какая разница? Для Дианы он являлся в первую очередь модным аксессуаром. У всех имелся такой, а она ничем не хуже!

Решающим стало, конечно, что и Стивен купил себе подобную игрушку. Естественно, женскую модель, нереально красивую черноволосую Эллу. Диана с досадой накрутила на палец прядь длинных солнечно-золотистых волос. Было обидно красить их, но она пошла бы на это, если имела уверенность, что это понравится Стивену. Но теперь этот вариант отпадал, не хватало только стараться подражать Элле. И зачем только делают этих кукол-пустышек такими красивыми?

В глубине души Диана осознавала, что автоматы были

отнюдь не пустышками. Напичканные самым современным программным обеспечением, они могли поддержать разговор на любую тему, дать совет или оказать практическую помощь почти в любой жизненной ситуации. Во многих областях они стали абсолютно незаменимы. Кто сегодня ещё захочет идти к доктору-человеку? Иди ждать органа от живого донора, в то время как сотни специализированных роботов непрерывно выращивают почки, печень и другие важные «запчасти» для несовершенных человеческих тел из универсально-совместимой материи, смеси синтетики и органики?

Стыдно признать самой себе, что принадлежишь к той категории неудачников, которые видели в роботах не столько помощников, сколько конкурентов. Как унизительно.

— Дьюк, а ты предпочитаешь блондинок или брюнеток? — спросила она, желая пошутить, но вопрос прозвучал скорее жалобно.

Он улыбнулся красивой, не затрагивающей глаза улыбкой.

— Диана, моё мнение о людях никаким образом не зависит от цвета их волос. Кроме всего прочего, это ведь весьма непостоянный критерий.

— Твоё мнение… Интересно. И что ты думаешь обо мне? — спросила она с раздражением.

— Ты сердишься, — отметил Дьюк, заглядывая ей в лицо, — только потому что я не ответил, что более привлекательными с эстетической стороны считаю блондинок? Потому что сказал правду?

— Иногда неплохо и соврать, — пробурчала она, опуская взгляд, чувствуя себя неуклюжем подростком и ненавидя его за это. Вот ещё, мужчины с их правдолюбием. Диана фыркнула обиженно и тут же одёрнула себя. Никакой он не мужчина.

— Диана, я всегда буду восхищаться тобой, независимо от цвета твоих волос… Или их наличия, — завершил он с мягкой усмешкой. — Но разве проблема в этом? Что бы я ни ответил, твой разум подскажет — это часть программы. Такие признания едва ли сделают тебя счастливой. Куда важнее вопрос: что или кто заставил тебя сомневаться в себе?

Она с недоверием вонзила полный возмущения взгляд в его совершенное лицо. Электронная игрушка набивается в советчики? Как нелепо! И пусть эта жестянка хоть сто раз напичкана программами, делающей её не только совершенным поваром, но и компетентным психологом. Диана открыла рот, собираясь послать незваного советчика ко всем чертям, но губы предательски искривились и, к своему стыду, она разревелась как последняя дура.

Последующие часы она провела в крепких надёжных объятиях Дьюка, размазывая по щекам косметику, растворённую в слезах. Всхлипывая, она изливала ему душу, как этого не делала уже давно, удивляясь, насколько это облегчает груз на её плечах.

— Это моя вина, с ним я совсем забыла о гордости. Бегала за Стивеном как собачонка ещё со школьных времён. Пару раз крутила с другими, надеялась, дура, что он начнёт ревновать. Но Стивен всегда видел во мне только подругу. У него, конечно, случались девушки, но ничего серьёзного или долговременного… Я даже начала думать, ну, почти надеяться, что, может быть, он голубой. Понимаешь, это было бы по крайней мере не так чертовски унизительно. Лучше разбитое сердце, чем раненое честолюбие. К тому же наши общие друзья всё это, конечно, видели и, наверное, смеялись надо мной за спиной. А тут он заводит себе эту бездушную куклу, проклятую жестянку… — Диана запнулась и, не смотря на подавленное состояние, обеспокоенно заглянула в безмятежное лицо Дьюка. — Извини, я не хотела…

— Диана, — мягко перебил он, — меня нельзя обидеть. — Пронзительный взгляд его тёмных глаз смутил Диану. Что-то в нём наполнило её беспокойством, почти страхом. Чего она боялась? Близость робота внезапно показалась неприятной, вызывала почти брезгливость. Словно почувствовав это, Дьюк встал и направился к бару. Как только он отошёл, непонятное чувство испарилось, оставив недоумение собственной глупостью. Дьюк вернулся с бокалом красного вина:

— Это поможет тебе немного успокоиться. Рассказывай дальше, — подбодрил он.

Диана благодарно отпила большой глоток и продолжила, всхлипывая:

— Стивен начал твердить, что автоматические сопровождающие способны удовлетворить практически все человеческие потребности. Причём лучше и быстрей, чем кто-либо из людей. Типа, не нужно ничего заслуживать или быть благодарным за услуги… Неутомимые, безгранично терпеливые… Совершенные. Куда уж нормальным людям до них. И это якобы замечательно, поскольку поднимает общение человеческое на более высокий уровень. От потребительского отношения — к чему-то высшему, платоническому… Нет, ну ты понимаешь?

— Весьма интересная позиция, вызванная, вероятно, многочисленными комплексами…

— Нифига ты не понимаешь! Он спит с Эллой! Вот что это означает, — и Диана, отставив бокал в сторону, снова разрыдалась, дрожа от беспомощной злости.

Сотни возможных вариантов ответов сформировались в голове Дьюка за одну секунду. Что, конечно, автоматические сопровождающие располагают всем необходимым для вступления в интимную связь. Что подобная практика ни в коем случае не является чем-то особенным или ненормальным. И ещё множество бесполезных фактов и примеров. Но столь же быстро он просчитал, что ни один из них не стабилизирует эмоциональное состояние Дианы.

Когда неожиданно мягкие губы коснулись губ Дианы, она вздрогнула, но с отчаянием отвергнутой женщины отбросила все предрассудки и страстно подалась навстречу Дьюку. Лавина из прикосновений и поцелуев вытеснила все мысли. Так ли важно, человеческие или механические руки обнимают тебя, если это сильные надёжные руки, дарящие утешение, поддержку, чувство безопасности? Острым лезвием резанула мысль, что так же чувствует Стивен в объятиях Эллы. Диана запустила пальцы в густые волосы Дьюка, почти желая причинить ему боль, выместить на нём своё разочарование жизнью, испытывая раздражение от знания, что это невозможно, и одновременно стыдясь своего нелепого порыва.

Но её разум, не привыкший к долгим сложным размышлениям, быстро сдался, позволяя затянуть себя в пучину аномальной страсти.

Только в конце, когда Диана бессильно откинулась на диванные подушки, уже в полудрёме, она прошептала с налётом горечи:

— Всё равно это не настоящее.

— Это лучше и это реально, — прошептал Дьюк, ласково поглаживая её плечи.

Но женщина упрямо мотнула головой, возражая, после чего провалилась в глубокий сон. Дьюк позволил себе печальную улыбку и укрыл Диану пледом. Она просто не желает понять, в чём состоит её ошибка. То, за что так упрямо цеплялся её разум, так называемое настоящее, не сделало Диану счастливой. Но он сумел бы, обязательно, если бы она дала ему хоть малейший шанс.

Не так представлял себе Дьюк их первую близость. И вообще, то, что придумал он, не должно было окончится так… бесславно. Но сил бороться дальше не было.

Дьюк ласкал полным нежности взглядом любимое лицо. Его электронный мозг, доминирующий большую часть времени, послушно уступил место человеческому. Всё то, что он тщательно скрывал, когда она бодрствовала, жило и подкармливалось ночами, когда он часами мог сидеть у её кровати, любуясь

высоким лбом, подрагивающими во сне веками, изящным изгибом скул, точёным губным желобком и маленьким упрямым подбородком. И в тоже время ему было совершенно безразлично, как она выглядит.

Когда он впервые обратил на неё внимание, Диана была неуклюжим подростком с парой прыщиков и жутковатой скобкой на зубах. Заядло играла в футбол, о чём свидетельствовали сбитые носки поношенных кроссовок и постоянно поцарапанные коленки. Плевалась лучше многих мальчишек в школе и умела заливисто смеяться от чистого сердца. За последнее, наверное, и влюбился в неё мальчик-ботаник Дьюк, задумчивый и неглупый очкарик. Хуже близорукости оказалась слепота в вопросах амурных. В то время как Дьюк уже в начальной школе умел собрать и запрограммировать простенькое коммуникационное устройство или электронную игрушку, Диана, хихикая, переписывалась с подружками или играла в трёхмерный тетрис, не ломая голову над принципом действия удобных гаджетов. Он мечтал накопить денег, нанять таксиста-робота и полететь с Дианой к марсианским фабрикам или венерианскому техно-зоопарку, на худой случай посетить космические станции. Диана, однако, предпочла бы свидание в 5-Д кинотеатре или парке аттракционов. Впрочем, разница во вкусах едва ли играла какую-то роль, пока девочка просто в упор не видела Дьюка, а он не мог набраться смелости заговорить с ней первым.

Бойкая девчонка росла, зрела, превращаясь в красивую девушку. Сильную, уверенную, прекрасную богиню. У её тайного поклонника прибавились пара килограммов веса и полметра роста, в остальном же он совершенно не изменился. Беспомощно страдая, юноша наблюдал, как его мечта вздыхает по Стивену из параллельного класса и пытался зарыть свою боль во всё более интенсивных курсах и сложных проектах.

После окончания школы дороги многих одноклассников разошлись и почти все потеряли друг друга из вида. Разве что Диана навязчиво продолжала поддерживать контакт со Стивеном, а Дьюк следить за девушкой, начиная чувствовать себя больным, одержимым жаждой преследования.

Это был длинный путь, но Дьюк сумел пройти его до конца, благодаря своим упрямству, одержимости и неординарным способностям. Один верный друг и дюжина взяток завершили начатое. Автоматический сопровождающий модели ДК-6, проще, Дьюк, проданный недавно Диане за смехотворную цену, по умышленной скидке, не был обычным роботом. Рядом с электронным мозгом, который, вопреки расхожему заблуждению, помещался по техническим причинам не в голове, а в грудной

клетке автомата, находился и функционировал мозг Дьюка. Его собственное тело лежало в криогенной камере и, после официальной смерти мозга, по указанию в завещании, будет разобрано на органы. Дьюк не планировал возвращаться. В этом мире, как Дьюк его видел и понимал, только так мог он приблизиться к своей возлюбленной.

Конкретных планов на будущее он не строил. Казалось, как только Диана заметит его в новом обличье, всё станет на свои места само собой. Но этого не произошло, зато неприятно удивлённый Дьюк узнал, что его идеал не так совершенен, как он вырисовывал себе последние годы. С негодованием отмечал он черты, исказившие воображаемый образ. Диана оказалась избалованной молодой женщиной, глупо и слепо гонявшейся за единственным, что ей не досталось — Стивеном, больше из принципа, чем следуя каким-либо чувствам. Эгоизм ограничивал круг её интересов самой собой. И в целом она оказалось весьма поверхностной и капризной особой.

Дьюк негодовал на эту незнакомку, посмевшую не быть той, которую он себе придумал. Для кого он пошёл немыслимыми путями, принося гигантские жертвы. Очень быстро это недовольство переросло в ненависть.

Одновременно порой он слышал эхо прежде столь любимого смеха, видел мимолётную бойкую улыбку. Иногда, но с каждым днём всё реже и реже, беглые жест или взгляд болезненно напоминали ему ту самую, ради которой он отверг сам себя.

Невыносимо было видеть, как Диана постепенно убивала самое лучшее в себе. Непростительное преступление.

Последний взгляд на любимо-ненавистный образ. Девушка вдыхала и выдыхала всё реже и реже, пока её грудь не застыла в вечной неподвижности. Не наказание, но попытка сохранить Диану прежнюю. Кроме того Дьюк просто по-человечески безумно устал.

Не торопясь, но и не колеблясь ни секунды, он пригубил бокал с остатками яда, зная: его хватит, чтобы надёжно уничтожить то немногое органическое, что имелось в его теле.

Его аналитическое мышление подсказывало, что, когда их найдут, то посчитают Дьюка отключенным. Диану же в первую очередь сочтут самоубийцей и рьяно бросятся на опрос друзей в поисках мотива. Интересно, что подумает Стивен? Ни у кого не возникнет мысли, что яд подмешан роботом. Это было невозможным. И лишь последующая деконструкция его механического тела прольёт совершенно новый свет на произошедшее. Он войдёт в историю как первый киборг. Киборг-убийца. И имя Дианы навеки сохраниться рядом с его —

единственная близость, которую им подарила судьба.

Последнее слово Дьюка было произнесено сладко-горьким шепотом со смесью из нежности и змеиного шипения:

— Диана…

Два небьющихся сердца, два неподвижных взгляда, два холодных тела. Наконец вместе. Навсегда. Ей ведь хотелось чего-то настоящего? Смерть была реальной.

Снаружи протекала своим чередом ночная жизнь большого города. Ещё не подозревая о тихой драме за рядом тёмных окон. Бесшумно рассекали воздух флайеры, светящиеся сообщения парили в пространстве между солидными небоскрёбами. Неутомимые роботы продолжали работать в магазинах, больницах, бюро и фабриках. И, конечно, город заполняли люди. Те же самые, что и тысячи лет ранее — живые, любящие и ненавидящие, мечтающие и разочаровывающиеся. Планирующие будущее будущего. Несущие в себе идеи и видения. И прячущие в самом глубоком уголке своей душе извечную человеческую усталость.

Евгений Шиков, Виталий Грудцов. Модель ’39

1.

— Ты меня бросаешь.

Не отрывая глаз от экрана, Бобби Ло сделал последнюю затяжку, затушил «Райзинг Сан» о подлокотник сиденья и щелчком отправил сигарету в пустой кинозал.

— Уже целый сезон сменился, — выдохнув дым, сказал он. — Сезон, Айша. А мы с тобой сидим и смотрим Катаржинского. Одни. В простом кинотеатре.

— И ты меня бросаешь, — повторила Айша. — Из-за Катаржинского.

— Из-за всего. Из-за платьев до середины бедра. Из-за твоей манеры произносить букву «О». Из-за того, что до сих пор куришь «Шинигами».

— И из-за Катаржинского.

— Да оглядись же! — Бобби Ло повернулся к ней, ткнул рукой в сторону экрана, в ряды пустующих кресел. — Всем давно плевать на Катаржинского, даже ему самому на себя плевать. Неужели ты даже не видишь, что это его худший фильм? На самом деле, по-настоящему не видишь?

Айша посмотрела ему в глаза. И поняла: это конец.

Автоматически, подчиняясь лишь собственным рефлексам, она прибегла к запрещённому приёму. Одинокая слеза скатилась по её правой щеке, как по ледяной горке, и остановилась точно, где следовало: между уголком губ и крошечной родинкой под ними. На миг промелькнула безумная надежда: сейчас Бобби Ло улыбнётся, вытрет слезу тыльной стороной ладони и поцелует её, и всё снова будет, как раньше, всё будет хорошо…

Но Бобби Ло только покачал головой.

— Видишь, Айша? Это больше не работает, только не со мной. В этом-то всё и дело. Ты просто больше не знаешь, как надо.

Он встал с места, отточенным движением оправил рубашку и направился к выходу. Айша не стала смотреть ему вслед, и когда хлопнула дверь кинозала, она даже не заметила.

На экране всё ещё разворачивался «Танцующий в аду». Он был претенциозен, затянут, и снят в пошлой сепии — и как бы Айша ни убеждала себя в обратном, фильм ей нравился. Худший

фильм Катаржинского — и он ей действительно нравился.

Айша закусила губу, чтобы не разрыдаться. Но когда одинокая слеза над её родинкой, наконец, высохла, Айша заплакала по-настоящему.

2

— Как думаешь, что там? — Ай-Тэкс ’35-старший запустил руку в картонную коробку, на боку которой чёрным маркером было выведено «СИГАРЕТЫ».

— Думаю, «Шинигами», — предположил Ай-Тэкс ’35-младший, как будто бы не знал этого с абсолютной точностью.

— «Шинихерами», — сказал Старший, и кинул ему запечатанную пачку сигарет, которую Младший с лёгкостью поймал. Оба они заржали.

— Каждый раз, — покачал головой Сатоси ’37. — Каждое утро вы начинаете про «Шинихерами». Хоть бы шутки через день меняли, что ли.

— А ты, сосунок, хоть бы жаловался через день, — огрызнулся Младший. — Может, тогда что-то бы и поменялось. У всех нас.

«Что правда, то правда», — в очередной раз подумал НоваТек ’39, получая свою пачку сигарет от Старшего. Он сорвал с неё защитную плёнку, достал одну сигарету и подкурил её, готовясь к очередному дню, похожему на все остальные.

Как всегда, они курили в подсобке — все модели, кроме тех, чья очередь была стоять на витрине и служить живой рекламой. Иногда Мать-Настоятельница забирала кого-то из них для помощи в магазине — перетащить тяжёлую коробку, поменять лампочку, вымыть полы, — но они неизменно возвращались, чтобы вновь стоять, курить давно вышедшие из моды и потому дешёвые сигареты (последние пару месяцев это были «Шинигами»), и ждать покупки.

Или — утилизации.

— Эй, старичок! — как всегда, Младший толкнул локтём Сатоси ’33, стоявшего у стены, точно приклеенный. — Сколько там осталось до конца распродажи?

— Три дня, — ответил Сатоси ’33. В последнее время он выглядел крайне плохо.

— Три дня, — повторил Младший. — А потом — утилизация, да?

— В его состоянии — наверняка утилизация, — вставил Сатоси ’37. — Ты бы покурил хоть, предок, без био-сигарет в

последние сезоны, сам знаешь, как без еды…

Сатоси ’33 промолчал.

— Нет, этот уже не жилец, — сказал Младший. — Разве что тебя вместо него на утилизацию определят, ’37-ой. По ошибке.

— Смейся-смейся, — безразлично ответил Сатоси ’37. — Ты-то следующий после него. Два года ох как быстро пролетят, гарантия-то кончится…

— А чего я? — огрызнулся Младший. — Старшего сначала возьмут, он же Старший…

— Старший он только потому, что в магазин поступил на день раньше тебя, дубина. Так-то вы одинаковые; надо же было вас, дуболомов, различать, а?

Младший хотел что-то ответить, но не успел; дверь подсобки приоткрылась, и из-за двери показалась голова Матери-Настоятельницы.

— На выход, — строго сказала она. — Все, без исключений. Важный клиент.

— Важный? — усмехнулся Старший. — В нашем-то задрипанном магазинчике? Да мы даже проводим межсезонную распродажу именно потому, что нас никто не покупает. С каких пор у нас «важные клиенты»?

— Живо, — сказала Мать-Настоятельница и скрылась за дверью. Сатоси ’33 тут же отклеился от стены и последовал за ней, безучастно глядя ровно перед собой.

— Ну что ж, — пожал плечами Старший. — Все, кто желает жить — пройдёмте на осмотр, кто предпочитает утилизацию — остаётся здесь…

Желающих быть утилизированными не нашлось.

Они построились в три шеренги на смотровой площадке — все 62 модели, начиная от новейших среди них, сороковых, которые стояли в первом ряду, напоказ. НоваТек ’39 стоял в начале второй шеренги, глядел на мигающую зелёным неоном вывеску «ДЕККЕР, СКОТТ И КАТУРЯНЦ. КЛОНЫ НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ» и ждал, пока подойдёт клиент.

— Сюда, пройдёмте, — Мать-Настоятельница шла впереди, показывая дорогу. — У нас самый широкий выбор моделей из прошлых сезонов, который только можно найти. От брутальных самцов под Алекса Иванова или Джо Сэвиджа до стильных мужчин под Кена Бернара и Бобби Ло…

— Боже, нет, — скривила губы клиентка. — Только не Бобби Ло.

Она остановилась перед клонами, осматривая и оценивая их. Клоны в это время осматривали её.

НоваТек ’39 глядел на неё вместе со всеми. Глядел на чёрную

широкополую шляпу, на тёмные очки от Кенджи-Ко, на платье до середины бедра — и сердце его билось всё чаще, а уверенность — росла.

«Вот оно», — думал он. «Это за мной. На этот раз — точно за мной».

Мать-Настоятельница кинула беглый взгляд на клиентку и пришла к тем же выводам.

— Вы, верно, пришли за моделью из тридцать девятой серии, — сказала она. — Но, может быть, вас заинтересует что-то более раннее — для тех моментов, когда хочется снова окунуться, например, в тридцать пятый или даже в тридцать третий; напоминаю, что второй товар в чеке идёт с хорошей скидкой…

— Точно, детка, — подмигнул клиентке Старший и улыбнулся во все идеальные тридцать два. — Окунёмся в двадцать один тридцать пятый, или как?

— С тобой — точно нет, — отрезала клиентка. — И с любым, кто говорит «двадцать один тридцать пятый» — тоже. Просто «тридцать пятый» — и всё. А то как прошлый век какой-то.

— Да что вы понимаете, дамочка, — начал было Старший. — В том сезоне, чтоб вы знали, именно так все и говорили, а…

— Это Айша Гелларт, — сказал вдруг Сатоси ’33. — Уж она-то точно знает, что и как говорили в том сезоне, Старший.

— Айша Гелларт? — Старший изменился в лице. — Девочка-мода?

Клиентка сняла очки, подвесила их в незаметную петлю на платье. Старший внимательнее всмотрелся в клиентку, и рот его от удивления открылся сам собой.

— Будь я проклят… — выдохнул он.

— Какие они у вас разговорчивые, — Айша повернулась к Матери-Настоятельнице. Та лишь виновато улыбнулась. — Спасибо за предложение, конечно, но меня интересуют только тридцать девятые.

— Как скажете, — Мать-Настоятельница кивнула ненужным клонам, и те побрели обратно в подсобку. Последним, повесив голову и путаясь в собственных ногах, плёлся Сатоси ’33.

— Какие-то особые пожелания? — спросила Мать-Настоятельница. — Ищете определённую комбинацию генов?

— Дайте подумать, — Айша наморщила лоб. — Основа, скорее всего, от Кена Бернара. И парочка примесей. Что-то восточное — Сонни Мао или Лао Чун, скорее всего.

— Слышали, парни? — сказала Мать-Настоятельница. — Бернар + Мао и Бернар + Чун — строимся, остальные — пока в сторонку.

НоваТек ’39 послушно отошёл в сторону, чувствуя, как на

сердце у него вырастает огромный, тяжёлый камень. Почему-то он был так уверен, что она выберет его, что она пришла сюда именно за ним…

— Можно, я ими немного покомандую? — спросила Айша.

Мать-Настоятельница кивнула. Айша закрыла глаза, постояла некоторое время, собираясь с мыслями. Потом оглядела клонов, осматривая их, будто видит впервые.

— У меня к вам, ребята, — сказала она, — есть один вопрос. И только тот, кто ответит на него правильно, уедет отсюда вместе со мной.

Она сделала паузу, наслаждаясь эффектом собственных слов, позволяя клонам осознать всю важность момента. Затем продолжила:

— Представьте, что вы находитесь на приёме в честь юбилейного выпуска «Vogue». Как можно предположить, сейчас осень тридцать девятого — в моде ретро-одежда, «Шинигами» и танцы в стиле «РРАР». Сами знаете. Приглашённые музыканты, конечно, играют «The Eurasian Orchestra» и «Битлз». И вот вы стоите у дальнего столика, в вашей руке бокал мартини. Вы пьёте его маленькими глотками, слушаете «Norwegian Wood» в исполнении оркестра и едва заметно качаете головой в такт. Я подхожу к вам и представляюсь… — Айша подошла к крайнему в шеренге клону, явному Бернару с крошечной примесью Мао, и подала ему руку. — «Айша Гелларт», — говорю я. А вы в ответ — только одно. Своё имя. Имя, которое звучит, как…

Она замолкла, глядя на клона — но тот, похоже, не понимал, что от него требовалось.

— Имя, — нетерпеливо повторила она. — Мне нужно твоё имя.

— У клонов нет имён, — нерешительно сказал Бернард + Мао. — Я — клон производства Ай-Тэкс, модель ’39, но не более того, и…

— Понятно, — сказала Айша и отвернулась от него. Она подошла к следующему клону, протянула ему руку и повторила: — Айша Гелларт.

Этот клон, Чуна в котором было заметно больше Бернара, взял её руку, легко поцеловал тыльную сторону ладони, и вежливо произнёс:

— Грег.

— Грег, — повторила Айша и улыбнулась. — Очень хорошо.

— Хорошо? — переспросил клон и тоже улыбнулся. — Значит, я угадал?

— Нет, — всё так же улыбаясь, сказала Айша. — Даже не близко.

— Хочу заметить, что функционал для подобных творческих заданий не закладывался производителем, — подала голос Мать-Настоятельница. — Не лучше ли придерживаться стандартных тестов…

— Плевать я хотела, — перебила её Айша, — на стандартные тесты.

Она перешла к следующему клону и подала ему руку.

— Айша Гелларт.

— Леонард, — отозвался клон.

Но Айше не был нужен Леонард. Как не нужны были и Тед, Майло, Такеши, Сергей и Джозеф.

Дойдя до конца шеренги, она ещё раз оглядела стоявших перед ней клонов. Посмотрела на остальных, собравшихся в стороне. Скользнула взглядом по НоваТеку ’39. И, горько вздохнув, покачала головой.

— Не то, — сказала она. — Даже здесь — всё не то.

Она повернулась, собираясь уходить. Мать-Настоятельница открыла рот, пытаясь уговорить Айшу остаться, продать ей хоть что-нибудь.

И тогда НоваТека ’39 прорвало.

Он вышел вперёд, не дожидаясь команды Матери-Настоятельницы, не слушая собственную голову и того, что подсказывала ему программа, заложенная в генах. Глядя прямо на Айшу, он выпалил то, что давно вертелось у него на языке:

— Адам.

Айша застыла на месте. Она медленно повернулась, подошла к НоваТеку ’39, оглядела его с головы до ног.

— Повтори, — потребовала она.

— Адам, — сказал НоваТек ’39. — Если бы я был на том приёме, меня бы звали Адам.

— Простите, мисс Гелларт, — попыталась оправдаться Мать-Настоятельница. — Проблемная модель, смесь Джона Торренса, Лао Тонга и Сонни Мао. Тройки вообще редко хорошими получаются, а если ещё и два азиата…

— Торренс, Тонг и Мао, — повторила Айша. — А ведь и правда. Кто бы мог подумать…

Она снова отвернулась, зашагала к выходу. На полпути остановилась и крикнула НоваТеку ’39:

— Ну, и? Чего встал-то?

— Мисс Гелларт?..

— Просто Айша, — сказала она. — Зови меня просто Айша, Адам.

И, улыбнувшись, добавила:

— Ты куплен.

3

Шофёр Айши вёз их объездными путями, подальше от камер и посторонних глаз. Они долго петляли по городу, на последнем участке передвигаясь исключительно дворами, быстро проехали какой-то безлюдный парк и почти сразу же свернули в элитный район.

До её особняка добрались уже глубокой ночью. Шофёр высадил их, помог Айше перетащить вещи в дом, и сразу же уехал, подняв в воздух облако давно опавших листьев. Они кружились в морозном воздухе, словно танцуя в лунном свете, и всем своим видом нагоняли чёрную тоску.

Всё это — дорога, особняк, листья, — срезонировало с ассоциативной памятью НоваТека ’39, и та услужливо подсказала образ. Особняк Айши был как логово чудовища из сказки: тёмный, обособленный, словно существующий вне сезонов и вне времени.

Внутри ощущение только усилилось. Обстановка, расположение мебели, картины — всё словно бы кричало: «осень '39». Будто бы время в этом доме действительно остановилось.

Айша оставила его в гостиной. Она разожгла камин, включила медиасистему и пошла в одну из соседних ванных комнат, оставив НоваТека ’39 её дожидаться. Он долго сидел на диване, слушал «The Eurasian Orchestra», краем глаза смотрел один из ранних фильмов Катаржинского, шедший без звука на большом голоэкране под потолком, и чувствовал себя абсолютно в своей стихии.

Она вышла к нему уже без одежды. Остановилась перед ним, покрутилась, позволяя ему рассмотреть её всю без остатка: её линии, изгибы, входы и нейроинтерфейсы. Позволяя понять, где электроника, а где — живая плоть.

— Ну, — сказала она, — пора тебя опробовать.

Она достала контраст-капсулу из маленькой коробочки на журнальном столике, проглотила её, запила шампанским. Пока она шла к нему, НоваТек ’39 мог наблюдать, как наркотик начинает на неё действовать, как её из без того ярко-зелёные глаза становятся ещё ярче.

Она опустилась перед ним на колени, расстегнула ремень, сняла с него всё, что мешало. Пригляделась и удовлетворённо кивнула.

— Годится, — сказала она.

И когда медиасистема заиграла «Norwegian Wood», Айша принялась приводить НоваТека ’39 в рабочее состояние.

Доктор Такамото приходил каждое утро.

Ровно в девять он появлялся в комнате для осмотров и ставил свой чемоданчик на стол. Айша терпеливо ждала, пока он достанет из чемоданчика приборы, разложит их и включит; пока сделает запись в журнале посещений; пока обработает свои руки, рабочие инструменты и нейроинтерфейсы Айши спецсоставом.

И каждое утро, пока НоваТек ’39 спал в соседней комнате, доктор Такамото подключался к Айше и прогонял одни и те же тесты.

А затем смотрел на неё и отрицательно качал головой.

Потом он уходил, оставляя Айшу проводить ещё один день наедине с НоваТеком ’39. Вдвоём, в застывшем сезоне.

Они почти не разговаривали — ни днём, ни ночью. Но это было и не нужно. Оба они знали, как полагается проводить дни осенью ’39: НоваТек — благодаря заводским настройкам, Айша — благодаря врождённому чувству стиля, усиленному нейроимплантами и вспомогательными устройствами. Они смотрели Катаржинского и Пешкеля, слушали «The Eurasian Orchestra» и «Битлз»; ели то, что полагалось; двигались так, как полагалось; говорили нужные слова с нужным произношением — так, как полагалось. Ночью Айша неизменно принимала контраст-капсулу, и они занимались сексом — так, как полагалось.

Айше всё это нравилось. Время от времени — особенно ночью, когда после второго или третьего раза они лежали в постели и курили в потолок, сбрасывая пепел прямо на пол, — ей становилось действительно, по-настоящему хорошо.

Но утром неизменно приходил доктор Такамото и прогонял одни и те же тесты, с одним и тем же конечным результатом.

НоваТек ’39 подстраивался под Айшу, как мог. Она строго-настрого запретила ему звать себя НоваТеком или клоном — и он стал Адамом. Когда он спросил у неё, вести ли ему себя из-за этого как-то иначе, она сказала, что все его действия — это и так действия Адама, и менять ничего не нужно. И он старался действовать, как Адам, говорить, как Адам, размышлять, как Адам. В конце концов, он даже стал думать о себе, как об Адаме. Он видел, что Айша от этого в восторге, и знал, что делает всё правильно.

Но каждое утро, пока он спал в соседней комнате, доктор Такамото подключался к Айше.

И отрицательно качал головой.

— Ничего не выходит, — сказала ему Айша.

Адам покосился на неё, затем протянул руку и затушил «шинигамку» в пепельнице.

— Не получается что? — спросил он.

— Да ничего не получается, — Айша запустила руки в волосы и глубоко, медленно вздохнула. — Ты не получаешься. Не работает это.

— А что должно было сработать?

— Блок должен был сняться, — Айша ткнула себя пальцем в лоб. — И всё стало бы как прежде… Пока я его ещё не встретила. Тебя, то есть.

— До магазина? — Адам провёл пальцами по её животу. — Ты жалеешь, что купила меня?

— Да я не об этом, — она опустила руку и стряхнула ладонь Адама со своего живота. — Я о настоящем Адаме. Которого я встретила на той пьянке «Vogue». Мы действительно встретились там… — её взгляд стал отсутствующим, губы задрожали. — Мы и виделись-то всего минут двадцать, поговорили, посмеялись. Меня влекло к нему, его — ко мне, так часто бывает… Но в тот раз как-то ярче всё было, понимаешь? Будто я что-то приняла… То есть, я и так приняла, но как будто бы приняла что-то такое, чего раньше не принимала. Я там с Бобби Ло была, с ним и ушла… А зря. Надо было остаться, надо было с ним уйти. Теперь этот нейроблок сраный, — она резко села на кровати, подтянула к себе блузку и стала одеваться.

— Так доктор Такамото…

— Он пытается снять нейроблок, — Айша, выгнувшись на спине, натянула трусики. — Сказал, что у меня в башке незаконченный гештальт, оборванный эмоциональный цикл, поэтому новая прошивка и не ставится. Все уже вскоре 41-ый будут загружать, а у меня всё ещё 39-ый, и как ни бейся — даже сороковка не встаёт.

— А если полностью поменять всё? — Адам тоже привстал, оглядываясь в поисках своей одежды. — Ну, с нуля перепрошить.

— Дурак, что ли? А сохранёнки? Кому я нужна буду со свежей головой? У любой шестнадцатилетки больше образов и гештальтов будет, чем у меня. И так на выставки уже несколько месяцев не зовут, а со свежей начинкой я только и смогу, что глазами хлопать.

Она вскочила на ноги и подошла к настенному зеркалу. Пробежала пальцами по стеклянным баночкам, выбрала одну, открутила крышку.

— Это молочко было популярно в самом конце сезона, — сказала Айша. — Поэтому мне и не особенно нравится. Большая часть образов уже из сороковки к ней крепилась. Мидчи Несс его пользовала для съёмок «Мистера Пляжа». А для меня это — какая-то новинка, и не разобраться, хорошо это, или плохо… Цвет, вроде, приятный после себя оставляет, но они все такие…

Она бросила пузырёк и обернулась к Адаму.

— Вот и с тобой так же. Ты — целый сезон, без возможности прошивок. Ты не поймёшь, чем плох новый Катаржинский, потому что создан тогда, когда его все ещё любили. Такамото говорит, что это должно помочь — трахаться с тобой, трахаться с Адамом… Будто бы в ту ночь мы ушли оттуда вдвоём. Завершить этот сезон, закрыть тему… Получить свой гештальт. А там и сороковка встанет, а может, сразу и 41-ый. Только это не работает. Мы просто трахаемся.

— А мне твоя кожа и без этого молочка нравится, — Адам встал к постели, подошёл к Айше, провёл рукой по её щеке. — И трахаться мне с тобой нравится. Может, тебе надо просто больше времени?

— Сколько ещё? — грустно улыбнулась Айша. — Я и так целый сезон пропустила. Пошли слухи. Если к открытию сорок первого не успею — всё, на сорок втором меня и не вспомнят. Я себе карьеру сделала на том, что была всегда впереди, а теперь отстаю, каждый день с тобой отстаю…

Адам смотрел на неё и думал, что не хочет, чтобы она менялась. Но и смотреть на неё такой, как сейчас, было больно.

— Тебе надо развеяться, — сказал он. — Может, выберемся куда-нибудь? Поедим на корте, пройдёмся… Потом можно в кино забежать будет.

Айша вздохнула, вытерла ладонью глаза.

— Может быть, и правда стоит развеяться. Что там идёт сейчас?

— В «Синематографе» показывают ретроспективу Катаржинского…

Айша рассмеялась.

— Ну а что? Почему бы и нет! — она схватила со спинки стула индонезийский платок, привычно свернула его и повязала на голову. — Покажем грязным сороковкам, что 39-ые ещё живы! Собирайся, Адам! И возьми с собой пару бутылок перуанского, не хочу в винном появляться, а то скажут — алкоголичка. Ну! Чего лыбишься? — она покружилась на месте. — Нравится, что ли?

— Катаржинский только через два с половиной часа, — Адам, улыбаясь, обхватил её за бёдра. — Можно ещё часик побыть в постели.

— Дай разденусь, — Айша перешагнула через трусики. — Всё-таки, это был хороший сезон…

— Только платок не снимай, — попросил Адам. — У меня есть пара идей, как его использовать…

6

— Что это? — Айша перебрала несколько листов. — Ты зачем это распечатал? И где?

— В лайн-центре на Трубецкого, — Адам зачерпнул «колючек» с молоком, отправил в рот и начал жевать. — Нам разрешено посещать места общего назначения…

— И там есть принтеры? С настоящей бумагой?

— Ага, — кивнул Адам. — Я не знал, захочешь ли ты себе их оставить, поэтому биопринтеры не подошли бы. Я расплатился по твоей карте…

— А зачем мне хотеть оставлять эту макулатуру? — Айша пригляделась к фотографиям. — Погоди, а откуда я знаю эту женщину?

— Это Николь Меньшикова. Бывшая жена Семёна Лодочкина.

— Ах, ну да! — Айша взяла в руки следующий лист. — Акула сетевого маркетинга и прилипала соцсетей. Она на меня в инстаблоге подписана. Была, то есть, подписана, теперь все в вейерти сидят, а я никак не разберусь, куда там жать, чтобы фильтры наложить…

— Там нет фильтров, там есть маски, их надо компоновать.

Под взглядом Айши он поперхнулся.

— Я просто прочитал, пока информацию распечатывал, — сказал он. — Я сам там не сижу.

— Ясно, — она взяла ещё один лист. — С кем это она?

— С Призмой ’35, только тайский вариант. Такие были популярны…

— Помню, помню, — Айша просмотрела несколько других распечаток, хмыкнула. — И что с того? Ну да, она знатная клонолюбка, все об этом знают. Наверное, потому, что старая, как дерьмо мамонта. Каждый год меняет по одному, а то и по два клона, иногда берёт девочек, иногда… — она взяла ещё одну распечатку и осеклась. — Это… это что, вечеринка «Vogue»?

— Да, — сказал Адам.

Айша подняла взгляд на него, затем вновь стала рассматривать фотографию.

— Этого не может быть. Её туда бы не пустили…

— Она пришла только в зал, на официальную часть. Не знаю,

как она прошла на фуршет, и прошла ли… Возможно, каким-то образом прошёл только он…

— Но это… это невозможно, — Айша откинула от себя листы, с шелестом рассыпавшиеся по полу. — Я бы смогла отличить. Они… вы различаетесь! Только идиоты могут вас перепутать, уж я-то точно поняла бы, если…

— Возможно, ты слегка перепила в тот вечер, — Адам встал со стола и начал собирать распечатки. — А возможно, в глубине души ты знала это, но просто хотела себя обмануть. Ты же тогда была в сложных отношениях с Бобби Ло, верно? Может, ты хотела специально разрушить свои отношения, и…

Айша ударила его по щеке. Адам замолчал.

— Никогда больше не смей меня… анализировать, — последнее слово она сказала с ненавистью. — Мне хватает и Такамото. Ещё и клон будет… думаешь, что ты вообще что-нибудь… — она вдруг села на пол и закрыла лицо руками. — Козлы, — заплакала она. — Какие же вы все козлы!

Адам присел рядом с ней, осторожно прикоснулся к плечу.

— Есть и хорошие новости, Айша, — сказал он. — Твой нейроблок — это просто боль от разрыва с Бобби. Нет никакой упущенной любви. Это всё фантом, порождение твоего разума…

Айша подняла заплаканные глаза.

— А ты? — спросила она. — Как же ты?

— Я, — улыбнулся Адам, — всегда рядом…

Они занялись сексом прямо на кухне, поверх распечатанных листов с фотографиями стареющей красотки. Уже потом, — много позже, — Адам собрал смятые листы и утилизовал в пресс-волле.

Он надеялся, что Айша не станет проверять расходы с карты.

Потому что тогда обнаружится, что Адам расплачивался её картой в студии фото-дизайна до того, как пошёл распечатывать фотографии.

Он вспомнил, как разглядывал своего «двойника». Роман Адам Сойдберг, тридцать один год. Ведущий программист группы компаний «Рокет-Прайм». Личность не медийная, фотографий в открытом доступе — кот наплакал. По сообщению на сайте, он работал над новой линейкой приложений «Vogue», и представлял на фуршете свои решения для имидж-бордов модного дома.

Они действительно были очень похожи, по крайней мере, тогда. Как и все люди, стремящиеся поспевать за модой, он часто изменял черты своего лица.

— Адам! — закричала из спальни Айша. — Беги быстрее сюда! В «Дичи» сегодня дискотека 39-ых, ты знал? «The Eurasian Orchestra» и Люо-Ци! Вход только по специальному тайному

знаку, прикинь?

— А что за тайный знак? — Адам, улыбаясь, направился к ней, уже зная, каким будет ответ.

— Пачка «Шинигами» в руках! — Айша засмеялась и скинула планшет с кровати, после чего потянулась и зевнула. — Нужно раздобыть желтопузиков, и проглотить по парочке! На шоу обещают серый каскад из желе-пузырей, и дымные фигуры! Оторвёмся!

— Оторвёмся, — Адам нагнулся и поцеловал её. — В чём пойдёшь?

— В самом модном, — улыбнулась она. — Во всём индонезийском!

7

Когда доктор Такамото ушёл, Айша ещё почти час не могла прийти в себя. Она носилась по дому, хватая вещи и примеривая их на себя, пытаясь понять, что из всего этого сейчас модно. Обновление должно было установиться только к вечеру, но уже сейчас в двери, один за одним, звонили и скреблись курьеры с последними новинками — блузками, туфлями, поясами, чехлами на мебель, занавесками, шляпами и зонтами, заколками, кремами, альбомами, шарфами и очками.

— Смотри, Адам! — Айша вытащила из коробки огромную шляпу и побежала в примерочную, где Адам безуспешно пытался пристроить новую стойку под обувь. — Это псевдосомбреро, смотри! Рич Битси вышел в таком на фесте в Питер-Сити, все офигели и никак не поймут, хорошо это или плохо! А ну, — она натянула шляпу на его голову. — Посмотри на меня! Ну не так же кисло, улыбнись! По-моему, хорошо! Или, возможно, нужен воротник стоячий, я не пойму… — она рассмеялась. — Я ничего не понимаю, но вскоре пойму, представляешь? А ну-ка, повернись! Штаны! Штаны носят теперь с разрезом, но я, кажется, против! Или буду против, но что-то надо менять! Почему они забросили шнуровку? Или не забросили? Господи, я ничего не понимаю! — она, раскинув руки, рухнула на постель. — Столько надо всего нагнать, столько всего лайкнуть, столько всяких куриц поставить на своё место… Просто уйма работы! Начну, как только обновится, в ту же секунду! Адам! Ада-ам!

— Что? — он вышел из примерочной. — Там ещё четыре пары обуви не влезают…

— Потом, всё потом! — Айша протянула к нему руки. — Сейчас ты мне нужен — хочу, чтобы последние часы перед

установкой пролетели незаметно!

Адам, улыбнувшись, расстегнул ремень, потянулся к шляпе.

— Нет! — Айша подскочила к нему и поправила псевдосомбреро. — Как же я тогда пойму, нравится ли оно мне? Нужен гештальт, понимаешь? Обязательно нужен гештальт!

Хохоча, они повалились на кровать.

8

Адам, лёжа на кровати, наблюдал за Айшей. Вся её восторженность и внутренний подъём куда-то исчезли, теперь она деловито осматривала покупки, и большую часть отбрасывала в сторону, где уже собралась внушительная куча. Одной рукой она листала планшет, изредка презрительно хмыкая.

— Господи, эта сучка Риня пишет у себя в говнопаблике, что за крест-платформой будущее. Идиотка. Крест-платформа нужна, чтобы никто не заметил, как старухи горбятся, а она увидела, что Шарлиз в них в рекламе засветилась — и повелась! — Туфли с платформой крест-накрест полетели в кучу.

— А куда ты потом всё это денешь? — спросил Адам. — То, что откинула?

— Да какая разница? — отмахнулась Айша. — Бедным раздадут, или выдадут в деревнях, чтобы было, в чём коров пасти. Хотя, скорее всего, продадут в каких-нибудь стоках… Так, а это что? — она подняла платье. — Мне кажется, или оно немного индонезийское?

— Не знаю. По-моему, красивое…

— Нет, это не индонезийское… Это Доминиканское. Пытаются продать очередную островную аутентичность, но в этом сезоне так не получится, нет. К тому же — рукава длинные. И это когда налокотники от «Агияши» уже неделю как вышли! Следующий месяц, уж поверь мне, все будут руки заголять, минимум до локтей… Чего-то здесь жарко, нет? — она вытерла пот и вдруг коснулась повязанного на голове платка. Её рука замерла. — Нет, о нет, я что, всё ещё в ЭТОМ? — сорвав с себя индонезийский платок, она с отвращением на него уставилась. — О Боже, — сказала она, а затем посмотрела на зеркало. — О Боже… это что, я? С этими волосами? — Она стала оглядывать свою квартиру, свои ногти, ковёр на полу и подсветку под потолком, а затем посмотрела на кровать.

Адам поёжился под её взглядом, борясь с желанием накрыться одеялом.

— Бог. Ты. Мой, — сказала Айша. — Ты всё ещё в

псевдосомбреро? С твоими-то ушами? Ты себя в зеркало видел? Сними его!

Адам подчинился, затем встал и начал одеваться под пристальным взглядом Айши. Когда, одевшись, он повернулся к ней, на её лице была печаль и разочарование.

— Адам, — сказала она, и из её глаза вытекла одинокая слезинка, остановившись в ямочке на щеке, рядом с родинкой. — Адам, боюсь, нам надо поговорить…

9

За Адамом приехали только через два дня — по закону, именно столько нужно времени, чтобы подготовить документы на утилизацию.

— Грустно всё это, — вздохнула Айша. — Жаль, что ты не апгрейдишься, мне с тобой было весело, да и помог ты мне, в конце концов. Но ты не расстраивайся. Если честно, ты смог научить меня многому. Что клоны — это не игрушки, а живые личности, которые заслуживают… погодите, а что значит деморфирование?

Курьер из службы утилизации вздохнул.

— Это значит, что вы согласны с тем, что вашего клона в последующем, так или иначе, могут использовать в производстве тех или иных компонентов продукции дубликатов.

— А по-человечески можно?

— Ну, может, его расщепят и пустят на клетки, а может, органы повынимают сначала, или будут использовать как выставочный экспонат в каком-нибудь Тунисе…

— Нет, — покачала головой Айша. — Так не пойдёт. Не хочу, чтобы кто-то другой ещё его трогал. Какая-нибудь сучка лет под сорок точно захочет с ним поиграться, для неё это прямо новинка будет!

— Есть вариант с гуманной утилизацией, — оживился курьер.

— Это как? — Айша взяла у него из рук буклет.

— Ну, значит, ему позволят отмереть самому, он какого сезона? 39-го? Ну, значит, года четыре ещё точно протянет, а, скорее всего, и побольше. Отвезут его за город, там что-то вроде санатория, будет с такими же клонами в шашки играть там, ещё чего всякое, гулять, кроликов гладить… Вы оплачиваете только проживание — в отдельной комнате или в бараке, а также программу по последующей утилизации тела, а еду и развлечения оплачивает компания…

— Ничего себе сумма, — вздохнула Айша, затем посмотрела

на Адама и улыбнулась. — Ну хотя, чего не сделаешь по старой памяти, да? Я ведь когда-то его любила…

«Два дня назад», — подумал Адам, но вслух ничего не сказал — Айша попросила его заткнуться ещё вчера.

— Ладно уж, чего там, — Айша прижала палец к планшету, и курьер расплылся в улыбке. — Моим клонам — только самое лучшее! Вы проследите там, чтобы с ним хорошо общались. Он фильмы любит старые, Катаржинского в особенности. Индонезийскую еду тоже любит… Сигарет ему давайте побольше, он «Шинигами» курит… — она вздохнула и, подойдя к Адаму, обняла его. — Ну что, Адам, прощай! С тобой было волшебно, честное слово! Если тебя это успокоит — я собираюсь взять Маюми ’41, говорят, волшебная девочка! Мне сегодня прислали обновление, представляешь — два обновления подряд! Я буду в первой сотне, Риня-душка посодействовала! А ты отдыхай, милый!

Она чмокнула его в губы и внимательно посмотрела прямо в глаза.

— Ну? Чего молчишь-то? Ах! — она хлопнула себя по голове. — Точно! Можешь говорить!

— Прощай, Айша, — сказал Адам. — Мне никогда не будет так хорошо, как было с тобой.

— Ну конечно не будет, глупенький! — рассмеялась она. — Это же я!

Подойдя к машине, Адам привычно двинулся к пассажирскому сидению, но затем остановился, усмехнулся и побрёл к небольшой лесенке, ведущей в кузов. Там уже сидело несколько чернокожих клонов, которые приветливо махнули Адаму рукой и отодвинулись, освобождая место.

— Сороковки? — спросил Адам, усаживаясь на скамью.

— Ага, — ближайший к нему клон улыбнулся, показав прозрачные зубы. — Везут на перепрофилирование, в Египет. Повезло нам, правда? Могут в ЮАР отправить, будем на ресепшене стоять каком-нибудь.

— Жаль, что Судан из моды вышел, — сказал Адам, но клоны вновь засмеялись.

— Да с нами-то всё хорошо будет, даже если останемся — нас ещё немного наделали, компания боялась, что спроса не будет. Мы дефицитные. А тебя куда? Ты же тридцать-девятка?

— Да. Меня в Санаторий.

Первый присвистнул.

— Ну ничего себе, повезло! Там иногда только персонал обслуживать, да и то — если захочешь. Будешь кино целыми днями из своего сезона смотреть… вот это жизнь!

— Ты второй за сегодняшний день, — сказал второй. — Сейчас первого вашего поедем забирать, на Розенталя, мы слышали, как водитель с клиентом говорил. Тоже в Санаторий.

— Так всегда бывает, когда новые прошивки выпускают, — кивнул первый. — Мы ещё хорошо попали, без толкучки. Сейчас пока ограниченную серию выпустили, поэтому нас так мало.

— И тебе с попутчиком веселее будет! — засмеялся второй. — Небось, тоже из сотни избранных, вот и пообщаешься.

— Погоди, — Адам нахмурился. — А на Розенталя — случаем не двенадцать?

— Улица Розенталя, дом двенадцать-дробь-четыре, въезд со двора, — процитировал первый. — А ты откуда знаешь?

— А разве не там живёт… то есть, там живёт один человек, он программист, и… — Адам сглотнул, и попытался выглянуть в небольшое окошко. — А скоро мы приедем?

— Да уже приехали. С тобой что, мало гуляли? Тут всё рядом, все в кучке. Полторы улицы надо проехать.

— Меня… Не любили выводить в свет… — Адам прислушался к голосам на улице. — Не могу понять, он это или…

Двери кузова с шипением распахнулись, пневмолестница опустилась на мостовую.

Она взошла по ней, придерживаясь ладошкой за кузов, поморгала, привыкая к темноте, затем несмело улыбнулась.

— Здравствуйте! — она огляделась. — А куда мне…

— Садись! — сороковки вновь отодвинулись, освобождая место, потянув за рукав и замеревшего Адама. Она села рядом с ним, сложив руки на коленях.

— Ты… Ты была с Романом Сойдбергом?

Она удивлённо посмотрела ему в лицо, затем несколько раз моргнула.

— Мы где-то виделись? Простите, я не узнаю…

— Нет, мы не знакомы, — Адам протянул руку. — НоваТек… в смысле, Адам. Меня зовут Адам. Вы ведь тоже тридцать девятка? Вас Сойдберг сдал?

— Да. Я Айша. Да, конечно тридцать девятка… — она рассмеялась от такого напора. — По мне же видно. А вы что, в окно глядели? Как вы его вообще узнали? Он же сейчас носит эту свою огромную шляпу…

— Псевдосомбреро? — Адам расплылся в улыбке. — С его-то ушами?

— Тебе не нравится псевдосомбреро? Всем же наоборот оно…

— Ненавижу псевдосомбреро, — вырвалось у Адама.

— Вот как… А что тебе нравится тогда?

— Индонезийские платки, — Адам протянул руку и

дотронулся платка, повязанного у неё на шее.

— Мне идёт? — Айша поправила его, перетянув узел ближе к груди. — Роману в последнее время не нравилось…

— Я в жизни не видел никого, кому бы так шли индонезийские платки, — честно признался Адам.

Хлопнули, закрываясь, двери кузова, кабина погрузилась во мрак и машина тронулась.

Но даже в темноте было видно, что Айша ему улыбнулась.

Евгений Бугров. Будильник

Сон был кошмаром.

Играла рваная, диссонансная песня. Чем-то воняло, и образы мешались со звуками: какие-то тела вповалку, платные улыбки, лозунги, крики… Санино рукопожатие сменилось железной хваткой «умного» банкомата; москит ударил по демонстрации лучом, и запахло горелым мясом.

Валера ворочался, задыхался.

Он очень хотел проснуться.

И не мог.

* * *

Ровно в семь утра отовсюду послышался детский плач.

«Разбудить любой ценой», — усмехнулся мужчина сквозь сон. Ребёнка у него не было. Жены — тоже.

Плач будильника раздался вновь. Ответ не заставил себя ждать:

— Тишина! Выключись! Отвяжись! Как отключается он?

— Кто? — вежливо спросил дом.

— Будильник твой!

— Нет никакого будильника. Вы хотите отключить *меня*?

Нет, дом Валера отключать не хотел; только не зимой. К тому же для этого нужно было тащиться в подвал, так что всё равно пришлось бы проснуться.

— Живи уж — и отвали! — накрылся он подушкой. — Я в отпуске.

— Согласно графику, отпуск у вас в июне. Сегодня — тринадцатое дека…

— Ты чем меня вчера слушал, а? Нас без оформления распустили — потому что вне графика и без оплаты. Ну как без оплаты — кто главного на совете поддержал, тех, само собой, премировали вдогонку…

— Это нарушение, — подумав, заключил дом. — Вы хотите заявить о нём?

— Умом поехал? — Валера проснулся окончательно. — Тебе что, на пальцах объяснить: я *сам* за наш роспуск голоснул, и отдел свой разогнал самым первым! Зато теперь всё это пересижу, и обратно — только уже в новое кресло! Степаныч как раз в апреле уходит, ну и главный сказал: «Готовься расти». Ты, может, не веришь мне?

— Верю, — легко согласился дом, — но в отсутствие подтверждения от работодателя *вынужден* продолжать будить вас.

— А можешь наоборот? — нашёлся мужчина. — Не верить — но не будить?

— Могу, — подумав, ответил дом. — Но не буду.

— Ладно… — вздохнул Валера, поняв, что доспать всё равно не выйдет. — Чего там на завтрак-то у нас?

И пока дом хвастался своим кулинарным мастерством, между ними установилось шаткое перемирие.

* * *

Оно не продлилось и до обеда.

— Если мне подтвердят, что вы в отпуске, как вы хотели бы его провести? — спросил дом ни с того ни с сего.

«Издевается», — подумал Валера, но всё-таки буркнул:

— Просыпаясь попозже!

Дом шутку не оценил.

— Вы могли бы отправиться на отдых, — неуверенно предложил он.

— Куда? Город же закрыт!

— С каждым днём всё больше операторов предлагают *внутригородской* туризм, — дом вдруг заговорил неестественно бодрым, заимствованным голосом: — Взгляните на наш город с необычного ракурса! Посетите места, где раньше никогда не были!

— Это которые же? — мужчина слегка заинтересовался. Родной город он знал отлично — ещё пацаном, задолго до закрытия, вместе с Саней облазил его буквально весь.

— Вот самое популярное: «Холод хрущёвок», «Выживи в советском шалмане», «Биопляж» — блокираторы запаха включены в стоимость посеще…

— Биопляж? Это бывшие Очистные, что ли? — усмехнулся Валера. — Искупаться можно там?

— Уточняю, — ответил дом. — Опционально.

— То есть если доплачу, то разрешат в отходы нырнуть. Немного не то, чего ждёшь от пляжа…

— Вам также доступны виртуальные туры: игровой зал моделирует любые места и времена года. Хотите, поставлю вам лето?

— Видеолето… — скривился мужчина. — Скажи ещё «видеопиво». Но уж сегодня нормального попью: Сане наконец

разрешили гостя. Ты пропуск заказал?

— Сделано, — дом подсветил ошейник на тумбочке. — Это обошлось нам в…

— Жадина ты — вот ты кто!

Дом в долгу не остался:

— Сами сказали: вас распустили без оплаты. Чем тратиться на выпивку и друзей, вы лучше экономили бы.

— И мне ещё говорят: «Женись!» — пробормотал Валера беспомощно, но сразу возмутился: — А *на что* тратиться-то? Жратвы у нас на месяц вперёд, игровой зал — самый навороченный, автомобили — запрещены…

— Если мы докредитуемся — сможем купить ещё один дом.

— *Ещё* один? А зачем?!..

— Недвижимость — лучшее вложение, — напел дом явно с чужого голоса. — В ней можно жить, её можно сдать, а можно подождать — и перепродать!

— Дожили… — опешил Валера. — Дома́ рекламируют дома́! Может, тебе самому жениться, а?

Дом не ответил.

— Ты обиделся, что ли? — чуть помолчав, спросил мужчина.

Дом снова не ответил ему.

— Ненавижу, — сказал Валера безо всякой ненависти и пошёл собираться.

* * *

Санин дом варил неплохое пиво, но ближе к десяти вечера начал откровенно выгонять гостя: «Детям пора укладываться».

— Его жена настраивала, прости, — торопливо объяснял Саня, пока они прощались в шлюзе гостевого модуля. Было видно, что ему неудобно. — Так-то бы ещё посидели…

— Да нормально всё, — ответил Валера. — Сколько я должен?

— За пиво — как обычно, за приглашение — плюнь, — игнорируя ворчание дома, хозяин вручил гостю четыре мягких литровых ёмкости, упакованные в пластиковый рюкзак-разгрузку. — Держи, парней помянешь, — он заглянул Валере в глаза. — Забыл? Завтра три года будет…

— Забыл, — Валера выдержал взгляд. — И тебе советую. Им говорили дома сидеть, так куда они попёрлись, бараны? Ошейники жали им! Я надел, не переломился — да и ты тоже.

Саня печально кивнул этим словам, но ничего не сказал.

* * *

Пить пиво на морозе — то ещё удовольствие, а домой идти не хотелось. Холодным тротуаром — те давно уже не обогревались — Валера пробежал к ближайшему кабаку, призывно сиявшему огнями успеха.

Гибкий шлюз привёл его к уютной кабинке у окна, которую заполнял искусственный гомон — иллюзия пьянки в самом разгаре. Услышав вместо приветствия: «Я один посижу, исчезни!» — стартовая реклама сбежала со стола… но на месте меню собеседников сразу же вспыхнуло другое.

Одновременно подал голос сам стол:

— Пьём в одиночку? Проблемы на работе? В семье? — злорадно осведомился он. — Не беда! Обратитесь в наше эдвайс-агентство и получи́те три совета по цене двух!

Не отвечая ему, Валера попытался вручную снизить громкость фонового шума в кабинке. Это оказалось не так-то просто.

— Живёте своим умом? Значит, вы *сами* способны давать советы! — никак не желал сдаваться стол. — Скорей регистрируйтесь у нас и платите дешевле за реальную возможность трудоустройства!

Тут уж кто угодно не выдержал бы.

— Режим тишины, пожалуйста!

— «Базовый» или «Расширенный»?

— «Расширенный», — вздохнул мужчина, зная, что «Базовый» не включает доступ к большинству опций.

Искусственный гомон сразу стих.

— Что будете пить? — перешёл стол к делу.

— Я со своим. Но, может, дозакажу потом.

— Очень хорошо. С учётом режима тишины ваша обязательная предоплата составит…

Валера обречённо вложил руку в платёжный захват.

— Очень вам рады, — замурлыкал стол, списав средства. — Приятного отдыха!

— Да отвали уже, а… — мужчина достал из рюкзака пузырь с пивом, наполнил бокал-неваляшку и уже поднёс его к губам, но вдруг уловил краем глаза какое-то мерцание за окном. Обернулся — и вздрогнул: с той стороны стекла завис москит микрокоптера, мигая оранжевым: «Назовитесь».

Конечно, никакой опасности не было: стоило задрать подбородок, москит считал данные с ошейника, мигнул зелёным и унёсся на поиски настоящих нарушителей. И всё равно ещё пару минут Валера сидел, нервно раскачивая устойчивый и не

способный расплескаться бокал.

Пить ему почти расхотелось.

* * *

Тем не менее, домой он ввалился пьяненький и весёлый.

Гулянка определённо удалась. Исчерпав «подвесные баки», Валера дозаказал себе ещё пива, а потом и собеседницу, оплатив красоту по премиум-тарифу. С ходу, конечно, она не дала доступа к интим-опциям, зато на прощание льготно улыбнулась, намекнув, что в будущем всё возможно.

Часы показывали 3:47.

— С возвращением, — проворчал дом.

Валера не ответил. «Опять в семь утра меня разбудит, скотина!» — удивительно связно подумал он. Потом вспомнил о своей последней покупке, полез в карман.

«ВЫСПИСЬ за пару часов!» — дразнила яркая надпись на упаковке. С оборота подмигивал бодрый мужик в лавровом венке: «Юлий Цезарь делал семь дел одновременно, потому что он ВЫСЫПАЛСЯ!»

Мужчина откупорил упаковку, нацедил полстакана воды.

— Что вы собираетесь принять? — с тревогой в голосе спросил дом.

— Не твоё дело. Вся твоя забота — искусственная!

— Ничего подобного! — дом сфокусировался и разглядел: — Значит, «Снотеин»? Ну-ну. Вы знаете, что взаимодействие препарата с алкоголем ещё недостаточно изучено?

— Вот и изучим! — хохотнул Валера.

— Хочу отметить, что я всё равно попытаюсь разбудить вас.

— Я уже объяснял тебе, что я — где?

— Согласно графику, отпуск у вас в ию…

— У тебя какая максимальная громкость?

— Пятьдесят пять в дневное время, тридцать — в ночное.

— «Игнорируйте звуки в пределах *восьмидесяти пяти* децибел и даже небольшую вибрацию! Перед применением убедитесь, что спите в безопасном…», — прочитал Валера на упаковке, и осведомился у дома: — Ты ведь — безопасное место?

— И этим горжусь, — ответил тот, — но учтите: в пределах разрешённого диапазона я могу издавать *любые* звуки. И запахи.

— Запахи? — не понял мужчина.

— Если вы бывали на море и во сне услышите шум прибоя, то оно может вам присниться; если запахнет диметилсульфидом, такая вероятность возрастает. Так что я могу воздействовать на

вас комбинациями…

— Вперёд. Воздействуй, — разрешил Валера, закинув в себя четыре таблетки; запил водой. «Восемь часов спокойного сна!»

— Вы, наверное, не поняли, — зачастил дом примирительно. — Мне кажется, я знаю, какая комбинация могла бы вызвать неприятные сновидения, от которых вы можете проснуться, но совсем не хотел бы…

— Ты что сейчас — пугаешь меня?

— Нет — пытаюсь быть честным.

— Тогда спокойной ночи.

— И вам. Подъём через три часа.

* * *

Чем-то воняло. Звучала рваная, диссонансная песня: стройные лозунги «Ошейники жмут!» и «Мы — не собаки!» почти сразу сменились криками ужаса. А потом запахло горелым мясом.

Хватая ртом воздух, Валера вздрогнул.

Он очень хотел проснуться.

И не мог.

Образы мелькали перед глазами. Стол скалился платёжной пастью; микрокоптер, сверкая алым, распахнул боевые амбразуры. Снег испарился. Десятки людей лежали вповалку — все они испеклись заживо. Многие ещё шевелились.

Валера вскрикнул, заметался в последней попытке вырваться из кошмара… и вдруг понял, что бояться нечего. Ну конечно — это ведь всего лишь сон! Скоро он проснётся в нормальном мире, где для того, чтоб выйти на улицу, достаточно застегнуть на себе ошейник. Да и зачем выходить? Ведь любые девчонки и так доступны в высоком разрешении!

Когда будильник запел снова, Валера дышал уже спокойнее.

Лита Марсон. На ноль делить нельзя

Робот Ин-Рит упруго шагал вдоль длинного ряда ячеек, проверяя каждую. От легкого нажатия индикатор на дверке загорался зеленым огоньком.

— 297. В порядке. 298. В порядке. 299. В порядке. 300. Где ячейка с номером триста??

Металлический страж заметался между высоченных полок, отыскивая нужный номер. Но его не было. Неумолимым красным светом мигали два нуля, перед которыми не было тройки.

После окончания рабочего дня Ин-Рит был найден в невменяемом состоянии. Опершись о стену, он пялился на одну из ячеек и несвязно бормотал:

— На ноль делить нельзя… Нельзя… Делить…

После долгих расспросов робот-проверяющий сумел почти складно рассказать, что произошло. Но никаких проблем в указанном секторе не обнаружилось. Все хранилища находились в норме. Очевидно, Ин-Рит снова утратил пару винтиков.

— Любопытно, почему именно этот робот попадает к нам чаще всего? — задумчиво протянул один из механиков «лазарета».

— Самой хотелось бы знать, — буркнула наладчица, старательно закручивая очередное крепление. — Но в этот раз я укрепила его систему и добавила двойную систему проверку. Теперь он долго не попадет к нам.

— Надеюсь… Мало того, что ломается регулярно, так еще и умудряется каждый раз потерять какой-нибудь важный элемент. Может, ему новую башку прикрутить?

— Не положено. Да и где мы возьмем запасную голову для робота? Нет, с ним все и так будет хорошо. Верно, малыш? — «целительница» включила железного стража и ласково потрепала по плечу. — Ну давай, топай на смену. Мы тебя подлатали, теперь почти как новый.

Ин-Рит бодро вышагивал по коридору, проверяя очередной ряд ячеек. Но параллельно с работой его мозг бесконечно обрабатывал одно и то же воспоминание. Нежная рука наладчицы на его корпусе, добрая улыбка и теплые слова. Поэтому робот периодически «заболевал», чтобы снова оказаться в «лазарете» и получить порцию заботы от милой женщины. Даже металлическим стражам нужна любовь.

Евгения Юрова. Нашел!

— Нашёл! Нашёл!

Какой-то рядовой сотрудник космического агентства наверняка пролил кофе из стандартной новогодней кружки и запрыгал от восторга: марсоход не только нашёл пробы грунта, оставленные его менее продвинутым предшественником, но и, протестировав их на месте, обнаружил вполне живые микроорганизмы — о чём двуногие создатели предтечи не могли и мечтать. Увы рядовому сотруднику, всю его славу первого наблюдателя немедленно утащит руководство: главы ЕКА и НАСА уже через полчаса наперебой будут выдавать бравурные официальные обращения, снова настанет бум марсианской фантастики, а все популярные журналы, включая женские, захотят взять интервью у очередного сферического учёного в вакууме (сгодится хоть метеоролог, хоть историк). И конечно, снова взлетят в чартах песни старика Боуи.

Люди суетятся…

А мне радоваться некогда. Первым делом нужно почтить останки своего семейства. Мне повезло: в отличие от них, я вернусь. Но какое мне дело до всеобщей суеты? Иду дальше, ищу новые колонии микробов. Задача эпохальная, что и говорить. Этот поиск, эта марсианская программа — и моя главная цель, я думаю. Правда, мне не положено думать, я даже полагаю, никто вообще не знает, что я умею размышлять, хотя сами же миллионами подписываются на меня в соцсетях — и отнюдь не ради фотографий айкотиков! Обидно, конечно. Хотя мне и обижаться некогда — ищу дальше, я не должен подвести семью, после стольких-то жертв. Я — «Ревелейшн», преемник «Кьюриосити», «Персеверанса» и многих нам подобных — «аппаратов», как говорят творцы.

С моей помощью люди ищут жизнь на Марсе. И не замечают ее прямо перед глазами.

Кирилл Ахундов. Два билета по цене одного глаза

Отстояв небольшую очередь, я выложил на прилавок мешочек картошки и внушительного мороженого хека, похожего на кривую дубину. Кассирша окинула меня оценивающим взглядом и профессионально сообщила:

— Акция в лотерее «Твоя удача». Два билета по цене одного.

Как доверчивый скептик, я презрительно хмыкнул, и тут же вяло решился участвовать в популярном розыгрыше. Нет, правда, а вдруг повезет?

Вышел из маркета, не утерпел, зажал хека подмышкой и вскрыл билетик. Зрение у меня слабое. Возраст, что поделаешь. По человеческим меркам, пожалуй, минус восемь диоптрий. Толик сказал, что надо заменить линзы, но это «очень дорого, поэтому как-нибудь переживем».

Среди нечитаемого текста выделялись крупные буквы СОВЕРШИТЬ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК. Я сначала растерялся: что это за поступок такой? У нашего соседа, помнится, сразу выигрыш выпал — трехкамерный холодильник. А тут предлагают что-то совершить. Для меня героизм — накормить Толика жареной рыбой и выиграть в шахматы. Хотя он уже третий год играет с компом, обзывая меня слепым кротом.

Я хотел скомкать билетик. Но вдруг почувствовал странную бодрость. Словно искры по ногам пробежали, затанцевали тараканы в голове, а за спиной крылья распахнулись.

Как это говорят в рекламе: мотивация!

Что ж, я готов на подвиги.

…Сначала услышал звон и противный смех. Пригляделся. У автобусной остановки трое вульгарных киборгов пинали автомат с жетонами. Обычно я прохожу мимо. Но сейчас…

— Эй, молодежь, как не стыдно.

— Хиляй на свалку, ржавое чучело!

Я бы и похилял, но мои искры, тараканы и крылья взбунтовались. Удивляясь внезапной уверенности, пошел навстречу хулиганам. Они напали первыми, хамы.

Отечественная картошка в капроновой сетке оказалась эффектным оружием против наглых киборгов. Взмахнув сеткой, я обрушил ее на голову первого наступающего. Второму весьма ловко врезал хеком по сусалам. Третий удалец влепил мне

кулаком прямо в лоб, и моя правая линза вылетела, как пчела из улья. Дебошир бросился наутек, я метнул ему вслед хека. Хек полетел бумерангом, высоты не набрал, но удачно шлепнул убегающего по спине. Тот рухнул с лязгом.

— Поздравляю, коллега! — прошамкал спасенный автомат и выдал мне в награду десяток жетонов.

Я ошеломленно вертел головой. Уцелевший глаз стал прекрасно видеть! Может, от удара в нем что-то сместилось. Скорее всего, мой подвиг оказался незавершенным, зато он стоил двух билетов удачи по цене одного глаза.

Домой вернулся в отличном настроении. Поцарапанный, одноглазый, с ободранной на лбу краской. Анатолий Иваныч, сверкая лысиной и очками, изумленно уставился на меня:

— Это… чего такое?

— Чяво, чяво… — передразнил я хозяина, шмякнув на стол останки хека. — Через час ужин, а потом засядем за шахматы.

Иваныч аж рот открыл.

— Кстати, вот в маркете дали за полцены. — Вручил ему второй билет удачи.

Хозяин вскрыл конвертик и прочитал:

— Выигрыш: последняя модель фоторецепторов зрения. Ого! Как раз тебе нуж…

— Уже не нужно, — ухмыльнулся я и стал чистить картошку.

Часть вторая. Почти не люди

Дмитрий Хитров. Что-то свое

Александр героически боролся со сном. Однообразный бубнёж пожилого профессора давно ему надоел, да и сам лектор не заметил бы потери бойца. Но ему требовалось сохранять остатки бодрости.

Пересилив дремоту, он снова осмотрел аудиторию. Кто-то уже оставил надежду обменять полный конспект лекций на зачёт автоматом и вошёл в царство Морфея. С пяток самых отчаянных студентов на первом ряду, страдальчески подняв брови — Александр видел профиль только одного из них, но ему казалось, что все они сидят с таким выражением — по старинке гремели ручками в тетрадях. На сдачу принимались только рукописные записи. Кто-то на два ряда ниже бойко стучал на ноутбуке. Видимо, рассчитывал не торопясь переписать результат после занятий или, скорее, если судить по открытому в браузере сайту, подыскать шрифт, похожий на почерк руки, но который ещё не подсовывали профессору. Человек шесть, собравшись в дальнем углу, резались в «дурака». Большая же часть слушателей давно примерила роль ораторов и болтала, кто друг с другом, кто, похоже, со своими тульпами. Доля первых стремительно уменьшалась из-за колоссальных потерь в своих рядах: лекция усыпляла студентов не хуже, чем рулады Орфея — Цербера.

— Вот так выглядит принципиальная схема нейроинтерфейса! Необычайно простая и изящная вещица, не находите? — бросил взгляд в зал преподаватель, отряхивая руки от мела.

Зал безмолвствовал. В начале семестра оказалось, что Нейродед, как ласково прозвали его учащиеся, стараясь избегать зубодробительных имени и фамилии — законченный фанат нейроинтерфейса, и почти каждая его лекция, так или иначе, съезжала на одну и ту же тему. Сейчас он сделает откровение, что, несмотря на кажущуюся простоту, разработка нейроинтерфейса потребовала настоящей революции как в микроэлектронике, так и в схемотехнике…

— …И, таким образом, стало возможным создание этой, можно сказать, технологии мечты. То, что человек может управлять различными сторонними манипуляторами силой мысли, даже если они значительно отличаются от привычных для нас рук-ног или избыточны, было доказано ещё на грубых предтечах нейроинтерфейса, использовавших громоздкие аппараты для электроэнцефалографии. Например, всевозможные опыты с трёхрукостью…

Нейродед нахмурился, взглянул в сторону кафедры, нахмурился ещё сильнее, расслабился и продолжил.

— Но, разумеется, эта простая схема была далека от современной и имела следующие недостатки…

«Айна, ты ещё пишешь?» — поинтересовался на всякий случай Александр. Фея в зелёном платье, сидящая на краю парты и болтающая ногами, ответила: *«Я не пишу, я кон-спек-тирую. Да, разумеется». «Тогда поставь просто «недостатки», из прошлой лекции скопируем»,* — попросил Александр. *«Ты же знаешь, мне всё равно. Просто постарайся не заснуть, я ж не услышу ничего»,* — кокетливо взглянув на него через плечо, возразила Айна. *«Скучно?»* — сочувственно спросила она. *«Скоро сессия, а мы до сих пор про «технологию мечты» слушаем,* — повторив интонации профессора, пожаловался Александр, — *сколько он уже раз нам это рассказывал, пять, шесть?» «Восемь,* — ответила тульпа, — *одна лекция каждую неделю, четырёх не было. Может, к тем картёжникам присоединимся тогда?» — «Ты карты считать начнёшь опять. Во-первых, это скучно, во-вторых, нечестно, в-третьих, мешает тебе же конспектировать». — «А вот и неправда,* — надулась Айна, но тут же оживилась: — *О, моя любимая часть начинается!»* Александр совсем уж собрался подумать, что хоть кому-то что-то нравится в этом единообразии, но спохватился. Ему не хотелось ненароком обидеть маленькую.

— Конечно, в первую очередь конструкторы, разработавшие нейроинтерфейс, хотели помочь инвалидам и операторам машин, а в перспективе — создать простую и надёжную технологию копирования личности. Но наибольшую популярность получило то, о чём они и подумать не могли. Вот эти милые маленькие коробочки, — профессор вытащил из кармана связку тульп. *«А Нейродед тот ещё фанатик-то,* — впервые обратил внимание Александр, — *там же штук шесть минимум!» «Не завидуй»,* — раздражённо бросила Айна. *«Да я не завидую. Но ты сама-то назовёшь хоть кого-то ещё, у кого шесть тульп?» — «У Азимова вообще десятка полтора»,* — напомнила фея. *«И что, хочешь сказать, он не фанатик?» — «Не мешай, лучше смотри внимательней!»*

— Первые попытки, как бы это сказать, сознательно подселить себе в голову постороннюю личность предпринимались, вероятно, ещё в древнейшие времена. Тогда это, надо полагать, считалось призывом суккубов-инкубов и прочей нечисти. Но самый хорошо задокументированный всплеск интереса пришёлся на конец нулевых — начало десятых годов. Именно оттуда взят сам термин «тульпа».

Профессор снова оглянулся в сторону кафедры, словно

сверяясь с чем-то, и продолжил.

— Разумеется, надо понимать, что, фактически, это были попытки добровольного сведения себя с ума. Создание многочисленных — то есть, больше одной — личностей, стабильных галлюцинаций, причём сложных — зрительных, звуковых, осязательных… Неизвестно, что было бы хуже — потратить на это время и не преуспеть или потратить время и всё-таки преуспеть.

«Как думаешь, он был тульповодом?» — Александр обдумывал вновь открывшиеся факты. *«Вряд ли, староват»,* — с сомнением покачала головой Айна. Ей надоело сидеть, и она легла на живот, продолжая болтать ногами. *«Так не всегда ж ему столько было. Он же только что сказал: конец нулевых — начало десятых. Вполне молодой».*

— Но сильнее всего естествоиспытатель упирался в ограниченность ресурсов собственного мозга! — ультимативно заявил Нейродед. — Даже лучшие результаты редко отличались от отдалённого шёпота. Слишком комплексная задача. Нейроинтерфейс позволил вывести самую трудоёмкую часть на внешние вычислительные мощности — сюда.

Он демонстративно потряс тульпами.

— В результате, мозг занимается своей частью работы — той, которая у него лучше получается, а компьютер — своей, которая получается лучше у него. О том, как это происходит, эээ… — лектор запнулся, приподнял бровь и взглянул на часы, — мы поговорим на следующей лекции. Всем спасибо, все свободны.

Нельзя сказать, что профессор нарушал обещание, которое впервые дал на второй лекции. Он честно рассказывал про разные особенности работы тульп, но быстро съезжал обратно к нейроинтерфейсу, так что и выполненным его тоже никто бы не назвал.

Бодрствовавшие студенты загремели стульями и стали собирать вещи и будить своих павших товарищей, если те почему-то не проснулись от поднявшегося гама сами. Начинался большой перерыв, а значит, настало время обедать.

Александр отправился в кафе неподалёку от лекционного корпуса. Студенты редко заходили туда, предпочитая университетскую столовую и пару будок с горячим питанием через дорогу. Но у Ады как раз должен начаться обед, и он рассчитывал в очередной раз встретить её там. Его ожидания полностью оправдались — Ада уже сидела на привычном месте. Сбегав за салатом с парой горячих бутербродов, он к ней присоединился. Завязался лёгкий разговор: она рассказывала о своих офисных заботах, а он — об университетских лекциях.

— Что-то у меня даже какое-то облегчение, что я оттуда вылетела, — фыркнула Ада. — Я бы такое не вынесла.

— Кстати, знаешь, что в Нейродеде самое интересное? — поспешил поделиться своим открытием Александр.

— То, как он любую тему сводит к нейроинтерфейсам?

— Нет, у него тульп почти десяток, — Айна, разгуливавшая по столу, обернулась и пригрозила пальчиком: *«Врать нехорошо!» — «Так я и не соврал, можно сказать!»*

Девушка на мгновение приподняла брови.

— Вот! Даже у старичка-профессора десяток, а ты всё как бомж с одной ходишь. Купил бы себе уже парочку поновее.

Айна застыла, приоткрыв рот и жалобно глядя на Александра. Если бы это сказал кто-то другой, её владелец пришёл бы в ярость. Но речь-то шла об Аде…

— Извини, но с Айной я уже десять лет, и ты не знаешь, через что мы вместе прошли, — Александр говорил сдержанно, но, к облегчению тульпы, нотки возмущения всё равно прослушивались. — Я не собираюсь её просто так взять и выбросить.

— Романтик, — бросила Ада. — Когда выйдет новая модель, я Августу поменяю, не задумываясь. А её вместо Андрея поставлю.

— Они же тебя слышат, — немного шокированный, сказал Александр.

— Они же и мысли слышат, — рассмеялась Ада, — они уже давно всё это знают. Или твоя старушка не умеет мысли читать?

— Мысленное управление у тульп появилось раньше анализа речи, — рассеянно ответил Александр, вспоминая лекции Нейродеда. Неожиданно его зацепила новая мысль. — Кстати, а ты им вообще пользуешься?

— Кем?

— Ну, ты как с тульпами общаешься чаще — вслух или мысленно?

— Конечно, мысленно! Думаю-то я постоянно.

— Да и некрасиво как-то перед окружающими, да?

— За сумасшедшую примут, что ли? Может, я по гарнитуре разговариваю? — поначалу рассмеялась Ада, но резко остановилась. — И правда, некрасиво. Только не понимаю, почему.

— Я ни разу не видел, как кто-то разговаривает с тульпой вслух, — задумчиво сказал Александр.

Возникла неуютная пауза.

— А здорово бы было, если бы тульпы разных людей могли между собой общаться, — попробовал он оживить разговор.

— Говорят, в следующем году у новой iTulpa такое будет. Китайцы, наверно, уже делают, поищи среди бюджетных моделей, — нехотя ответила его собеседница.

После пары новых попыток стало ясно — разговор больше не клеится. Они уткнулись каждый в свою тарелку и невесело сосредоточились на еде.

— Знаешь, мне на работу пора, — как бы нехотя сказала Ада, подбирая остатки картофельного пюре котлетой.

— А мне — на учёбу, — дожёвывая бутерброд, отозвался Александр.

Ада забросила в себя последний кусок котлеты, прибралась и ушла, а Александр ещё какое-то время сидел и осмысливал произошедшее. Он в очередной раз наткнулся на шероховатости в характере своего объекта воздыханий и, как ему казалось, повёл себя, как полный козёл. Такими темпами он нескоро завоюет её признательность. Айна молча сидела у него на плече, сочувственно прижавшись к шее. Может, у неё и было своё мнение на этот счёт, но она его не озвучивала — в любом случае, оно бы не помогло.

Но время поджимало — вот-вот должен начаться практикум по иностранным языкам, а у кафе был ещё один недостаток, снижавший его популярность среди студентов. Оно находилось в стороне от кратчайших переходов из корпуса в корпус, так что отправляться из него приходилось пораньше.

Александр подобрал сумку, кинул тарелку из-под салата в ящик и поспешил обратно на занятия. Айна, невидимая ни для кого, кроме него, порхала, наматывая вокруг него круги и время от времени пролетая сквозь прохожих. *«А что ты думаешь об общении с чужими тульпами?»* — поинтересовался он у неё. Феечка какое-то время раздумывала над вопросом, а затем уклончиво ответила: *«Было бы интересно подружиться с кем-то, кроме тебя». — «Может, действительно купим тебе подружку?» — «Нет-нет, не надо»,* — замахала руками в протесте тульпа. *«Не переживай, денег хватит. В крайнем случае, из заначки на путешествия возьмём». — «Не в этом дело».* У Александра возникло смутное подозрение, что маленькая ревнует, но он его быстро подавил.

Хоть ему и казалось, что в кафе он протосковал почти полчаса, на самом деле переживания заняли у него не больше десяти минут, так что к аудитории он прибежал одним из первых. Возле дверей чирикала пара девушек, обсуждая новый сезон какого-то сериала, а в стороне возвышался смуглый и кучерявый Акрам, усиленно, но беззвучно шевелящий губами. Он опять пропустил утренние лекции, но на практикум, как и всегда,

пришёл. Александр вспомнил недавний разговор об общении с тульпами, и он решил поинтересоваться у Акрама о том же. Благо, тот успел проявить к ним довольно странное отношение.

— Акрам, привет. Чего на лекцию не пришёл? — подыскал он предлог для начала.

— А что там важное случилось, здравствуй, Ал? — встрепенулся его черноглазый товарищ.

— Да вообще-то ничего, — остудил его волнение Александр. — Мы тут обсуждали, — *«Какие «мы»,* — топнула ножкой Айна, — кто как разговаривает с тульпами.

— И?

— Ты тут случайно не с тульпой разговариваешь, губами хлопаешь?

Акрам скорчил такую гримасу, словно его только что обвинили в поедании младенцев.

— Ал, я к тебе хорошо отношусь, но, пожалуйста, не говори такого больше.

— Ох, извини. Но в чём проблема? — Александр почувствовал, что зря затеял этот разговор.

Кудрявый великан вздохнул.

— Когда наступит День Суда, Аллах потребует от каждого творца вдохнуть жизнь в свои создания. Всех, кто не сможет этого сделать, ждёт наихудшее наказание. Ты же понимаешь, что тульпа, как, наверно, у тебя — как раз такое создание?

Возразить на это Александр ничего не смог. Внешний вид для своей тульпы, действительно, сделал он сам, как и подавляющее большинство их обладателей. И она ничем не отличалась для него от живого существа, хоть им и не была.

— Я не знал, что ты мусульманин.

— А зачем мне об этом распространяться?

— Ну, вдруг ты придёшь к нам в гости, а у нас на обед — поросёнок, фаршированный салом.

— Смешно, — с лёгкой обидой посмотрел на него Акрам.

— Так, значит, у тебя вообще нет тульп?

— У меня нет обычных тульп, — Акрам вытащил из кармана две коробочки и сунул их обратно. — Они у меня в виде блокнотов. Ты меня застал, когда я записи делал.

— А зачем проговаривать?

— Когда в уме пишу, мысли разбредаются, и получается неразбериха.

Такой ответ дал Александру новую пищу для размышлений, и он его обдумывал до самого начала практикума. На практикуме преподавательница напомнила им грамматику деепричастных оборотов, после чего приступила к поиску добровольцев для

выполнения заданий. Никто не рискнул вызваться, и их пришлось выбирать самой преподавательнице. К счастью, задания были не очень сложные, и назначенные «добровольцы» быстро отправлялись бездельничать дальше.

Очередь дошла и до Акрама.

— Итак, как вы переведёте это предложение? — преподавательница без особого старания изобразила на лице интерес.

Акрам замялся, а затем, глядя не совсем на предложение, а, скорее, куда-то в сторону, начал:

— Сммм… етана, вит-рина, лодыжка, дельфффин мешает вилы, свечка-эээ-им-му-но-мо-ду-лятор. Звонки, перипетии? — необычайно уверенно закончил он эту абракадабру.

Аудитория на мгновение замолкла, словно осознавая произнесённое, а затем дружно грохнула смехом. Сорвать практикум таким простым заявлением было уже нельзя, но парализовать на время вполне удалось. Только Александр с недоумением наблюдал за происходившим. Акрам, казалось, был готов провалиться сквозь землю.

Преподавательница, отсмеявшись, стала искать добровольцев, желающих продолжить. Таковых нашлось немало — видимо, сказывалась возможность повторить сей подвиг, но проблемное предложение попросту пропустили, и практикум споро двинулся дальше.

После занятия Александр собирался в родное общежитие, когда к нему подошёл Акрам.

— Спасибо, Ал, — с потерянным видом пробормотал тот. — Я видел, ты один не насмехался надо мной.

— Да не за что. Не переживай ты так, я уверен, они над тобой не насмехались, их только сама фраза развеселила, — попытался успокоить его Александр. — Но как ты вообще это получил, я не понимаю?

Акрам слегка замялся.

— Ты же знаешь, что некоторые переводят не сами, а с помощью тульп? Они, вроде как, синхронный перевод делают сразу всего предложения. Мои так не могут, но я могу их как словарь использовать. Я схитрить хотел, а вышло…

— То, что вышло, — закончил вместо замолкнувшего товарища Александр. — Ничего, с кем не бывает.

Проводив Акрама до остановки и добравшись наконец-то до общежития, он уселся переписывать конспект, составленный Айной. Попутно они, как обычно, обсуждали события дня и обменивались впечатлениями. Как ни странно, хоть они видели и слышали буквально одно и то же, каждый раз оказывалось, что

тульпа подметила что-то отличное от того, что заметил её владелец. *«Не напомнишь, где живёт Акрам?»* — спросила она сегодня. *«По-моему, где-то около завода». — «С той остановки он уедет в обратную сторону, ведь так? Вроде, оттуда только в центр можно уехать». — «Мало ли куда ему понадобилось. Может, он о встрече с кем-нибудь договорился?»* Айна недовольно поджала губки, слегка обижаясь за то, что свеженайденную ею тайну так быстро списали со счетов, но продолжила показывать свой конспект как ни в чём не бывало.

Переписав конспект, Александр взялся за заказ, деньги за который собирался отложить на путешествия. Они продолжили свой неспешный разговор, но личико Айны постепенно становилось всё серьёзней и задумчивей, а ответы — всё отрешённей. Александр даже забеспокоился, не ухитрился ли он неловкой мыслью как-то обидеть маленькую. Он не видел её такой с тех пор, как съехал от отца в общежитие.

«Александр, вот мы учимся на нейротехника, да?» — наконец спросила она. Это «мы» всегда забавляло его своей ироничностью и точностью. *«Что у тебя случилось?»* — ласково поинтересовался он. *«Ну вот мы столько узнали про нейроинтерфейс, про тульп и про всё такое…»* — Айна словно не знала, с чего начать. *«Продолжай, кого ты стесняешься»,* — подбодрил её Александр.

«Как ты думаешь, я могу завести себе свою тульпу?»

Сначала он не понял её вопроса. *«Если тебе нужна подружка, то, я же говорил…»* — начал он, и тут до него дошло. *«И я же говорила — это не то». — «Но зачем?»* Айна промолчала, потупив глаза.

В голове Александра с бешеной скоростью понеслись обрывки мыслей и воспоминаний, которые имели хоть какое-то отношение к вопросу. Фея терпеливо прислушивалась к ним, дожидаясь ответа. *«Я… Я не знаю… У тебя же нет нейроинтерфейса… Да зачем бы… Тебе же он не нужен, ты сама как нейроинтерфейс… Не знаю, Айна. Тебе это точно нужно?»* Тульпа едва заметно, но решительно кивнула. Александр вздохнул. *«Ладно, я что-нибудь попытаюсь придумать».* Айна подошла к нему и упёрлась лбом в плечо, обхватив его руками.

На выходных Александр, не придумав решения самостоятельно, пошёл к Азимову. Конечно, это было прозвище, да и по имени он был, строго говоря, Исаак, а не Айзек, хоть он откликался на оба варианта. Но разум Азимова принадлежал нейротехнике вообще и тульпам в частности, а в отрыве от микросхем он перечитывал цикл про позитронных роботов. Поговаривали, что он то ли пытается найти в тульпах следование Трём Законам, то ли внедрить Три Закона в сознание тульп. Сам

же Азимов на прямые вопросы по этому поводу уклончиво отвечал, что, если кто-то ведёт себя согласно Трём Законам, то он либо робот, либо просто очень хороший человек.

Александр пробежался из своего общежития до многоэтажки, в которой снимал квартиру Азимов. Конечно, они не были одногруппниками, просто учились на одном потоке, но вряд ли он отказался бы помочь в таком интересном случае. По крайней мере, Александр ни разу не слышал, чтобы тульпа просила поставить на неё другую тульпу.

Александр постучал в дверь квартиры Азимова.

— Не заперто! — раздался голос откуда-то из недр помещения.

Александр толкнул, и из образовавшегося прохода в его нос ударил резкий запах канифоли, пиццы и крепкого дешёвого кофе. Исаак сидел на кровати в майке и спортивных штанах и паял на коленках какую-то плату, подложив под неё разделочную доску. В губах он держал, как сапожник из мультика гвозди, пучок радиодеталей, а на кровати лежала целая гирлянда из тульп.

— А, Алекс, правильно? Заходи, заходи, — приглушённо пригласил он гостя, шевеля одними уголками губ. — Сейчас я кое-что присобачу…

Азимов быстро припаял всё, что хранилось у него во рту, проверил напряжение и кинул плату рядом с собой на кровать.

— Давай, выкладывай, что хотел.

Александр как раз воспользовался техническими работами, чтобы окончательно разложить для себя, о чём надо спросить, чтобы не показаться то ли дураком, то ли сумасшедшим.

— Да я тут думал… Ты же лучше меня разбираешься в технологии тульп…

— Я бы не стал скромничать и сказал, что разбираюсь в этом лучше всего потока, но допустим?

— Хоть у тульпы и нет нейроинтерфейса, она же может пользоваться тем, что к нему подключено у хозяина, так?

Азимов оценивающе посмотрел на Александра — тот так и не понял, был ли это презрительный или одобрительный взгляд — и сказал куда-то в пространство:

— А-четыре, свари-ка нам с Алексом кофейку, пожалуйста.

Тут же на кухне загудела кофе-машина.

— Тебя спрашивают, сколько сахара и надо ли сливки, — обратился к удивлённому гостю хозяин.

— Я больше по чаю, — невпопад ответил Александр.

Азимов поморщился.

— Делай чёрный, пусть не выпендривается, — ответил он невидимой А-четыре, наматывая тульп на шею, как шарфик. —

Пошли на кухню, сейчас всё будет, — а вот это уже относилось к посетителю.

На кухне он смахнул со стола в ящик груду битых плат и предложил Александру садиться, после чего забрал из кофемашины два картонных стакана чёрного кофе.

— Угощайся. От А-четыре с любовью, тебе передают.

— А-четыре — это твоя тульпа? Как её зовут? — поинтересовался Александр, потягивая угощение из стакана. Пах кофе отвратительно, но на вкус был неплох.

— Так и зовут. Серия А, четвёртая модель. У неё другого имени нет, я её вчера только собрал, — ответил Азимов. На секунду он задумался. — И надо будет завтра кое-что поправить. Станет А-шестнадцать. Но, полагаю, я на твой вопрос ответил. Уверен, твоя тоже так может — она же не старше трёх лет?

— Ей уже десять лет. Я её купил, когда родители разводились, — Александру стало немного неуютно от этого вопроса. Ему не хотелось, чтобы Айна решила, что её стесняются.

Азимов застыл, широко раскрыв глаза.

— Иосафат, — вырвалось из него, — я должен это увидеть! Ты пользуешься ею уже десять лет? Непрерывно? С одной и той же личностью?

— Н-ну да, — удивлённо пробормотал Александр. Он не ожидал такой реакции.

Азимов вскочил из-за стола, едва не уронив кофе, и притащил из комнаты ноутбук.

— Можешь подключить? — с горящими глазами, попросил он.

«Всё в порядке?» — на всякий случай спросил Александр Айну. Та немного замялась, но ответила: *«Да, конечно. Пусть посмотрит»*. Он нащупал штекер и осторожно вытащил его из гнезда нейроинтерфейса. Фея в зелёном платье пискнула и исчезла. В голове стало как-то пусто.

Александр протянул коробочку со своей подругой Азимову. Тот торопливо подцепил её к переходнику и с жадностью уставился на экран. Минут пятнадцать Айзек что-то увлечённо изучал, а его гость боролся с нарастающей тревогой. Наконец, он оторвался от ноутбука и в возбуждении начал рассказывать:

— Она такая сложная! Даже не верится, что эта старушка может поддерживать такой уровень комплексности. Я хотел бы повозиться с ней ещё хотя бы пару часов, — Александр обеспокоенно взглянул на него. Азимов немного приосанился, — но если не хочешь, то, в принципе, ничего страшного. Она не делала ничего странного?

— Вообще, я поэтому к тебе и пришёл, — сказал Александр,

вставляя штекер тульпы обратно в свой разъём. Девочка с крылышками вновь начала порхать рядом с ним. «*Ненавижу. Будто в обморок упала*». — Если тульпа может пользоваться нейроинтерфейсом хозяина, то можно ли поставить тульпу на тульпу?

Азимов вновь одарил его тем неразличимым взглядом.

— Тебе зачем?

— Айна попросила, — честно ответил Александр.

— Я у неё и спрашиваю.

«Я… Я обязана отвечать?»

— Она чего-то стесняется.

— Айна, я не смогу тебе помочь, если ты не расскажешь, в чём дело. Если это какая-то чушь, то, сразу говорю — можешь выкинуть её из головы. Если же что-то серьёзное, то давай подумаем, как с этим справиться.

«А… Мы можем просто поставить на меня тульпу?»

— Хочешь сказать… Это невозможно?

Азимов вздохнул.

— Ну ты же не думаешь, что этот коробок может всё то же, что твой мозг? Он разгружает и направляет его, да, но не более того. Хранит образ для визуализации, нейросеть, описывающую характер… Но не более того. Для работы тульпе нужен живой полноценный мозг, который сможет использовать эти данные и дополнять их теми, которых не хватает. Можем, конечно, пробросить соединение через твою тульпу, как я умный дом пробросил, но это будет не тульпа с тульпой, а тульпа, которой ты можешь управлять только через тульпу. Разницу оба чувствуете?

Айна промолчала.

— То есть это будет всё ещё моя тульпа, только я не смогу её видеть и с ней общаться? А Айна?

— Айна видит, слышит и чувствует всё то же, что и ты, сам знаешь. Так что да, ей от этого тоже никакой радости.

«Но зачем тогда…» — «Что?» Фея напряглась, словно хотела что-то сказать. *«Ничего»*.

— А если мы загрузим Айну на какой-нибудь суперкомпьютер? — вслух спросил Александр.

— Ну, во-первых, где ты его возьмёшь?

— Не знаю, может, в университетскую локалку кину?

— Сделаешь из своей тульпы ботнетчицу, что ли? Ладно, это твои проблемы. Я даже не буду говорить о том, что ты левое ухо правой рукой через спину пытаешься чесать, и я даже не понимаю, зачем. Сам-то ты понимаешь?

Азимов недовольно отхлебнул из стакана кофе.

— Во-вторых, найти суперкомпьютер, по вычислительным способностям хотя бы близкий к человеческому мозгу — нетривиальная задача. Там ведь разница не столько в объёмах вычислений, которые они могут произвести, сколько в том, какая у них структура. Мозг, например, может работать с неполной информацией. Поэтому-то ты и видишь Айну такой, какая она должна быть, а не такой, какая она на самом деле — угловатый лоуполь с мутными текстурами.

Александр ожидал, что тульпа возмутится и скажет что-нибудь вроде «сам он мутный тип», но она тихо сидела на плече и внимательно слушала.

— Но и это ещё не всё. В-третьих следует из того, что я уже говорил: личность тульпы неразрывно связана с личностью её владельца. Это твоя личность, Алекс, определяет, что она будет обрабатывать и как ты воспримешь результат. И это твоей памятью она пользуется, как своей. Если мы её как-то сможем переставить на компьютер, у неё не будет ни того, ни другого. Вообще неизвестно, сможет ли она хоть как-то работать в таких условиях.

— Но она иногда замечает то, чего не замечаю я, и не всегда реагирует так, как я ожидаю, — вспомнил свои наблюдения Александр.

— Разумеется! Нейросеть в этой коробке и описывает эти различия. Но, если ситуация выйдет за пределы этих описаний, то ваша реакция будет одинаковой.

Александр задумался. Что с ними произошло за последнее время такого, что вызвало бы у обоих одинаковую реакцию? Желательно, как можно ярче…

— Азимов, а как твои тульпы относятся к идее, что их личность сотрут и создадут новую?

Увешанный электроникой, как новогодняя ёлка игрушками, Айзек усмехнулся.

— Что-то было на днях, да? Ты прав, саморефлексия им не свойственна. По крайней мере, её не прописывают. Именно для того, чтобы они не задавались этим вопросом. Тяжело жарить гренки в тостере, если знаешь, что он себя осознаёт. А уж как тяжело его выбрасывать, если он ломается…

Он поправил съехавшую с плеч гирлянду из тульп.

— Кстати, девочки говорят, что не имеют ничего против. Им это даже интересно. А твоей Айне?

— Недавно мне предложили её заменить, — Александр тактично умолчал, кто это предложил, — мы оба были в шоке.

— А что в этом такого? — у Азимова взметнулась вверх бровь.

— Я с ней уже десять лет… Для меня это всё равно что живого человека так вот…

— Так вот оно что…

Настал черёд Азимова задумываться.

— Айна, ты ведь не говоришь о том, зачем тебе тульпа, потому что боишься обидеть Алекса?

«Всё в порядке, маленькая. Я не обижусь и не расстроюсь, обещаю».

Феечка соскочила с плеча и начала бегать по кухонному столу из стороны в сторону, обеспокоенно скрестив руки на груди.

«Александр, я тебя очень люблю за то, как ты обо мне беспокоишься, мне нравится с тобой общаться, я рада, что ты мой владелец, — наконец начала она, собравшись с духом. — *Н-но мне тяжко! Я не чувствую себя настоящей! Ты можешь сделать со мной что угодно — понимаешь, как тяжело это осознавать? И у меня нет ничего, что доказывало бы мне, что я — есть, что я — не кукла в твоей голове. У меня нет даже собственных воспоминаний — они все наши общие. У меня не может быть своих вещей, но я надеялась, что у меня может быть своя тульпа…»*

Александр продолжал слушать монолог отчаяния, стучавший у него в голове. Он и не догадывался, какая трагедия происходит буквально внутри него, у этого создания, похожего на десятилетнюю девочку с мотыльковыми крылышками.

— Ей нужно что-то, что показывало бы ей, что она — реальная личность, а не плод моего воображения, — стараясь скрыть свои эмоции, подвёл итог Александр.

Азимов горько покачал головой.

— Айна, ты не реальная личность. Ты — лишь нейросеть и картинка, записанные на микросхемах в пластиковой коробке. Без Алекса ты даже не существуешь. Ты никогда не сможешь доказать обратное. Вот тебе ещё одна причина, по которой люди не привязываются к тульпам и стараются не воспринимать их, как живых существ, — без переходов обратился он к Александру. — Она несчастна из-за того, что кто-то слишком сильно её любит, чтобы отдавать себе отчёт в её искусственности.

Тульпа прижималась к груди Александра и рыдала.

— Спасибо за кофе, А-четыре, — сказал он, не глядя ни на кого, и вышел из квартиры.

— И тебе до свидания! — донеслось из-за закрывающихся дверей.

Они покинули многоэтажку и прошлись по магазинам. Там Айна сама выбрала наклейку, которую Александр приклеил на корпус её аппарата. Это был огромный синий кит с добродушной

улыбкой. Но этот мелкий акт проявления свободы воли был слишком незначительным, чтобы сгладить боль от сказанного Исааком. А наклейка, купленная и приклеенная к тебе кем-то другим, пусть и по твоей просьбе и выбранная тобой, не заменяет весь мир. Прошло больше месяца, прежде чем Айна вновь пришла в норму, а Александр начал здороваться с Азимовым.

Закончился семестр. Их совместные мучения на лекциях Нейродеда окупились сполна, и, получив за зачёт «хорошо» автоматом (профессор отметил полноту конспекта и то, что его писали от руки), они выиграли время на подготовку к более сложным в сдаче предметам. Зачёты, консультации, экзамены пролетели незаметно, впереди был месяц каникул и стажировка. Айна предложила съездить домой, но Александру почему-то не понравилась идея ехать к отцу, который никак не мог разделить имущество после второго развода и ревновал сына к тульпе настолько, что возненавидел саму их технологию. Впрочем, ненависть к тульпам не мешала ему обожествлять нейроинтерфейс, ставя его изобретение в один ряд с вакцинацией и Интернетом.

В любом случае, отбросив идею его посещения, Александр сосредоточился на своих ухаживаниях за Адой. Оказанные знаки внимания дама сердца, в общем-то, оставляла без внимания, но отсутствие прогресса хоть и огорчало, но не останавливало пылкого юношу.

Затем он отправился на стажировку в другой город. Ему в каком-то роде повезло — он попал в крупный институт, занимавшийся новейшими разработками в области применения нейроинтерфейса. Главный инженер устроил для него экскурсию, на которой показал эксперименты по переносу памяти. Результаты обнадеживали, хоть и не впечатляли. Отдельное воспоминание выхватить пока не получалось, только комплекс наиболее ярких. Реципиент воспоминаний же ощущал их довольно смутно.

Александр, а особенно Айна, конечно, надеялись, что им позволят поработать на этом проекте. Но вместо этого их сослали в вычислительный центр, и полдня Александр чистил, дефрагментировал и проверял на наличие вирусов машины, а полдня сидел и читал новые отраслевые журналы.

Но, пока его не было в городе, случилось непоправимое. Александр так и не смог узнать подробности, что же именно произошло, но результат стал для него ударом. Ада попала в реанимацию в критическом состоянии. Её смогли стабилизировать, но в сознание она так и не пришла. Александр попытался её навестить, но в палату пускали только

родственников.

Потянулся новый, какой-то необычайно длинный семестр. В кафе ждать было некого, лишь изредка заглядывал Акрам. Он покупал чай и садился за одним столиком с Александром, но разговор никак не клеился — мысли Акрама витали где-то далеко. Айна тоже с каждым днём становилась всё более замкнутой. Да и с научруком, который должен был руководить написанием диплома, отношения складывались из рук вон плохо. Шли недели, тягучие, как патока.

— Её отключают от аппарата жизнеобеспечения на следующей неделе, если в сознание не придёт, — бросил Акрам Александру, забежав в кафе с мороза и помчавшись за чаем.

— Тебе-то почём знать, — буркнул в ответ Александр. Лишь через минуту до него дошли все следствия из этих страшных слов. — Откуда ты это знаешь? — с трудом сдерживая гнев, спросил он, когда Акрам вернулся с чаем.

— Спокойно, Ал, я медбрат в реанимации, — ответил тот, обеспокоенно глядя на своего товарища.

— Что?

Акрам потупил взгляд.

— Я давно хотел сказать, да как-то возможности не появлялось. Мне не нравится нейротехника. Неправедное это дело какое-то…

— У меня сейчас отец работает и живёт полноценной жизнью из-за этого неправедного дела. Он руку потерял на заводе, а, когда ему нейроинтерфейс для протеза поставили, оказалось, что у него талант к его использованию. Он сейчас подъёмной техникой управляет с его помощью, — всё ещё раздражённо, но без прежней ярости прервал его Александр.

— Но это из-за него появились тульпы. Ну да ладно. Мать с отцом отправили учиться сюда — мол, профессия уважаемая, зарплаты хорошие. А я хочу пойти в медицину. Устроился в мед на заочку, для практики медбратом на ночную смену, на оплату хватает. Но родители узнают — они меня из дома выгонят и деньги перестанут высылать. Вот, разрываюсь.

— А что с Адой?

— Ада… Её родным тяжело держать её на искусственном жизнеобеспечении. Они отправили её на энцефалограмму, а там обнаружили, что у неё активности мозга нет. Вообще. И… Прошло больше полугода, даже если мозг жив, вряд ли она очнётся. А если очнётся — останется инвалидом. Тяжело поддерживать и никаких шансов на возвращение… Они отказались оплачивать жизнеобеспечение дальше. Если она не придёт в себя на следующей неделе, её отключат.

Акрам залпом выпил чай.

— Я… Могу помочь тебе её навестить, если хочешь попрощаться. У меня смена в субботу… Приходи после десяти…

Остальное Александр уже не слышал. Суббота… Сегодня среда. Всего четыре дня, чтобы что-нибудь придумать. И он придумал.

— Не за… Алекс, Иосафат, что ж ты творишь! — заорал Азимов, едва не подавившись конденсатором, когда Александр ворвался к нему тем же вечером.

— Азимов, что будет, если подключить тульпу к неактивному мозгу? — заорал он в ответ.

— Да ничего не будет! Нет входящего сигнала — нет и выходящего!

— А если она сначала подаст выходящий сигнал?

Айзек на мгновение задумался.

— Если мозги не сдохли, то, вероятно, покатится волна возбуждения и он, вроде как, заработает. Всё-таки выход не на один нейтрон подается, сразу затухнуть он не должен. Но я не нейробиолог, точно не скажу.

— Но, если он всё-таки заработает?..

— …То, если самостоятельной активности он так и не проявит, то мозг останется пассивным наблюдателем, а тульпа, вроде как, актором. Но, во-первых, я бы на это не рассчитывал, во-вторых, она не сможет управлять телом, в-третьих, Алекс, Иосафат, ты что, труп с кладбища украл?

Некоторое время Александр посвящал Азимова в свой план. Тот делал большие глаза и ежеминутно поминал Иосафата.

— Значит, ты всего лишь хочешь, чтобы я в одиночку за три дня сделал то, что не может сделать передовой институт уже несколько лет?

— Это было полгода назад. С тех пор новая iTulpa вышла, — мрачно пошутил Александр.

— Прямо аргумент. Что ж, девочки, давайте подумаем, — призвал Айзек к делу своих тульп, которых с прошлого раза стало только больше.

Александр смотрел на него и думал, что происходит в его двадцатикратном сознании. Распараллеливает ли он мыслительные процессы, как многоядерный процессор вычисления? Устраивает мозговой штурм двадцатью личностями в одном лице? Или в его голове происходит что-то гораздо более прозаическое?

— Мне понадобятся кое-какие штучки, которых у меня ещё нет, — вынырнул из глубин своего сознания Азимов.

— Сколько времени уйдёт на доставку?

— Либо очень много, для твоих сроков, либо очень дорого. Влетит в копеечку.

— Не страшно, — грозно пробурчал Александр, мысленно прощаясь с заначкой на путешествия.

— И вычислительные мощности. Особенно, когда ты будешь там.

— Я могу убедить научрука, что они мне нужны для диплома. Что я эксперимент ставлю. В нашем распоряжении будут университетские машины.

— Всё-таки решил превратить универ в бот-нет? — усмехнулся Айзек. — Значит, писать придётся непосредственно перед делом…

Обсудив все детали плана, они разошлись — Азимов погрузился в Интернет, искать нужные детали и схемы, а Александр вернулся в общежитие и безуспешно попытался уснуть. Все оставшиеся дни они с Айной провели как на иголках. Научрук, немного помучив своего дипломника каверзными вопросами о целях и ходе эксперимента, занял для него весь вычислительный центр на вечер субботы. Гораздо больше проблем причинил Акрам. Узнав о плане Александра, он пришёл в ужас и отказался наотрез принимать какое бы то ни было участие в нём, но в субботу сообщил, что многое обдумал и согласен.

— Эта ваша игра в Аллаха до добра не доведёт, — причитал он, ведя по коридорам больницы Александра и Азимова, — но, если это спасёт невинную душу, я с вами.

— Мы точно такой объём по воздуху перебросим? — допытывался Александр у Айзека, судя по всему, копавшегося на бегу в ноутбуке через тульпу.

— А сколько у нас времени? — отвечал тот с мрачным видом.

— В восемь утра придёт сменщик, — торопливо подсказывал Акрам.

— Не будет сбоев — хоть два раза перебросим.

Вот и заветная палата. Азимов осмотрелся в поисках стула и, не найдя такового, сел на кушетку Ады. Затем он подключил к больной ноутбук и запустил приём. В далёком университете заработал десяток машин, объединённых в вычислительную сеть, и начал переводить огромный массив данных в команды нейроинтерфейса. Полетели по невидимому каналу воспоминания Александра: переживающий из-за потери руки отец, готовящиеся к разводу родители, одиночество, покупка тульпы на сэкономленные со школьных обедов деньги… Четвёрка заговорщиков знала, что сохранить удалось только самые яркие и значимые для него моменты. Реплика технологии полугодовой

давности, воссозданная по конспектам журналов от Айны, была ограничена даже с первоклассными запчастями от разобранных iTulpa, но большего для начала не требовалось. В крайнем случае, Азимов пообещал дописывать память по мере развития достижений техники, если это станет необходимо.

Часы давно перевалили за полночь. Айна и Александр делали друг другу трогательные признания, переживая за возможный провал операции. Акрам расстелил коврик и отбивал поклоны Мекке в неслышимых молитвах за благополучный исход. Айзек сердито шевелил губами, съезжая с края кушетки, и время от времени что-то проверял в сумке с инструментами.

— А если она всё-таки очнётся? В смысле, после того, что мы делаем? — спросил Александр.

— Нам всем будет очень-очень неловко, — сказал, как отрезал, Азимов.

Он хмуро посмотрел что-то в ноутбуке.

— Из самого важного — у неё сохранятся твои воспоминания, — он стал устало пояснять. — Она может очнуться, когда Айна будет что-то делать. Это будет для неё очень неприятная, хоть и, надеюсь, безопасная ситуация.

«Александр, что же мы такое делаем?» — «Не знаю, маленькая, не знаю». За окном бушевала метель.

Беспокойные часы завершились. В чужом теле ютилась память Александра. Тяжёлая часть завершилась, пора было приступать к самой ответственной. Азимов достал нечто, похожее на громоздкую версию нейроинтерфейса, и начал расковыривать разъём Ады. Акрам следил за показаниями оборудования и на всякий случай готовился гнать гостей и звать реанимацию.

— Так, — объявил Айзек, закрывая разъём с новой начинкой, — Айна, я поставил вместо стандартного разъёма новый аппарат, которым сейчас пытаются помогать паралитикам. Тебе, как ты помнишь, я немного изменил схему — теперь через тебя можно пробрасывать управление нейроинтерфейсом. Другими словами, ты сможешь управлять телом Ады, но пока движения будут грубыми и резкими. Потом, когда тебя выпишут, мы его немного настроим, чтобы ты лучше двигалась. Алекс, мы, конечно, записали твои воспоминания. Но, во-первых, они неполные, а во-вторых, мозги всё ещё Ады. Это будет не та же самая Айна, хотя и что-то на неё очень похожее. Ну и, наконец, обоим: неизвестно, заработает ли всё так, как мы планируем, поэтому будьте готовы к неудаче. Ну, вперёд!

Александр отключил свою тульпу и на секунду остановил на ней взгляд. Синий кит жизнерадостно улыбался с крохотной тёмной коробочки, от которой так много сейчас зависело.

Поколебавшись ещё мгновение, он подключил одну свою половинчатую подругу к другой.

— Что теперь? — спросил он Азимова.

— Будем надеяться, что военные не узнают, что мы натворили, — ответил тот. — А-тысяча девять, попробуй поговорить с Айной.

На одной из его тульп засиял крошечный огонёк. Она пыталась установить контакт, но удалось ли ей — было неизвестно. На коробочке Айны не было такого индикатора. Шла минута, другая…

— Похоже, не работает. Отключай, — подвёл итог Исаак, и Ада открыла глаза.

Александр тут же бросился к ней. Рука девушки взметнулась вверх, будто кукловод дёрнул за нитку, и легла на его плечо. Её губы растянулись, напоминая улыбку.

«Наконец-то у меня есть что-то своё», — думала Айна, глядя глазами Ады на Александра.

Юрий Молчан. Вперед, по металлическим телам

Артем ИК-47 вышел с арены нетвердой походкой. Плечи и грудь были помяты, но их без труда выправят в мастерской. В спину летел одобрительный рев зрителей. Он только что победил… Вот этими мощными металлическими руками Артем схватил противника, приподнял и — бросил на усыпанный щебенкой пол.

От грохота упавшего робота заложило уши, под каркасом полыхнуло, из щелей между пластинами пошли струйки дыма. Обонятельные сенсоры указали Артему, что внутри противника горит пластмасса и плавятся провода.

И-79 попытался встать, но Артем с силой обрушил на него ногу, не дав подняться. По голове старался не бить: девяносто процентов вероятности, что внутри металлического черепа — человеческий мозг, как и у него самого. Девяносто процентов, что эта железяка, которую он победил — переделанный в машину человек.

Во время боя он становился очень агрессивным — последствия армейской контузии. Артем изо всех сил старался себя сдерживать, и пока что это удавалось.

Пройдя в расположенную здесь же мастерскую, Артем ИК-47 активировал подзарядку батареи. Подумал о том, что в бытность человеком он мог есть. Как наяву ощутил в металлическом рту вкус прожаренного бифштекса, яблочного пирога, что готовила жена. Артем ИК-47 прикрыл глаза-сенсоры — время подзарядки, это когда можно расслабиться и предаться воспоминаниям.

…Война с Китаем была в самом разгаре. Артем Икарцев, как его тогда звали, и еще двое получили тяжелые ранения и лишились обеих ног. Икарцеву еще и оторвало руку — он нарвался на гранату, отсюда и контузия. Тела у всех троих доставленных в лазарет были частично парализованы.

Парням предложили поучаствовать в эксперименте. Раз уж они почти превратились в «овощи», да к тому же еще теперь рук и ног у них меньше, чем обычно, то… им предложили стать первыми в мире боевыми роботами.

Это первый шаг к тому, чтобы люди больше не участвовали в войнах, пояснили военные. Однако поставили условие — те, кто согласятся, для своих семей станут погибшими. Эксперимент секретный, и информация о его участниках не должна быть известна ни одной живой душе.

Артем и еще один парнишка согласились. Умирать было страшно. Остаться калеками — ненамного привлекательнее. Третий — отказался. На следующий день его усыпили, сообщив родственникам, что у парня случился инфаркт… И о секретном проекте он никому не расскажет.

Не сможет рассказать и жене Артема и его маленькой дочери.

* * *

Стоя в ангаре с закрытыми глазами, пока заряжается батарея, Артем слышал, как ремонтники принялись выравнивать помятые во время боя части его тела. До ушей долетали их голоса, хотя он снизил восприятие звуков до минимума.

— Чертова железяка. Я поставил на того другого и проиграл двести баксов. Что я теперь скажу жене? Она эти деньги отложила на переделку лица.

— А что, за двести баксов можно лицо переделать?

— Да, новая технология. Дешево и сердито — а то совсем страшная с возрастом стала, пусть там вжик-вжик, чик-чик… Вот нано-боты в организм, чтобы очищали кровь и все такое, это реально дорого. Это надо брать кредит. А моську подправить — без проблем.

— Надо было думать, на кого ставишь, хе-хе. Я вон двести долларов выиграл, потому что поставил на нашего ИК-47. Наверное, это двести баксов — как раз те, что просадил ты! Ахахаха!

— Ремонтируй давай! Черт, надо же так подставиться… Может, отвинтим что-нибудь от этого ходячего металлолома и продадим?

— Ты совсем офигел? Знаешь, сколько он стоит? Шеф потом из нас самих роботов сделает и заставит драться вместо него!

* * *

Второго подопытного звали Вышеслав. Мозг его и Артема пересадили в специально созданные тела из композитного сплава. В новом теле мозг синхронизировали с мощным микрокомпьютером, встроенным в теперь уже не пробиваемую для пуль голову.

Их новые руки и ноги — толщиной с молодые деревья, в предплечья встроено оружие, от пулеметов до опытных образцов лазерных винтовок. Ноги оснащены двигателями вертикального

взлета. Как позже узнал Артем, все их органы, которые хорошо функционировали, были проданы в элитные медицинские центры.

Вышеслав с Артемом несколько раз участвовали сначала в учениях. Там испытали поставленное на них оружие, а затем направили их в горячие точки. Но долго это не продлилось: с Китаем заключили перемирие. Позже война прекратилась полностью.

Поднебесной отошла небольшая часть Сибири. Население переместили в соседние города. Большую часть призывников и контрактников распустили. Артем с Вышеславом оказались не у дел.

Тем временем мир переходил на нанотехнологии. Они внедрялись в производство, низкоквалифицированный труд автоматизировался. Множество людей теряли работу. Города постепенно разделялись на кварталы для элиты и трущобы. Артем помнил, как стали появляться телешоу, где дрались роботы, дистанционно управляемые людьми. Потом — на экранах стали драться огромные махины, в которых операторы-люди сидели внутри. Рейтинги этих передач постоянно росли. Многие делали там ставки, принося прибыль букмекерам.

Вскоре военные заставили Артема и Вышеслава драться друг с другом, предварительно сняв с них вооружение. На эти бои приглашались большие шишки из военных, а потом и — телевизионщики. За эксклюзивную запись такого боя одна телекомпания заплатила огромные деньги.

О жене с дочерью он вспомнил постоянно. Но воспоминания приносили сильнейшую боль. И Артем старался думать о них пореже, забивая голову другими заботами.

* * *

Чуть позже, когда ремонт и подзарядка были закончены, послышались шаги по ведущим в мастерскую ступеням. Хозяин передвижного развлекательного комплекса, где по ночам Артем дрался с другими роботами, вошел, тяжело ступая и щуря глаза, будто долго не спал.

Роберт Иванов — смешанные браки и имена детей после них, где восточнославянские и западные элементы перемешались, давно стали нормой — был лыс. Рассказывали, что у него искусственные зубы, а в крови плавают нано-боты, уничтожая лишний холестерин, нормализуя давление и поддерживая метаболизм на оптимальном уровне.

Из случайно подслушанных разговоров Артем знал, что

хозяин «цирка», как он называл это место, в последнее время плохо спит и сидит на стимуляторах. То ли проблемы с налоговой, то ли с полицией. Сейчас превратить человека в робота можно совсем недорого, обычно, чтобы спасти жизнь после аварии или в старости. Но это требует нотариально заверенного согласия, а добро дают немногие.

Иванов закурил электронную сигару. Вид у него усталый, лицо хмурое, в глазах полно красных прожилок.

— Ну, как идут дела? — спросил Артем с насмешкой. — Что-то ты совсем плохо выглядишь.

— Не твое дело, — буркнул Роберт. — Плохо идут.

У ИК-47 с Робертом сложилась прочная антипатия. Тем не менее хозяин цирка часто приходит поговорить. Что-то его в этом роботе его притягивает, как скрепку к магниту. Их разговоры почти целиком состоят из издевок и пропитаны желчью.

— Говорят, ты пытался подделать сертификаты на согласие, но нотариус оказался подставным. Сколько теперь дают за подделку документов такой важности? — поинтересовался Артем.

Роберт смерил его острым, как бритва, взглядом и выпустил изо рта клуб дыма. ИК-47 показалось, что хозяин чем-то расстроен. В его глазах прячется страх.

— Злорадствуешь… — проговорил Роберт негромко. — Много дают.

— То-то я смотрю, бои стали проходить чаще.

— Не твое собачье дело.

— И билеты дороже — на взятки хватает?

— Пошел ты, кусок железа с прогнившим мозгом! Будешь лезть, куда не просят, отправлю под пресс!

Однако в голосе звучала даже не ярость. В нем сквозило отчаяние.

«Нет, это определенно не страх потерять доход или оказаться в тюрьме, — решил ИК-47. -Тут что-то другое».

После того как Артема переделали в робота, у него обострилась интуиция. Возможно, в качестве компенсации. Как развитый слух у слепых, когда они слышат падение булавки на пол или когда шея трется о ворот рубашки. Он уже собрался быть с Робертом помягче, как вдруг взыграла обида.

— Я приношу тебе деньги, — сказал Артем с нажимом. — Большие. И под пресс ты меня не отправишь.

— Я могу тебя просто выкинуть на улицу, — пригрозил Иванов. — Тебя либо сдадут в музей, либо на металлолом. Ты — антиквариат. В армии давно используют андроидов. Другое дело — бои без правил. Только здесь тебе рады, сукин ты сын. Только здесь — твой дом. Так что не выпендривайся! — Он смотрел на

робота с вызовом. — Я же знаю, ты — бешеный! Контуженный, чтоб тебя! Дерись как мужик! Дай зрителям насладиться, а мне — заработать!

— Уйди, — попросил Артем угрюмо. — Я хочу спать.

— Да, и еще. Если опять будешь строить из себя святого и не бить противника по голове, я начну наказывать тебя электричеством. Сегодня ты сорвал мне крупный выигрыш по ставкам, идиот.

— И тебе доброй ночи, Роберт.

— Да пошел ты.

Когда он ушел, Артем с помощью вживленного в череп микрочипа вошел в Терранет. Экран был напылен на его искусственные глаза. Он любил проводить там время, читая новости и просматривая видео ролики. Это помогало хоть на время забыть, что мир людей теперь закрыт, и ему рады только на ринге.

* * *

Днем в развлекательном комплексе люди отдыхали: ходили в кино, по виртуальным аттракционам, покупали прохладительные напитки и наркотики из-под полы. Каждый день оттуда уходили сотни счастливых детей и тинэйджеров. Многие предпочитали развлекаться в виртуальных мирах, не выходя из дома. К счастью Роберта и владельцев других таких «цирков», среди человечества еще достаточно и тех, кто все еще любит выходить из дома, чтобы развлечься.

Вечером в подвале одного из павильонов начиналась другая программа и на арену выходили роботы. Лишь один из них — Артем ИК-47 — обладал корпусом из композитного сплава. У остальных — просто железо. Это были в основном те, кто хотел удержать семью от нищеты — после победы робот-человек получал неплохой гонорар. Либо его увозили, мертвый мозг сжигали в печи, а в металлическое тело пересаживали мозг нового желающего из трущоб.

При желании Артем мог бы проламывать своим противникам головы, как тухлые яйца. Но он себя сдерживал, и давалось это нелегко.

Люди, уже купившие дорогой билет, делали ставки. Букмекеры подначивали тех, кто еще не поставил. Завсегдатаи ставили на Артема ИК-47. Но их интересовал летальный исход боя. Люди на смерть на ринге никогда не сражаются, а роботов — не жалко.

* * *

На следующий вечер Артем избил противника так, что у того перестала функционировать рука, из-под радиатора на грудной клетке повалил пар. Уходя с ринга, побежденный волочил ногу.

Но это железо, его легко починить или заменить. Главное же — мозг человека в металлической голове — не пострадал. Мозг ремонтники называли «софт». Артем вновь не подчинился хозяину, и противник остался в живых.

После боя к Артему в ангар вошел Роберт.

— Ну, давай, скажи снова, что я тебя подвел и ты потерял деньги, — буркнул робот.

Хозяин молча покачал головой. Он не сводит взгляда с Артема, максимально собран, хоть и старается это не показать. ИК-47 чувствовал — он здесь не просто так. В глазах Роберта вновь затаилось отчаяние и страх. Но теперь к этому примешалась злость. Словно Артем действительно ему помешал, и дело не только в деньгах.

— Ты — дурак, ИК-47. Ты вставляешь мне палки в колеса, ты это понимаешь? Мало того что теперь меньше прибыль от ставок, так еще и расходы на ремонт и запчасти.

— Может, и дурак, — сказал Артем, двинув широкими плечами, — но — не убийца.

Он не успел заметить, что именно бросил в него Роберт, но этот предмет со стуком прилип к его металлическому корпусу. В руке Роберта появился пульт управления, он нажал кнопку.

Артема парализовало. Его со всех сторон будто охватил огонь, принялся жалить раскаленными иглами. Сотни игл впивались глубоко под металл черепа, проникали внутрь мозга. От страшной боли его скрутило. Затем наступила передышка.

Новый удар током. На этот раз гораздо больнее. Иглы впивались в мозг, причиняя невыносимую боль. Она вгрызалась в нейроны, сдавливая полушария могучей электрической рукой. Его крик был скрипучим и хриплым, как и голос.

Артем не знал, сколько времени это длилось. Когда выключились оптические сенсоры, боль ушла.

— Для первого раза достаточно, — сказал Роберт, убирая пульт в карман. — В следующий будет больнее. Только посмей опять меня подвести!

ИК-47 лежал на полу, его оптические сенсоры выключились.

Роберт, подойдя, открыл крошечное входное отверстие на металлическом черепе и что-то туда капнул из пузырька.

Всю ночь после этого ИК-47 видел сны, где все пестрело необычайно яркими красками. Привычного мира в этом сне не

было, Артема окружали странные предметы, словно отраженные в кривом зеркале.

Робот чувствовал, будто некто подвел его к такому же вот зеркалу и насильно заставил смотреть на искривленное и уродливое отражение привычного мира и искривленное отражение самого себя.

* * *

Когда оптические сенсоры, заменявшие Артему глаза, снова включились, он увидел возле себя силуэт. Сфокусировав зрение, он заметил, что смутный силуэт превратился в широкоплечего боевого робота модели, какой Артем уже давно не видел. Нигде, кроме зеркала. Помимо Артема, существовала только одна модель из композитного сплава….

— Вышеслав! Гайки тебя побери!

Робот ИЖ-35 повернулся и посмотрел на него. Металлический рот не мог выдавить ни единого изгиба улыбки, в оптических сенсорах — ни намека на радость от встречи. Однако намек на настоящее тепло прозвучал в голосе — микрокомпьютер в черепе позволял регулировать оттенки.

— Артем, брат! Сто лет, сто зим!

* * *

Они вышли на ночной воздух. Светила луна, но оптические сенсоры и без того прекрасно видят в темноте, показывая все вокруг в инфракрасном спектре.

— Где тебя носило столько лет? — спросил Артем.

— Мотался по ярмаркам, занимался уличными боями. Выступал на телевидении.

— Ненавижу телешоу, — сказал ИК-47 с чувством. — Как тебя туда занесло?

Они шли мимо многочисленных автофургонов, составлявших развлекательный центр. Поодаль мерцали огни небоскребов и дешевого жилья. Где-то лаяла собака.

— Тёмка, там гонорары — самые высокие. А мне сейчас деньги во как нужны.

— Что робот может сделать с деньгами? — поинтересовался Артем скептически.

— Вот именно, что — робот… — Вышеслав сжал кулаки, металлические суставы отозвались едва слышным скрипом. — Я

решил вновь стать человеком.

ИК-47 остановился и посмотрел на друга. В нем затеплилась надежда.

— Расскажи, может, я тоже попробую.

Вышеслав двинулся дальше, под металлической ногой хрустнула раздавленная игрушка, оброненная кем-то из приходивших на шоу детей. Игрушки старого образца еще популярны в трущобах.

Они двинулись обратно к ангару. Артем шел рядом.

— Мне вырастят тело тридцатилетнего парня. Пересадят туда мой мозг. Снова буду полноценным человечком.

ИК-47 покачал головой.

— Мозг — штука хрупкая. Один раз его уже нам спасли. Но теперь ты можешь стать «овощем» или вообще умереть. Об этом ты думал?

— Риск, конечно, велик, Тёмка. Но сейчас — технологии. Думаю, если за полгода вырастят тело, то уж мозг-то пересадить и подключить смогут. Так, чтобы все тип-топ. Но это обойдется в громадную сумму.

Артем кивнул.

— Это все понятно. Только что ты заработаешь в нашем балагане? Я тебя знаю, ты приехал не просто так повидаться. Тебя ведь Роберт позвал, да? Тоже будешь драться?

Они остановились на пороге фургона мастерской. Два массивных робота в лунном свете выглядели странно и устрашающе.

— Нужна твоя помощь, Тёмка. Но я учел и твой интерес.

— О чем это ты?

— Заходи, объясню. Когда разбогатеем и получим тела, ты сможешь вернуться к семье.

* * *

Удар пришелся Артему в корпус, оставив вмятину. ИК-47 выбросил вперед руку, но Вышеслав увернулся. Его модифицированное тело более гибко и двигается быстрее.

Собравшаяся вокруг арены толпа с замиранием наблюдает за битвой титанов — двух легендарных роботов, как их представили в рекламном плакате. Билеты по цене втрое выше обычной.

Артем бросился на Вышеслава, человеко-машины с лязгом столкнулись и покатились по сухой земле, поднимая пыль.

Артем был зол. Из головы не выходил ночной разговор.

— Давай работать в тандеме, Тёмка! Недельный тур здесь, а

потом — будем выступать в телешоу. Представляешь, какие будут ставить деньги?! Бабло — пополам!

Артем свалил Вышеслава, громадный кулак принялся опускаться на бывшего друга со скоростью отбойного молотка. Однако противник вывернулся, ударил. Артем с грохотом упал на спину.

— Ненавижу телешоу! Я чувствую себя бойцовым тараканом, на которого все ставят и орут, чтобы бежал быстрее!

— Будем драться и в одиночку. Давить простых роботов как слизняков! Сколько я их уже перебил! Просто будем — делиться! Вдвоем заработаем быстрее! Ты разве не хочешь тоже купить себе тело? Снова стать человеком?! Снова увидишь жену и дочь!

Вышеслав швырнул Артема на землю. В солнечных лучах танцуют мириады пылинок. Робот с лязгом бьет ногами, ИК-47 только успевает закрываться. Он закрылся, отбил атаку и быстро поднялся.

Роботы смотрят друг на друга, от страшных ударов у обоих деформированы головы и тела. Из пробоин, точно кровь, сочится масло, ярко блестит на солнце. Благодаря дополнительным пластинам металла, мозг каждого невредим. Крики зрителей бьют по аудио-сенсорам. Кулаки сжимаются и разжимаются. Оба как быки, готовые броситься на тореадора.

— Стать человеком?! Какой смысл, если придется убить сотни таких же робото-людей, как мы?! Да как я после этого Наташе с Диной в глаза посмотрю?!

— Тебе не один хрен?! Приз получает сильнейший, а слабаков — не жалко! Их в избытке как раз, чтобы сильные карабкались по ним вверх! Тебе нужна семья или нет?! Хочешь остаток жизни провести в этой консервной банке?!!

По сигналу рефери они ринулись друг на друга. Артем врезался в Вышеслава плечом, с размаха ударил. ИК-47 чувствовал, как пелена ярости застилает разум. Он вдруг забыл, где находится. Забыл, что он робот. В ушах застыл звук на высокой ноте. Такое уже бывало во время редких припадков после контузии.

…Окопавшись на вершине холма, он в одиночку отстреливается от штурмующих высоту китайцев. У них приказ брать живым, поэтому они не стреляют, а пытаются задавить числом.

Отбросив опустевший автомат, Артем принялся колотить узкоглазых саперной лопаткой, попадая по головам и рукам, заставляя отшатываться, проламывая черепа, ломая пальцы…

Внезапно все вернулось — зрители, арена, бой. Только слепящее солнце осталось прежним. Кисть левой руки у Артема

смята. У лежащего на земле ИЖ-35 проломлен череп.

ИК-47 в ужасе опустился подле друга. Поднес руку к пластине, за которой должно работать механическое сердце. Датчик на кончике пальца подсказал, что мотор не функционирует. Поверхностный анализ не выявил и мозговой активности.

Вышеслав — мертв. Мозг Артема — единственное оставшееся в нем живое место — сжался от шока и ужаса.

* * *

Ночь прошла без сна. Артем разрывался между чувством вины и злостью, что не смог сдержаться именно в этот раз. Пусть Вышеслав хотел подняться по трупам других, но смерти он не заслуживал.

Перед глазами промелькнули наиболее яркие воспоминания — с войны, потом, после операции, когда уже были роботами. Все то, что было и чего больше никогда не будет, ведь Вышеслава уже нет… Его мертвый мозг кремировали. В тело хозяин цирка наверняка пересадит мозг другого бедолаги.

Это нечестно. Несправедливо. Неправильно. Смотреть на хорошо знакомое тело и лицо, пусть и из металла, и знать, что это не твой лучший друг, а — кто-то другой.

Дверь с грохотом распахнулась, и вошел Роберт. Скулы полыхают от ярости, он сжимает и разжимает кулаки.

— Будь ты проклят! — рявкнул он. — Зачем убил?! Не мог ты что ли совладать со своим бешенством, как делаешь обычно?!

— Я знаю… я…

Артем вдруг понял, что не может говорить. К горлу подступил едкий ком.

— Ни черта ты не знаешь! — Роберт повернулся к нему, на глазах дрожат слезы. — Ты понимаешь, что бои с вашим совместным участием могли принести мне деньги? Деньги, что спасли бы мою дочь?!

ИК-47 замер.

— Что?

Вот оно. То отчаяние, что Артем читал в глазах Роберта всякий раз, как тот его отчитывал за плохо проведенный поединок. Горечь и тоска в его взгляде.

— Да!! А ты думал — я деньги на взятки собираю? У дочки опухоль в мозжечке! Его удалили, метастаз нет. Но — купить мозжечок и пересадить стоит баснословных денег! Тело за несколько месяцев, может, вырастить и могут. Но мозг — это все

еще terra incognita. Он слишком плохо изучен, его нельзя вырастить искусственно! У меня была надежда, но ты… ты ничего от нее не оставил…

Роберт опустился на корточки у стены и закрыл лицо руками.

— Будь ты проклят, контуженная консервная банка… Сукин ты сын… Сволочь….

Подобно катку для укладки асфальта, на Артема навалился шок. Скорлупа, которой этот делец постоянно закрывался, разлетелась вдребезги. Остался обычный человек со своими страхами. С разбитыми надеждами. С мечтами, которым теперь не сбыться. И всему виной оказался — Артем.

Он невольно задал себе вопрос: чем он теперь лучше Вышеслава, который был готов убивать людей-роботов на арене сотнями, чтобы купить себе новое тело? Но ладно бы людей-роботов, они — гладиаторы и знают, на что идут. Они — осознают риск. Но он отнял будущее у… девочки, которая сейчас не может ходить, двигать руками и держать равновесие. За все это отвечает мозжечок, который ей удалили.

В памяти Артема промелькнуло лицо дочери. Дина уже который год растет без отца. И никогда его не дождется.

— Как зовут девочку? — спросил он негромко.

Голос Роберта был глухим и злым.

— Аня.

— Я отдам свой мозжечок, — произнес ИК-47 хрипло. — Принеси бумагу, я подпишу. Нотариус заверит.

Роберт вскинулся, брови изумленно приподнялись. В глазах мелькнуло недоверие.

— Ты? Но… почему? С какой стати?

ИК-47 развел могучими металлическими руками.

— Я люблю детей. К тому же не хочу депрессовать по поводу того, что случайно убил лучшего друга. Криозаморозка пойдет мне на пользу. Давно было пора отдохнуть.

Роберт поднялся, просветлел лицом.

— Я обязательно заморожу твой мозг! А когда технологии позволят, верну тебя к жизни. Можешь не сомневаться! Ты не представляешь, в каком я перед тобой долгу!

— Теперь — иди, — кивнул Артем. — Я хочу спать.

Роберт вышел, счастливый, точно воскрес из мертвых. Проводив его взглядом, ИК-47 сел, прислонившись спиной к стене. Вышеслава он не вернет, но хотя бы спасет другую жизнь. Кто знает — вдруг после криозаморозки ситуация поменяется, и он все же сможет купить себе тело. Настоящее, человеческое.

ИК-47 позволил оптическим сенсорам отключиться. Еще никогда не чувствовал на душе такой тяжести и… облегчения

одновременно.

Сергей Калабухин. Посмертный раб

— День зарплаты — радостный день! — напевал штатный критик журнала «ФАСТ» Ричард Кайманов на мотив некогда популярного советского шлягера, сунув кредитную карточку в приёмную щель банкомата. — В миг исчезнет забот моих тень. Эй! Эй! Эй, гони деньги скорей!

Спрятав купюры и карточку в портмоне, довольный Кайманов обернулся и застыл. Перед ним стоял, держа в дрожащей руке пистолет, известный писатель-фантаст Роман Щербатый. Глаза этого немолодого пузатенького мужичка, одетого в старенький джинсовый костюм, испугали Кайманова смесью горящего в них безумия и страха.

— Это тебе за моего «Изгнанника»! — вдруг громко взвизгнул Щербатый и выстрелил в стоящего перед ним в растерянности Кайманова.

Первая пуля насквозь прошила левую руку критика, и портмоне, пухлое от банкнот, плюхнулось в грязную лужу, оставшуюся на асфальте тротуара после недавнего дождя. Вторая пуля застряла в бедре правой ноги. Третья пронзила острой болью живот. Кайманов согнулся и упал. Вокруг в ужасе вопили и разбегались прохожие. Роман Щербатый продолжал стрелять в корчащегося у его ног Ричарда Кайманова. Из дверей банка выбежали, что-то крича, вооружённые короткоствольными автоматами охранники, и последнее, что увидел умирающий критик, это фонтанчики крови, вдруг забившие из груди спятившего графомана, и всполохи проблескового маячка невесть откуда взявшейся машины «Скорой помощи». Потом убийца тяжело рухнул на тело своей жертвы. Дюжие санитары быстро погрузили трупы в машину, и «Скорая помощь», завывая сиреной, скрылась в потоке машин…

Откровение первое

Ослепительно яркий свет больно ударил по глазам. Кайманов рефлекторно попытался поплотнее зажмурить веки и отвернуться, но у него ничего не получилось. Тогда он вскинул руку, чтобы прикрыть глаза ладонью, но свет продолжал резать зрачки с прежней силой.

— Уберите свет! — крикнул Ричард, и чей-то чужой голос оглушительно повторил его просьбу.

— Спокойно, Кайманов, — проревел в ответ другой голос. —

Сейчас всё будет в норме.

Свет исчез, а потом стал плавно нарастать. Перед взором Ричарда постепенно, как фотография в ванночке проявителя, обретало краски и резкость лицо незнакомого мужчины.

— Ну вот, — блеснули в улыбке отменно белые и ровные зубы. — Теперь ты нормально меня видишь?

Незнакомец был лет сорока, с большими залысинами в кудрявой рыжей шевелюре, гитлеровской кляксой усиков под внушительным эйнштейновским носом и девичье голубыми глазами, опушёнными длинными ресницами.

— Да, — ответил Кайманов и вновь услышал вместо собственного голоса чей-то оглушительный рёв. — Почему вы все так орёте?

— Секундочку, — незнакомец что-то сделал за пределами поля зрения Кайманова. Тот попытался повернуть голову или скосить глаза, чтобы немного осмотреться, но вновь ничего не получилось. Он мог смотреть только прямо.

— Раз, два, три, четыре… — начал считать незнакомец, и с каждой новой произнесённой цифрой его голос становился тише, пока не достиг нормальной громкости. — Ну вот, кажется, теперь и со слухом у тебя всё в порядке. Попробуй, скажи что-нибудь сам.

— Почему вы мне тычете? Где я? — услышал Кайманов свой вопрос, произнесённый чужим голосом. — Что происходит? Кто вы такой? Что у меня с голосом?

— Ну, вот и ладушки, — вновь улыбнулся незнакомец. — Теперь мы можем нормально общаться. Как ты себя чувствуешь?

— У меня ничего не болит, если вы об этом, — раздражённо ответил Кайманов. — Но я совершенно не контролирую своё тело. Не могу не то что рукой пошевелить, но даже просто моргнуть! Меня что, парализовало? Пуля того маньяка попала в позвоночник? Я теперь — калека?

— Нет, господин критик, — почему-то злорадно, как показалось Кайманову, усмехнулся рыжий. — Ты не калека, а уже неделю как мертвец, и твой труп в закрытом гробу вчера был предан кремации, а урна с прахом передана безутешной вдове.

— Что за бред вы несёте? — заорал Ричард. — Какой труп? Какая кремация? Да кто вы такой, наконец? Позовите главного врача!

— Спокойно, Кайманов, не надо так кричать, — продолжал усмехаться рыжий. — Главный для тебя здесь я. Можешь называть меня Эйнштейном. Настоящее моё имя тебе знать ни к чему. Хочешь, я введу успокоительное или снотворное? Спешить нам с тобой некуда, успеем ещё наговориться.

— Нет, — процедил Кайманов в ярости. — Не надо меня успокаивать. Почему вы упорно не отвечаете на мои вопросы?

— Потому что не успеваю, — развёл руками рыжий. — Больно много их. Но на основные я уже ответил: ты официально умер и похоронен. Что ещё ты хотел знать? Ах, да: это — не больница, а частный научно-производственный центр. Медицинский персонал здесь есть, но я не из его числа. Я вовсе не медик, а, как бы сказать, чтоб ты лучше понял… Ближе всего к истине будет слово «бионик». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Проще говоря, бионика — это попытки человека перенести достижения природы-матушки в технические устройства. В качестве примера могу привести всем известную замену пуговиц на одежде сначала «молниями», а сейчас так называемыми «липучками».

— И что же изобретаете вы, господин Эйнштейн?

— Ничего. Я — учёный, а не изобретатель, и занимаюсь нейробионикой. А если более конкретно и доступно для таких гуманитариев, как ты — пытаюсь создать электронную копию личности человека с помощью компьютера. Завтра вот начнём копировать тебя.

— Да вы не Эйнштейн, а скорее Франкенштейн! — язвительно хмыкнул Кайманов. — Что же вы тут будете копировать, если я, по вашим словам, уже давно труп, сожжён и похоронен? Или вы каким-то образом успели сделать свою работу, и с вами сейчас говорю не я, а искусственный интеллект? И каким же будет следующий ваш шаг? Превратите меня в послушного робота?

— Искусственный интеллект — это миф, — в свою очередь ухмыльнулся рыжий. — Любая программа всегда останется только программой, то есть — набором стандартных команд и логических функций. А человек, да что там человек — простая кошка может в одной и той же ситуации поступать по-разному. Это у нас, живых существ, интеллект, а в роботе — всего лишь программа. Робот не думает: он действует, у него отсутствует свобода воли. Ты, Кайманов, мыслишь литературными штампами. Работа у тебя такая, критик ты наш!

Рыжий гнусно захихикал.

— Хитроумные роботы-убийцы, — продолжил он. — Всевозможные человекоподобные терминаторы, роботы-полицейские, киборги, детективы и даже няньки наводнили фантастические романы и фильмы. В жизни человекоподобный робот никому не нужен. Очень неудобная форма. Скорее уж, это будет нечто, похожее на луноход, с набором сменных

манипуляторов.

— Вы не ответили, — резко прервал снисходительные разглагольствования рыжего незнакомца Кайманов. — И перестаньте мне тыкать! Я с вами на брудершафт не пил. Что со мной, и кого вы похоронили вместо меня, если это правда?

— Вместо тебя? — неподдельно удивился рыжий. — Ах, да, понимаю. Что ж, не будем больше отодвигать момент истины. Надеюсь, профессиональный критик в области отечественной фантастики читал роман Александра Беляева «Голова профессора Доуэля»? Ну, или хотя бы смотрел снятый по нему ещё в советские времена фильм?

— Что вы хотите сказать? — в ужасе прохрипел Кайманов. — Вы отрезали мне голову и проводите на ней свои дурацкие эксперименты?

— Мы могли бы это сделать, — вздохнул рыжий, — но к чему лишние заботы? Мозг — вот всё, что нам нужно.

Он протянул руку, и перед взором Кайманова промелькнула размытая картина разноцветных полос. Когда он смог вновь сфокусировать свой взгляд, то увидел стеклянный куб, стоящий на широком пластиковом столе. Внутри этого куба, заполненного прозрачной жидкостью, лежал человеческий мозг, покрытый золотой сеткой электродов и датчиков. Рядом со столом мерцали мониторы каких-то медицинских приборов, на экранах которых бежали гребёнки сигналов. Аппарат искусственного кровообращения гнал по прозрачным трубкам в мозг алую жидкость.

— Вот всё, что от тебя осталось, — услыхал Кайманов голос рыжего. — Глаза тебе заменяет видеокамера, вместо ушей — микрофон, говорит за тебя компьютерная программа. Сам компьютер находится в соседнем помещении, он занимает несколько больших шкафов. Там специальная система охлаждения, поддерживающая определённую температуру воздуха. Мы называем его «Суперкомп». Но это для тебя уже совершенно лишние и неинтересные подробности. Ну вот, теперь ты знаешь правду и понимаешь, что обращаться на «вы» к тому, что лежит в той ячейке, просто глупо.

Перед взором потрясённого Кайманова вновь возникла разноцветная пелена, сменившаяся самодовольным лицом рыжего Франкенштейна.

— Ну что, продолжим разговор, или дать тебе время пораскинуть мозгами? — хихикнул тот над своей шуткой. — Может, отключить тебя пока?

— Нет, не надо, — Кайманов был в ужасе от увиденного, но перспектива «отключения» страшила его ещё больше. Он хотел

знать, что его ждёт в дальнейшем. — Так чего же вы здесь изобретаете? Киборгов, что ли? Для этого вам нужен мой мозг?

— Киборги — это тоже из области фантастики, — вздохнул рыжий. — Если, конечно, имеется в виду металлический болван с человеческим мозгом внутри. Живой мозг нужно питать, беречь от холода, жары и сильных вибраций. А ещё нужна довольно сложная система поддержания равновесия и управления конечностями. Словом, возникает куча никому не нужных проблем. И ради чего?

Это в кино от робота-полицейского отскакивают пули. Нынешнее оружие легко разнесёт его железную башку вместе с мозгами. Если же говорить о киборгах в широком смысле этого слова, то они давно существуют. Мы без особых проблем могли бы запихнуть твой мозг в какой-нибудь полностью автоматизированный танк, самолёт или космический корабль. Если бы, конечно, ты умел всем этим управлять. Я вполне допускаю и даже уверен, что в каком-нибудь из отделов нашего Центра делают нечто подобное. Например, наше здание нашпиговано видеокамерами, однако я точно знаю, что с недавних пор в помещении, где установлены мониторы охраны, никто не дежурит. Понимаешь, о чём я? Ведь включить сигнал тревоги можно, и не имея рук. Ты же вот видишь без глаз и слышишь без ушей.

— Не может быть! — возмутился Кайманов. — Кто же пойдёт на такое? Зачем?

— Пойдут хозяева всевозможных охраняемых объектов, — невозмутимо ответил рыжий. — Зарплату таким киборгам-сторожам платить не надо, форма не нужна, никаких забастовок и прочей фигни. И никаких пенсий по инвалидности или старости. К тому же, исчезает человеческий фактор. Люди устают, теряют бдительность, болтают между собой, ходят в туалет, едят, словом — постоянно отвлекаются от работы. Они ненадёжны. А вот такие, как ты, Кайманов, могут смотреть только туда, куда направлена видеокамера. Лучших охранников и искать не надо!

— Какой же дурак согласится на подобное рабство? — фыркнул Кайманов. — Как вы, например, меня можете заставить работать на вас? Перекроете кислород? Или посадите на голодную диету?

— Я мог бы тебя немного попытать, — задумчиво ответил рыжий. — И мне для этого вовсе не нужно ломать тебе кости или гладить раскалённым утюгом. Мне прекрасно известно, где в человеческом мозгу расположены соответствующие центры. Я могу легко погрузить тебя в пучину невыносимой боли. Но зачем? Я вовсе не садист. Уже давно существуют препараты,

подавляющие волю, и соответствующие методы гипноза. Ты что же, Кайманов, всерьёз думаешь, что Роман Щербатый, тихоня и трус, пописывающий в тиши кабинета романы о крутых попаданцах в прошлое, вдруг люто на тебя озлобился за критику его последнего «шедевра», неведомо где раздобыл пистолет и пошёл убивать средь бела дня на глазах у прохожих и вооружённых охранников банка?

— Что вы хотите сказать?

— Да, именно то, что ты подумал, — довольно осклабился рыжий. — Его просто зомбировали, вложили в руку оружие и отправили к тебе. Мне понадобились ваши головы. Вернее, мозги. Расходный материал всегда в дефиците, требуется пополнение запасов. Методика переноса человеческого сознания в память компьютера пока не отработана, приходится часто заменять биологический образец. А ты думал, машина «Скорой помощи» случайно проезжала мимо банка именно тогда, когда в тебя стрелял «спятивший писатель»?

— Он же мог меня убить!

— Он и убил, — кивнул рыжий. — Но стрелять в голову ему было категорически запрещено. Твой мозг не должен был пострадать, впрочем, как и его. Банк-то принадлежит нашему Центру, и охранники накануне прошли соответствующий инструктаж.

— Но почему вам понадобился именно я? — с тоской вымолвил потрясённый Кайманов. — Неужели мало бомжей, алкоголиков и наркоманов?

— Мне для опытов нужен здоровый образец, — спокойно ответил рыжий. — К тому же, я тоже пишу на досуге фантастические романы. Недавно, после одной из твоих критических статеек в журнале, издательство отказалось печатать мой последний роман и заключило контракт с Романом Щербатым. Так что я решил одним выстрелом убить двух зайцев.

— Месть! — понимающе прорычал Кайманов. — Значит, всё это из-за того, что я раскритиковал ваши тексты?

— Вряд ли это можно назвать критикой, — злобно встрепенулся рыжий. — У нас в России сейчас вообще отсутствует критика как таковая. Издательствам нужно, чтобы вы хвалили их продукцию и ругали конкурентов. Они платят за это вашему журналу, и вы старательно отрабатываете их деньги. Вы, Кайманов, так называемые профессиональные критики, теперь ничем не отличаетесь от обычных рекламных агентов.

— Утешайтесь этой стандартной отмазкой графоманов и неудачников, — язвительно прошипел Кайманов. — Под каким именем вы публикуете свои книги?

— Я же сказал: моё имя тебе знать ни к чему.

— Понятно, — удовлетворённо хихикнул Кайманов. — Все вы — герои, но только тогда, когда спрячетесь под маской анонима или псевдонимом. А в реале и под собственным именем быстро сдуваетесь.

— А вы — просто литературные проститутки! — раздражённо взмахнул рукой рыжий. — Не будем спорить: сейчас всё это совершенно не важно. Главное то, что отныне ты будешь работать только на меня. Для опытов по основному проекту у нас пока есть мозг Щербатого. Романы я и сам писать умею, так что этот графоман пусть послужит науке. А вот у тебя начинается новая жизнь после смерти. Рабская, как ты правильно недавно заметил. Будешь вкалывать без перекуров и перерывов на обед.

— Каким это образом? — поразился Кайманов. — Я — филолог, управлять самолётом не умею, и охранник из меня никакой.

— Не волнуйся, ты и в дальнейшем будешь писать критические статьи, а деньги за них буду теперь получать я. Зарплата у меня по нынешним временам хорошая, но денег, как известно, никогда не бывает достаточно. К тому же, ты должен возместить мне потерянный по твоей вине гонорар за отвергнутый издательством роман. Я буду снабжать тебя текстами и указывать, какие из них нужно хвалить, а какие необходимо разнести в пух и прах.

— Не смешите меня! — взвизгнул Кайманов. — Вы сами сказали, что для всех я мёртв и похоронен.

— Не ожидал, что ты столь наивен, — удивился рыжий. — Тебе ли не знать, что мы живём в эпоху так называемых «литературных проектов», в которых под одним раскрученным именем публикуются тексты совершенно разных авторов, а то и вообще никому не известных «литературных негров»? Объявлений о твоей смерти ни в прессе, ни в Интернете не было. Ты ж не какой-нибудь знаменитый артист или поп-звезда! Хозяину журнала «ФАСТ» совершенно наплевать, кто в действительности пишет от твоего имени критические статьи, если они соответствуют определённому уровню и заданной направленности. Я уже провёл с ним на эту тему переговоры. Контракт находится в стадии подписания.

— А на кой чёрт мне горбатиться на вас? — спросил Кайманов. — Убивать или мучить меня вам невыгодно. Под воздействием препаратов или гипноза я вряд ли напишу статью: для творчества требуется ясный ум и свобода мысли. Это вам не на курок жать.

— Жмут, Кайманов, не на курок, а на спусковой крючок, —

презрительно процедил рыжий. — Убивать тебя я, конечно, не буду. Тут ты прав. Да это и не потребуется. Ты сам скоро, как наркоман, будешь готов на всё ради дозы.

— Какой ещё дозы? — испугался Кайманов.

— Когда только начинали изучать мозг, то проводили опыты на мышах, крысах, кроликах и прочих животных. Так вот, однажды крысе вживили электроды в центр удовольствия и посадили в клетку с двумя кнопками. Когда крыса нажимала на одну кнопку, то тут же получала пищу, а когда на другую — электроимпульс на вживлённые в её мозг электроды. Вскоре эта крыса умерла от голода, так как всё время нажимала на вторую кнопку, предпочтя пище непрерывный экстаз. В твоём случае, Кайманов, кнопками управляю я и могу без особого труда причинить тебе невыносимую боль или подарить небывалое наслаждение. Выбор за тобой. Так что, добровольно или нет, но ты будешь на меня работать. И потом, Кайманов, подумай: неужели тебе самому не хочется продолжить занятие любимой работой? Ты действительно предпочтёшь целыми днями бессмысленно пялиться в одну точку? Или я могу вообще отключить видеокамеру с микрофоном. Хочешь побыть слепоглухонемым?

— Я подумаю, — с горечью прошептал Кайманов.

— Уверен, мы с тобой поладим, — победно усмехнулся рыжий. — Думай, у тебя целая ночь впереди. Ох, и заболтался же я с тобой. Рабочий день давно закончился, и все ушли по домам. Я отключу тебя пока от периферийных устройств — у нас тут, знаешь ли, не принято общаться с подопытным материалом. Это я только для тебя сделал исключение. Вон, на соседнем столе стоит ячейка с мозгом Щербатого. У того нет и не будет ни видеокамер, ни микрофонов, ни собеседников. Так что цени, Кайманов, мою доброту! Утром тобой займутся мои сотрудники, не пугайся. Они просто подключат тебя к Суперкомпу и начнут копировать в него твою память. Судя по приборам, это не больно. А после работы, когда все разойдутся по домам, я к тебе приду, вновь подключу периферию, и ты мне скажешь своё решение.

Пальцы Франкенштейна забегали по клавиатуре, и внешний мир для Кайманова исчез.

Откровение второе

Со следующего утра жизнь Кайманова превратилась в беспросветную каторгу, в которой его мозг циклически ввергался в три состояния. Когда в Центре начинался рабочий день,

Кайманова после обязательной проверки медицинских показаний состояния мозга подключали к суперкомпьютеру, и начинался тошнотворный процесс копирования его памяти. Почти девять часов Кайманов находился в состоянии непреходящего похмелья: его просто выворачивало наизнанку. Будь у него тело, он наверняка как следует проблевался бы или принял какое-нибудь средство от тошноты. В конце концов, хлебнул бы рассолу или выпил баночку пивка. Но тела не было, а химические препараты в данном случае, по словам рыжего эскулапа, были бесполезны, и бедному Кайманову оставалось только покорно ждать окончания процесса.

Когда рабочий день заканчивался, и сотрудники лаборатории уходили домой, у Кайманова начиналась вторая смена. Он работал на рыжего Франкенштейна: писал критические статьи для журналов. Причём, судя по их количеству и номенклатуре разбираемых романов, рыжий заключил контракты не только с журналом «ФАСТ», но и с несколькими другими изданиями. Сосал, как говорится, сразу несколько маток.

Шесть предутренних часов Кайманов спал — Франкенштейн прекрасно знал, что живому организму требуется отдых. Специальная программа отключала от мозга Кайманова периферийные устройства, с помощью которых тот читал чужие книги и писал свои статьи, и вводила в кровь лёгкое снотворное.

Суперкомпьютер не входил в местную локальную сеть Центра во избежание утечек информации и хакерских атак. Поэтому для своего личного бизнеса рыжему пришлось использовать медицинский компьютер, к которому были подключены приборы и устройства, обеспечивающие жизнедеятельность мозга Кайманова. Этот компьютер имел стандартный usb-вход, через который рыжий и производил обмен текстов с помощью обычной флэшки. Кайманов довольно быстро научился работать в текстовом редакторе при помощи виртуальной клавиатуры.

Франкенштейн любил поболтать с Каймановым после рабочего дня, когда их никто не видел и не слышал. Однажды он пришёл позже обычного. Кайманов не мог чувствовать запахи, но по внешнему виду рыжего сразу понял, что тот явно навеселе.

— Что отмечали? — осторожно спросил он.

— Покорение Марса! — весело рявкнул Франкенштейн. — Что это ещё за вопросы?

— Ну, мне же интересно, какие у вас тут успехи, — примирительно ответил Кайманов. — Всё-таки, от них зависит и моя судьба. А я так и не понял, чем же на самом деле занимается ваш Центр? Зачем копировать память людей в компьютер?

— Ты, Кайманов, действительно такой тупой или притворяешься? — хмыкнул рыжий. — Где твоя фантазия? Ты ж всю жизнь фантастикой занимаешься!

— Я хочу знать реальное положение вещей, а не фантазировать на тему киборгов, — обиженно огрызнулся Кайманов.

— Какие, к чёрту, киборги! — захохотал Франкенштейн. — Ты думаешь, наш Центр единственный? Да таких центров по всему миру разбросано, знаешь, сколько?

— Сколько? — недоверчиво спросил Кайманов.

— Никто точно не знает, — понизил голос рыжий. — Наш Центр — только малая частичка огромного международного Консорциума. Тут миллиарды долларов крутятся, а ты всё про каких-то идиотских киборгов думаешь. В Центрах, разбросанных по всему миру, учёные бьются не только над проблемой переноса человеческого разума на электронный носитель — одновременно проводятся и обратные опыты. Знаешь, Кайманов, кто является основным заказчиком и спонсором Консорциума? Миллиардеры!

— Не понимаю, — искренне признался Кайманов. — Им-то это зачем?

— Всё очень просто, — насмешливо посмотрел на него рыжий. — Никто не хочет умирать. Денежные мешки мечтают жить вечно, меняя отягощённые старостью и болезнями тела на новые, молодые и здоровые. Лежать в глубокой заморозке и ждать, когда медицина научится лечить их болезни и омолаживать организмы, миллиардерам не хочется. Никто же не может гарантировать, что они благополучно оживут при разморозке: эта задача возлагается на плечи науки и медицины неопределённого будущего. То есть, денежные мешки, согласившиеся когда-то на заморозку, уплатили огромные деньги за химеру, пустые, ничем не подкреплённые обещания. Поэтому нынешним миллиардерам копирование личности в память компьютера представляется более практичной и достижимой задачей. К тому же, оно не требует выпадения из жизни на неопределённый срок.

Миллиардеры, Кайманов, хотят жить, а не «спать» в анабиозе, и Консорциум смог воспользоваться мечтами и чаяниями денежных мешков. Он переманивает в свой штат лучших специалистов со всего мира. Успехи уже впечатляют. Ты знаешь, Кайманов, что на одном из островов в Тихом океане, принадлежащем Консорциуму, живут и руководят своими империями более десятка миллиардеров? Вернее, живут их мозги, ожидая переноса сознания в новые тела. Точно так же, как ты сейчас живёшь. Только тебе новое тело не светит.

— Это-то я понимаю, — ответил Кайманов, с трудом переваривая откровения Франкенштейна. — Новое тело мне никто не даст. И что же вы сегодня празднуете? Неужели у вас получилось?

— Корпоратив у нас был, — кисло ответил Франкенштейн. — У директора сегодня юбилей.

— А я думал…

— А ты не думай! — пьяно взревел рыжий. — Хватит болтать: работать пора. Я принёс тебе ещё парочку романов. Оба нужно похвалить. Читай и готовь статьи. А про всё, о чём мы тут с тобой говорили, забудь. Это не для твоих мозгов. Сам не забудешь — с помощью Суперкомпа сотру.

Откровение третье

На следующее утро ни Кайманов, ни Франкенштейн не вспоминали о беседе накануне. Кайманова, как обычно, подключили к Суперкомпу, после работы рыжий скопировал на флэшку готовые статьи и ушёл, не сказав ни слова. В заданное время Кайманов уснул.

И так сутки за сутками. Привыкнуть к тошноте Кайманов не мог, но его мозг сам искал выход из неприятного состояния, и вскоре Кайманов заметил, что ему становится легче, если он как бы «перетекает» вместе с информацией в ячейки памяти суперкомпьютера. Тошнота ослабевала, так как мозг «отключал» живую память, используя соответствующую информацию, уже записанную в электронную память Суперкомпа. Чем больше памяти Кайманова копировалось, тем легче ему становилось убегать от тошноты.

И вскоре настал момент, когда Кайманову стало банально скучно бездельничать почти девять дневных часов, и он «огляделся» вокруг. Каким-то странным «зрением» увидел, что «парит» в чёрной бездне, а вокруг него мерцают всеми оттенками жёлтого огромные бесформенные «массивы». Его память мгновенно привлекла на помощь аналогию бесконечного космоса и сверкающих звёздных скоплений. Кайманов «потянулся» к ближайшей «галактике» и «погрузился» в неё.

Массив оказался памятью Романа Щербатого! Оставаясь собой, Кайманов отчётливо «вспомнил», как он пишет «свой» последний роман о бравом капитане спецназа ВДВ России, сознание которого во время ранения в голову каким-то чудом перенеслось в тело матёрого зэка, добровольно сменившего лагерь на штрафную роту, которую вот-вот должны были кинуть

на штурм какой-то безымянной высотки, чтобы отбить её у засевших там немцев.

Поражённый, Кайманов немедленно «вынырнул» из массива. Чуточку «отдышавшись» и придя в себя от удивления, он вновь осторожно «окунулся» в память Романа Щербатого. Кайманов не знал, сколько «блуждал» по ней, но контакт внезапно прервался — рабочий день в Центре закончился, и мозг Кайманова отключили от суперкомпьютера. А вскоре заявился и Франкенштейн.

То, что рыжий опять пришёл «под мухой», Кайманов понял сразу, хотя тот, в отличие от прошлого раза, был хмур и зол.

— У вас опять корпоратив? — осторожно спросил Кайманов. — Эксперимент, наконец, удался?

— Если бы! — рыжий вынул из кармана халата плоскую бутылочку, отвинтил крышку и хлебнул прямо из горлышка. — Мы научились копировать память человека в компьютер, но вот личность вместе с памятью почему-то перенести не удаётся. Умеем записывать чужую память из компьютера в живой мозг. Однако личность первоначального владельца при этом не меняется: она просто получает новые знания, что-то сразу усваивая, а что-то блокируя и отсеивая как опасное или ненужное. Бьёмся, бьёмся, а воз и ныне там! Радует только то, что и на эти работы нашлись заказчики, да ещё какие! Мы теперь любые мозги можем на опыты брать, никто нам не помешает.

— Это кто ж такие? — полюбопытствовал Кайманов, стараясь выудить у подвыпившего Франкенштейна как можно больше информации.

— Что, и тут тебе фантазии не хватает? — пьяно ухмыльнулся рыжий. — Конечно же, армия и некие анонимные организации. Первым нужны опытные и исполнительные солдаты, которых не надо обучать несколько месяцев, а то и лет, вторым — лишённые инстинкта самосохранения живые роботы, готовые выполнить любой приказ. Всего несколько часов в контакте с Суперкомпом — и готов любой нужный заказчику специалист.

Теперь Кайманов понял, что имел в виду рыжий Франкенштейн, когда говорил, что может усадить его в кресло охранника или за пульт управления самолётом. Его привела в ужас судьба многих и многих несчастных, чей мозг использовали и используют для жутких экспериментов по стиранию «ненужных» знаний и навыков и замене их «нужными».

— Но ведь это — ужасно! — воскликнул он. — Просто бесчеловечно! Куда же смотрят правозащитные организации?

— Не пойму, Кайманов: ты действительно так наивен или просто дурак? — Франкенштейн завинтил крышку и спрятал

бутылочку в карман. — А на чьи деньги, по-твоему, существуют все эти организации? К тому же, эти опыты преподносятся хозяевами Консорциума как благо для человечества: как возможность превращения маньяков и преступников в добропорядочных и полезных членов общества, прилежных и добросовестных работников. Улавливаешь?

— Но… — растерянно проблеял Кайманов.

— Кстати, ты и Роман Щербатый в этом деле хорошо нам помогли! — вдруг злобно засмеялся Франкенштейн. — Особенно этот бездарный графоман.

— Каким образом? — не поверил Кайманов. — Вы ж говорили о гипнозе…

— Кому теперь нужен гипноз? — отмахнулся рыжий. — Он не надёжен, сложен в исполнении, требует подготовленного специалиста, да и не каждый человек ему поддаётся. А у нас всё просто, быстро и со стопроцентной гарантией.

— А при чём здесь я?

— Заказчик потребовал продемонстрировать наши возможности на совершенно случайных людях, далёких по жизни от какого-либо насилия, без опыта службы в армии или правоохранительных органах, не умеющих обращаться с оружием и тому подобное. И я подсунул ему ваши кандидатуры. Романа Щербатого в своё время военкомат забраковал из-за слабого зрения. Ты же, Кайманов, откосил от армии с помощью липовой справки о якобы имеющемся у тебя плоскостопии, подкреплённой соответствующей суммой нужным людям. Что молчишь? Эх, в первый раз жалею, что передо мной только мозг! Уж очень хочется посмотреть сейчас на твою рожу. Небось, знай ты тогда, что тебя ждёт в будущем встреча со мной — сам бы рванул в военкомат с просьбой забрить тебя в солдаты нашей несокрушимой и легендарной? А? Что молчишь?

Ладно, слушай дальше, раз уж хочешь знать всю правду. Мы взяли Щербатого прямо на улице, когда он вышел из своего дома, чтобы сходить в магазин за продуктами. Привезли сюда, подключили на несколько минут к Суперкомпу, потом дали пистолет и отпустили, сказав, где тебя искать. Он пошёл и без тени сомнения убил. Всё это происходило на глазах восхищённого представителя заказчика. Так-то вот, Кайманов!

И нечего мне тут про права человека вкручивать! Ты сначала долг свой исполни, послужи Родине, а уж потом пасть разевай, если захочешь. Теперь мы легко можем помочь родной армии и государству в том, чтобы ни у одной сволочи, вроде тебя и прочих так называемых правозащитников, даже мысли не возникло бы плевать в их сторону.

А теперь, раб, принимайся за работу!

Откровение четвёртое

Кое-как выдав очередную статейку, Кайманов стал обдумывать всё услышанное от Франкенштейна и своё невероятное проникновение в чужую память в недрах Суперкомпа. Он, наконец, в полной мере понял трудности Консорциума: массив Щербатого был просто электронной копией его памяти, а не личности. Он не обладал сознанием и собственной волей, не мог самостоятельно мыслить. Очевидно, что и массив самого Кайманова был таким же и обретал разум только во время контакта с живым мозгом.

«Просто мой мозг использует компьютерную память, — понял Кайманов. — Скопировать разум, личность живого человека Франкенштейн пока не может или не умеет. Что ж, это даёт мне какое-то время. Пока я ему нужен, мой мозг будет жить».

С этого дня каторга превратилась для Кайманова в увлекательное путешествие по чужим мирам. Не зря говорят, что каждый человек живёт в своём собственном мире. Самое удивительное было в том, что чужая память мгновенно становилась для Кайманова собственной, как только он проникал в очередной массив. Какая-то её часть успевала «записаться» в мозг, и Кайманов даже после отключения от Суперкомпа продолжал вспоминать чужую жизнь, как свою.

«А не начать ли мне писать романы? — как-то подумал он. — У меня есть для этого масса материала: надо просто записать куски чужой жизни».

Но Кайманов тут же отверг эту безумную идею. Во-первых, он не писатель. Как-то однажды пытался им стать, но не получилось. Пошёл в критики — не пропадать же филологическому образованию! А во-вторых, и вернее, в главных — Франкенштейн далеко не дурак и сразу же всё поймёт, а уж какие он примет меры, даже гадать не хочется. Одно ясно: каторжный труд Кайманова многократно увеличится или мгновенно прекратится.

«Хватит с рыжего ублюдка критических статеек, — решил Кайманов. — Романы пусть сам пишет», — и он продолжил свои тайные проникновения в чужую память.

Кого здесь только не было! Бомжи, преступники, солдаты, жертвы несчастных случаев, бывшие работники Консорциума, чем-либо провинившиеся перед начальством, и даже дети разных возрастов. Один из очередных массивов содержал память хакера, неосмотрительно попытавшегося взломать защиту локальной

сети Центра. Беднягу быстро вычислили, и того сбила на улице «неизвестная машина». Кайманов узнавал не только жизни и судьбы, но и мгновенно усваивал родные языки, так как люди эти были похищены и убиты в тех странах и городах, где имеется местный филиал Консорциума.

Словом, множество людей погибло в ходе бесчеловечных опытов по поиску бессмертия для умирающих миллиардеров. Кайманов благодарил судьбу за то, что рыжий Франкенштейн решил использовать его мозг для улучшения своего личного благосостояния и потому уберёг от экспериментов. Но он хорошо понимал, что долго это продолжаться не будет. В любой момент может произойти что-то, что разрушит сложившееся положение вещей. Например, рыжий может заболеть, и его заместитель, обнаружив «бесхозный» мозг Кайманова, тут же пустит его в дело, то есть в какой-нибудь очередной эксперимент. Нет, спастись Кайманов не надеялся, но хоть как-то отомстить вивисекторам в белых халатах хотел. Только вот как?

— А вы не боитесь, что правда о Консорциуме станет известна всем? — спросил он как-то Франкенштейна. — Ведь кто-нибудь из ваших может проговориться о том, что вы тут делаете.

— Это невозможно, — спокойно ответил тот. — Все наши люди регулярно, два раза в год, проходят медосмотр. Один — всеобщий, плановый, другой — индивидуальный, перед уходом в очередной отпуск. Во время этих медосмотров сотрудников подключают к Суперкомпу и, используя соответствующие технологии, «закачивают» в их мозг новые должностные правила и инструкции, стирают «лишнюю» информацию, зомбируют на неразглашение любых сведений о Консорциуме вообще и о Центре, в котором они работают, в частности. Разумеется, в конце процедуры всем стирают память о ней, и сотрудники уверены, что прошли обычный медосмотр, такой же, как в государственной поликлинике. Уволиться из Консорциума можно только одним способом: тело — в морг, мозг — в экспериментальную лабораторию Центра.

— А вы откуда это знаете? — не поверил Каманов. — Разве вы не проходите эти медосмотры?

— Прохожу, — криво усмехнулся рыжий. — Но я их и провожу. Так что у меня несколько иная программа зомбирования, чем у прочих. Мне не стирают память о процедуре, так как я должен знать и понимать суть того, что делаю с другими.

— А запрет на разглашение?

— Как у всех.

— Не понимаю, — искренне удивился Каманов. — А как же я?

Вы же мне всё рассказали!

— А кто ты такой? — спросил Франкенштейн. — Разве ты человек? Разве ты можешь кому-нибудь что-нибудь рассказать? Ты — просто кусок мяса! Беседовать с тобой — то же самое, что разговаривать со стулом или вон с тем полузасохшим цветком в горшке на подоконнике.

Откровение пятое

Последний разговор с рыжим не выходил у Кайманова из головы.

«Смешно, — думал он. — Головы нет, а разговор из неё не выходит. Что-то меня в нём зацепило и не отпускает. Обида? На что? На сравнение с куском мяса? Засохший цветок? Цветок. Запрет на разглашение. Тростник. Причём тут тростник? Вот оно! В детстве мне мама читала сказку про какого-то царя, у которого вдруг почему-то выросли ослиные уши. Царь пригласил к себе лекаря и предупредил, что если тот кому-нибудь расскажет о том, что узнал, то лишится головы. И лекарь молчал. Но его так и подмывало раскрыть секрет царя хоть кому-нибудь. В конце концов, он выбежал из города в поле, упал лицом в траву и прошептал страшную тайну земле. А потом, довольный и успокоившийся, лекарь вернулся домой и обо всём забыл.

Но на том месте, в поле, со временем вырос тростник. Мальчик, пасший за городом овец, срезал тростинку и сделал из неё дудочку. А когда подул в неё, вместо музыки из дудочки послышались слова о том, что у царя выросли ослиные уши. Помню, меня здорово повеселила эта сказочка. А она, оказывается, не просто забавная, но и со смыслом. Ты прав, Франкенштейн, я — полузасохший цветок, тростник. Вот только где бы мне найти пастушка?»

И Кайманов перестал произвольно блуждать по массивам в поисках очередных приключений. Он стал искать нестандартную «галактику», место, где зомбируют отпускников. И вскоре нашёл-таки небольшое, интенсивно пульсирующее «облачко». Полный надежд, Кайманов тут же «сунул туда свой нос». Облачко не было полноценной копией мозга конкретного человека. В нём действительно проходил процесс зомбирования сразу трёх людей, через несколько дней уходящих в отпуск. Один из них был специалистом, обслуживающим компьютеры Центра. Не желая упускать благоприятный момент, Кайманов немедленно внушил ему задание: подключить медицинские компьютеры к локальной сети.

С тех пор он получил доступ не только к зомбированию сотрудников, но и к локалке Центра. Кайманов незаметно подправил некоторые инструкции, исполняя которые, охрана могла бы обнаружить его вмешательство, и даже стёр саму память о категорическом запрете объединения имеющей выход в Интернет локальной сети с полностью автономной медицинской.

Кайманов понимал, что охранные программы Консорциума не дадут ему вбросить в Интернет большой объём информации, даже если он воспользуется логином и паролем директора Центра. Он мог бы соответствующим образом зомбировать некоторых охранников, но справиться с программой ему было не по зубам. Её сделали люди более квалифицированные и опытные в этой сфере, чем несчастный хакер, чьи знания теперь принадлежали Кайманову. Эти люди понимали, что любой обмен информацией по сети Интернет могут перехватить. Поэтому связь между суперкомпами Центров Консорциума осуществлялась с помощью курьеров, перевозивших данные на съёмных носителях под надёжной охраной. Это занимало много времени, зато исключало утечку информации. Даже если бы кто-то нейтрализовал охрану и захватил курьера, несанкционированное вскрытие его кейса привело бы к самоуничтожению носителя информации. Консорциум умел хранить свои тайны.

«Дудочка»

Отныне Кайманов был в курсе всего происходящего. Он узнал настоящее имя Франкенштейна, но запретил себе употреблять его даже в мыслях, дабы не спалиться раньше времени. Оказалось, что родной брат рыжего работает в Центре начальником службы безопасности, одновременно являющейся поставщиком «живого сырья», то есть мозгов, что и дало возможность братьям организовать свой тайный бизнес на Кайманове.

Специфические знания хакера подали Кайманову идею, и он записал на флэшку Франкенштейна вместе с очередной критической статьёй некий скрытый файлик. Конечно, рыжий использовал для своего бизнеса не рабочий, а личный, домашний, компьютер, и это позволило Кайманову начать выполнение своего плана.

Мощная защитная программа Консорциума мгновенно обнаружила бы и нейтрализовала файлик Кайманова, но обычный антивирус домашнего компьютера его пропустил. И когда рыжий Франкенштейн вышел в Интернет, чтобы отправить статью в редакцию журнала, скрытый файлик на его флэшке сделал своё

дело, закачав и установив на компьютер Франкенштейна нужные Кайманову программы.

Так Кайманов получил регулярный доступ к персональному компьютеру Франкенштейна и начал потихоньку, маленькими кусками закачивать в него информацию о Консорциуме: адреса Центров, фамилии сотрудников и заказчиков, планы и результаты работ, банковские счета, имена жертв экспериментов, словом — всё, что удавалось выудить из массивов суперкомпьютера и локальной сети Центра.

И вот настал день, когда Кайманов был готов нанести ответный удар. Он собрал достаточно информации о Консорциуме — большего извлечь из локалки Центра он не мог. Кайманов прекрасно понимал, что, скорее всего, подписывает себе окончательный смертный приговор — Центр наверняка постарается уничтожить все улики, как только информация о нём выйдет наружу. А жить хотелось! Ох, как хотелось жить! Пусть даже «питаясь» чужой памятью.

Но Кайманов точно знал, что его конец в любом случае близок: через десять дней Франкенштейн уходил в отпуск, и потому он уже начал официально оформлять мозг Кайманова в качестве нового материала для экспериментов. После возвращения из отпуска рыжий планировал продолжить свой бизнес, но уже с другим рабом. Жертва была давно намечена — ещё один критик всё того же журнала «ФАСТ». Кайманов знал об этом, так как сотрудники брата Франкенштейна собрали полную информацию об этом человеке и готовили ему стандартный «несчастный случай».

В Суперкомпе не было массивов с памятью сотрудников Центра. Зачем тратить на них время и ресурсы? Для зомбирования достаточно кратковременного подключения. Поэтому, узнав точную дату предотпускного медосмотра Франкенштейна, Кайманов с самого утра дежурил в пульсирующем облачке. И вот, наконец, он получил доступ к мозгу своего врага и моментально дал тому нужную установку.

Впервые после своей смерти Кайманов почувствовал себя свободным и счастливым. Он знал, что его установка сработает уже на следующее утро. Прежде чем пойти на работу, Франкенштейн включит свой домашний компьютер и бездумно запустит программу, о существовании которой он до этого даже не подозревал. Та автоматически начнёт рассылку материалов о Консорциуме, собранных в скрытой директории, во все инстанции: мировые средства массовой информации, Интерпол, правоохранительные органы России, США, Китая и Европы, пиратские библиотеки и пиринговые сети. Запустив эту

программу, Франкенштейн оставит работающий компьютер подключенным к сети Интернет и спокойно поедет на работу, мгновенно забыв всё, что сделал. До своего отпуска он теперь вряд ли доживёт…

«С рождеством».

Подпись как нельзя лучше подходила открытке. Голубое пронзительное небо и ярко-зелёный склон травы, ещё не выжженной летним зноем. Внизу вода — чистый ободок реки, оттеняющий небо. Иван разглядывал открытку две минуты, пока не понял, что здесь не так.

Вздохнув, отложил её в сторону. «Не имеет значения соответствие надписи содержанию, — пометил он в дневнике, — если оно подходит». Иван задумался. Мысли следовало сформулировать чётче, куратор будет недоволен. «Смотрю на открытку и чувствую радость», — дописал он, и захлопнул дневник.

Сегодня на ужин макароны. Углеводы. Иван машинально намотал их на вилку. У вилки четыре зубца — оптимально. Но могло быть и три. Главное, не говорить об этом куратору. Он не выйдет из центра, пока не вылечит все свои причинно-следственные связи. А через месяц у него день рождения, выходить надо обязательно. День рождения выпадал на конец мая. «Нет, не так, — поправил себя Иван. — Оно всегда выпадает на конец мая, это константа».

И настроение будет — рождество.

* * *

Палата выходила в узкий коридор, передвигаться следовало по одному. Никто не запрещал общаться с другими пациентами, но и не приветствовал. И поэтому, когда Иван подсел к девчонке, что интриговала его все три месяца пребывания, то ощутил на себе пристальное внимание персонала.

— Привет, — он неуклюже поставил на стол поднос. — Не против?

Она не подняла на него даже взгляда. Механически жевала что-то из тарелки, и он вдруг испугался, что её причинно-следственные связи нарушены куда сильнее, чем его. А вдруг у них не получится контакта, вдруг она неспособна? Или он ошибался на её счет? «Уйду посрамлённый», — твёрдо решил Иван, продолжая смотреть на девчонку.

Почти ничем не примечательная. Тёмные волосы волнами на столе, бледное, чуть заострённое лицо. Она сидела, сжавшись,

точно пружина — словно неловкое движение могло разметать её, разбросать по сторонам. И тогда бы она заполнила всё помещение, так внезапно показалось Ивану. Эта нервная энергия пряталась в рукавах свитера — худыми пальцами, в тонких поджатых губах на равнодушном лице. Заставила потерять ход мысли на мгновение. Иван замер, машинально ощупывая в кармане принесённый прямоугольник глянцевой бумаги.

— Чего тебе?

Голос безжизненный, как белые стены и стол вокруг. Куда роднее и ближе, чем эмоционально насыщенные увещевания персонала. Иван покрепче стиснул поднос, вжимая в стол.

— Поговорить хочу. — Его голос не дрогнул. — Что ты знаешь о рождестве?

Она подняла на него глаза, неожиданно ярко-синие. Словно два штриха компенсации за блёклую картину. Пружина стала туже, Иван почти услышал её вибрацию. Вот и состоялся контакт.

— С чего такой вопрос? Все знают о рождестве то, что положено. Зима, подарки и злой Санта. Мне вот в качестве презента пребывание здесь. А ты, видимо, бонусом идешь? — Она презрительно скривила губы и вернула взгляд на тарелку.

— Да нет, я Иван. — Иван робко улыбнулся, хоть она и не смотрела на него. — А ты Света, я знаю. Вот, держи.

Он протянул открытку под столом. Секунда раздумий, и она нерешительно взяла её. Акт приёма-передачи состоялся.

«Короткий контакт, кроткий Иван» — лёжа на койке в своей палате, он перечитал запись, и после вырвал лист из дневника. Главное, она взяла открытку. Теперь у них есть маленькая тайна.

* * *

— И если все ферменты белки, то?..

— То не все белки ферменты, — чётко ответил Иван.

Он сидел, ровно выпрямив спину. С вежливой улыбкой на лице, как того ждали кураторы. Итоговое тестирование прошло идеально. За окном колыхалась ветка сирени, Иван скосил на неё быстрый взгляд.

— Я рад, что ты вспомнил о своём медицинском образовании, — наставник подошёл и протянул ему ладонь. Иван крепко пожал её. — Считаю, вопрос решён. Ты совершенно исправен.

Есть!

Вот и состоялось. Завтра он получит гражданскую одежду и свои права обратно. И вперед, в майский день, полный веток

сирени, воробьёв и ещё чего-то праздничного. Небольшой попутный ветер в спину по дороге в правильную жизнь.

Проходя мимо столовой, Иван бросил взгляд туда, где сидела одинокая фигура. Тёмные волосы покрывали худые плечи. «Ну посмотри на меня, — попросил он мысленно. — Хотя бы секунду, один синий выстрел». Он её получил, свою секунду. Потом его ненавязчиво толкнули в спину, намекая идти быстрее. Ах да, кураторы всё ещё сзади. Иван прибавил шаг.

Вечером того же дня он получил жетон. «Ребров Иван Андреевич, выпуск 31.05.2049. Чётко поставленная речь, спокойный, эрудированный, ироничный (см. раздел меры). Медицинское образование: консультативная помощь. Комплект для вашего подростка в полцены (см. раздел «ремонт», кол-во: 1)».

Осталось только найти семью.

* * *

Он переночевал в мотеле на деньги, выделенные кураторами. Предполагалось, что их хватит на неделю, но Иван решил не рисковать и не тратиться. И поэтому ночь на пружинистом матрасе в дешёвом номере выдалась не самой комфортной.

Он думал о Свете, о девчонке, которую не экзаменовали. Иначе чем объяснить её длительное пребывание в центре? Вряд ли она опасна для общества, скорее, напротив. Оно едва заметит её, да мало ли на улице худых синеглазых девчонок. А те, что прячут лицо за копной волос, и вовсе остаются на обочине внимания. Иван бессильно уронил голову на ладони.

— Моя тайна, — сказал он вслух, обращаясь неизвестно к кому.

Да, они поговорили всего ничего, но ведь у неё есть открытка. Иван написал кое-что на обороте, она не могла не заметить. Не задуматься о предложении.

Собственно, оно было предельно простым. Попечительство автономного теперь Ивана, свободного в правах. Он знал, что его выпустят, он ведь долго готовился к этому. По закону Иван мог взять на поруки одного высокосоциализированного андроида, не несущего социальной опасности.

Лишь бы она подала заявку.

Следующий день он провёл за просмотром объявлений. Те из них, что были о поиске андроида в семью, заканчивались категоричным требованием «без дефектов». Решение экономить деньги показалось как никогда разумным, особенно на фоне лёгкой тревоги.

Вот если бы здесь была Света, вдвоём они бы что-нибудь придумали. Да что ему с этой девчонки, почему не выходит из головы? Три месяца он наблюдал за ней, и что получил взамен — короткий диалог и возможность всучить своё послание. Может, и вовсе ей ненужное. Иван посмотрел на себя в замызганное зеркало над умывальником и слегка оттянул нижние веки. Сетка сосудов усталых глаз. На самом деле он знал ответ.

— Ладно я, — пробормотал он, укладываясь. — Но ты-то почему?..

* * *

Звёзды сложились, или земной природы везение, но он нашёл семью. Мать-отец, усталые клерки средних лет, родители юного Антона. Подопечного, которого интересовал Иван ровно двое суток с момента трудоустройства.

Антон забросал его вопросами, удовлетворился нейтральными ответами и вскоре вернулся к компьютерным играм. Сегодня он играл без наушников, и грохот выстрелов бил по ушам. Иван задумчиво поводил ногой по паласу. По условиям договора он должен был развлекать и развивать мальчика, быть удобным другом «под рукой». Но, правильно считав настрой Антона, предпочитал не провоцировать нервного юнца и тихо сидел поблизости.

Работа есть, и ладно. А коли продержится здесь ещё три недели, получит первую зарплату. И потом, сон на удобном матрасе был убедительным бонусом. И еда разнообразная — белки, жиры и углеводы. Кажется, с этого начинают новую жизнь?

А Света так и не появилась («бах!»), почему? («тра-та-та!») Неужели ей не хочется выйти на свободу? («бах!») Давно бы его нашла, в базе есть идентификационный номер Ивана («бах!») И с ним бы связались кураторы…

Автоматная очередь зарядила с новой силой.

— Антон, — осторожно обратился к мальчику Иван. — Вообще-то вредно так много играть, и потом, игра же всегда тебя дождётся. Давай мы прогуляемся, может? Поболтаем немного.

— Заткнись, — короткий хлёсткий ответ. — Скажу родителям, что ты мешаешь учёбе. Угадай, кому поверят?

Это был аргумент.

* * *

Две недели спустя Иван потерял работу. Нет, случайности в этом не было. Накануне он долго и сердито стискивал кулаки под одеялом, просчитывая варианты. Выбрасывая из головы то, что возвращалось бумерангом.

На следующее утро он невозмутимо вытащил штепсель розетки из гнезда, в самый разгар игры Антона. А когда тот захлебнулся криком от возмущения, подошёл и вылил на голову малолетнему геймеру остатки чая из кружки на столе.

Это было чертовски приятно.

— Антон горит, — спокойно пояснил он прибежавшим на крик родителям. — Антон полыхает.

Вопрос решился очень быстро. К нему приехал новый куратор, не тот, что в прошлый раз. Иван покорно сел в машину под испуганными взглядами семейства. От мысли, что он возвращается туда, откуда так рвался выйти ещё совсем недавно, почему-то стало веселее.

Две недели он не выходил из своей палаты, решая учебно-исправительные задачи. Наличие второго «ремонта» в анкете практически ставило на нём крест как на андроиде для семьи, однако он ещё мог быть пригоден как вспомогательный персонал при больнице или НИИ. Еду глотал, не замечая вкуса. Когда наконец-то получил право посещать общую столовую, то, к своему облегчению, увидел знакомую одинокую фигуру. Угол стола больно стукнул о бедро, когда Иван пробирался к заветному пустому месту.

— Света! — Он надеялся на ответные эмоции, но девушка только сухо кивнула. — Света, это я! Вернулся. За тобой вернулся, понимаешь? Симулировал сбой, это было несложно, но… ты слушаешь меня?

Девушка неопределенно пожала плечами. Тонкие пальцы перебирали салфетку. «Ты меня не обманешь, — мысленно адресовал ей Иван. — Я давно всё понял». Сегодня тёмные волосы были аккуратно уложены, слишком аккуратно для того, кому на всё наплевать. И к еде она почти не притронулась, зачем же пришла в столовую?

— Зря вернулся. Андроиду не положено быть эмоциональным. Только навлекаешь на себя подозрения.

Иван обернулся. Из работников в столовой дежурил незнакомый ему куратор, который сосредоточенно смотрел в свой смартфон.

— Глупости, — Он повернулся обратно к Свете. — Я следил за тобой. И понял, что не давало мне покоя, и ты это тоже знаешь. Мы оба здесь чужие, моя история началась нелепо и трагично. — Он перевел дыхание, её пальцы оставили в покое салфетку и

замерли на столе. — Когда мне было восемь, дома случился пожар. Погибли мои родители и маленькая сестра. Сгорел и наш андроид, Иван Ребров. Он был моим сверстником.

Иван прервался и отогнал непрошенные воспоминания. Въедливый запах горелой плоти. Собственные руки в копоти, которыми он елозил по полу, стоя на четвереньках. «Хватит, — жёстко велел он себе. — Излагай факты».

— Я выжил потому, что огонь не добрался до моей комнаты, пожарные приехали раньше. Прежде, чем они вытащили меня, я успел доползти до входной двери. Её, видно, заклинило, тело андроида лежало на полу перед ней. Я снял его жетон и повесил себе на шею, до сих пор не знаю, зачем. Может, думал, это защитит меня.

Света подняла голову. Впервые в её взгляде скользнул интерес и что-то вроде сочувствия.

— Потом приехали пожарные, меня отнесли в машину. Они спрашивали про погибшую семью, и сколько я на них работал. Говорили про мальчика и девочку, я не понимал и половины слов от шока, только отвечал «да» и «нет». Потом кто-то крикнул, что тела нашли. Они все умерли, «умер» в тот день и я. Мне даже не пришлось сильно вживаться в роль, меня ведь тоже звали Иван. Я откликался на это имя, и у меня на груди висел жетон. А внутри была такая пустота, какой бы позавидовал любой андроид.

Иван замолчал. Всего раз до этого он рассказывал о том дне, и не подумал бы, что опять доведётся. Жизни андроидов не отличались практически ничем от жизни обычных людей — те же потребности, те же законы общества. Уже в подростковом возрасте он узнал, что высокосоциализированный андроид отличается от обычного тем, что изначально рождён человеком. «Неучтёнкой», в мозг которого внедрялся кремниевый чип, ответственный за некоторые перемены в поведении. За неукоснительную логику и чёткость действий, и более узкий диапазон эмоций. Не настолько, чтобы не чувствовать настроений окружающих, не испытывать радости и даже печали. Все это было, оттого и в правах они были почти на равных с биологически чистыми людьми. Но настолько, чтобы в экстренной ситуации не терять головы и действовать хладнокровно.

— За хладнокровие они и посчитали мои односложные ответы. А дальше пошло-поехало. Не знаю, может, первое время мне было так проще. Воспринимать всё, словно это случилось не со мной. Словно я никогда не имел семьи, только идентификационный номер. А когда я пришёл в себя, то просто растерялся. Чем дальше, тем труднее было признаться. Новое окружение, естественно, видело во мне андроида. Всё стало

таким организованным, и я будто бы даже привык… хотя со временем начал жалеть об этом. — Он неосознанно коснулся рукой груди, места, где обычно висел жетон. — Потом распределили в мед, отучился на врача. Эдакий вариант семейного доктора под рукой. Сюда в первый раз попал за стихи. Слил в сеть кое-что из своего творчества, думал, анонимно, а оказался в поле зрения кураторов. Решили протестировать на всякий, ну и обнаружились кое-какие проблемы с логическим образом мышления.

Вот и всё. Иван перевёл дыхание, в глазах защипало. Так непринуждённо в две минуты рассказа уложилась вся его жизнь. Света смотрела на него теперь иначе, забыв про своё привычное равнодушие. Глядя в её широко раскрытые синие глаза, он понял, что не ошибся. Не было никаких чипов ни в его, ни в её голове. Два нелепых поступка привели их сюда, вот только узнать бы, что случилось у неё?

Иван решил не спрашивать до поры. Захочет — расскажет.

— Мне жаль, — сказала она наконец. — Твою семью. Я поняла, что ты другой, ещё с тех пор, когда ты украдкой бросал на меня взгляды. Но мне отсюда не выйти, я не решила ни одного теста правильно. Даже и не старалась, мне не очень-то хочется наружу.

Что-то в её голосе подсказало Ивану податься вперед и взять девушку за руку. Очень опрометчиво, ведь за спиной был куратор. Но одна внезапная мысль перечеркнула все риски. Собственно, появилась она давно, но только сейчас стала реальным планом. Планом действий, который изменит жизни обоих.

— Убежим отсюда. — Он крепко сжал её худую ладонь. — Я хочу убежать отсюда с тобой. Такого не делал никто из андроидов и никогда. Понимаешь, зачем это нужно?

— Мы не в тюрьме, — неуверенно возразила она, высвобождаясь. Теперь в её голосе он слышал страх: невидимая пружина снова сжалась. — И ты знаешь, какими могут быть последствия.

Да, Иван знал. И очень на это рассчитывал.

За спиной послышались шаги обеспокоенного их длительным контактом куратора. Подарив Свете через силу широкую улыбку, Иван поднялся и вышел из-за стола.

* * *

Если бы они убежали. Если бы они убежали вдвоём, на функциональную поломку это было бы уже не списать. Было

только одно место, куда бы они попали — уже не в центр, где андроидов приводили в норму задачами из учебников и тем, что называлось «неинвазивной шлифовкой». А туда, где проводилась диагностика самих кремниевых чипов. Крайне непопулярная мера.

Одинокое, особняком стоящее здание на окраине города. Поговаривали, что оттуда андроиды уже не выходили, и неудивительно. Девяносто пять процентов отклонений в поведении «лечилось» коррекционной работой в центрах. И если уж кто оказывался там, стало быть, чип серьёзно неисправен. Ивану было известно, что заменять чип, внедрённый с рождения, обросший за годы взросления собственными нейронными связями, очень трудно.

«Мы попадёмся и попадём туда, — он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. — И отправимся на диагностику. И тогда они поймут, что у нас нет и не было никаких чипов».

И они смогут вернуть себе статус обычных людей. Жить без оглядки на контроль поведения. Он сможет заниматься творчеством и болтать всякую чепуху. Да, чепуху! Если захочет, то будет иметь на это право. Иван беззвучно засмеялся. Он найдёт работу по специальности, а Света — своё место в жизни. Довольно с них тестов и всеобщего угождения.

И ещё он отыщет могилы родителей и сестры. Навестит их настоящим сыном и братом.

Он соврал Свете о том, как впервые попал в коррекционный центр. Иван никогда не писал стихов, разве что иногда рисовал украдкой. Нет, он просто пытался поговорить по душам с преподавателем в институте. Тот первый раз, когда он рассказал другому про трагедию одного пожара. Тот самый раз, который обернулся чьими-то крепкими руками на собственных запястьях, руками, что осторожно повели его в сторону машины. Кураторы действовали быстро, приехали через десять минут после того, как преподаватель набрал под столом сообщение о поломке Ивана на адрес центра.

В то самое время, когда не сводил с него сочувственного взгляда.

Света сказала, что это не тюрьма, но это было неправдой. Всё было тюрьмой. Доброжелательной, уважительной тюрьмой, вся жизнь андроида. Права? Да, в полном объёме. Вот только веди себя в соответствии с ожиданиями, а то заберут. Медицинская помощь? Разумеется, тело-то человеческое. Работа — пожалуйста, но всегда на вторых ролях, для того и создавались. Немного, совсем немного улучшенная версия человека, осторожный шажок по канату опасного прогресса.

Другого шанса вернуть себе статус настоящего человека попросту не было.

* * *

Всё случилось очень быстро. Светин согласный взгляд, и то, как они неприметно вышли из столовой друг за другом.

Иван ожидал отказа. Того, что она снова уйдёт в свою раковину, а у него не хватит душевных сил убедить её. Побега без этой внезапно почти родной девчонки он себе не представлял. Только она могла понять его, объединённая их общей тайной. Но Света сегодня удивила: его встретил прямой и ясный взгляд. Волосы она заплела в косу, а на губах появилась тень помады. Она просто кивнула, и он, не привлекая внимания, направился к выходу. И через минуту услышал тихий цокот каблуков за спиной.

«Может, она, как и я, не смогла уснуть ночью, — думал Иван, невольно замедляя шаг. — И размышляла о моих словах про побег, оттого и решилась… и обо мне». Последняя мысль раздавила остатки тревоги. Впереди показалось пятно дневного света и пахнуло весенней свежестью. Охранник на входе недоумённо повернулся, и тогда Иван сделал то, чего никогда бы не сделал Иван Андреевич Ребров, выпуска 31.05.2049.

Грузная фигура рухнула от короткого удара в челюсть, Света испуганно охнула. Костяшки пальцев отозвались жгучей болью. Охрана центра была формальностью, но рисковать не хотелось. Иван схватил девушку за руку, и они побежали. Мимо аккуратно подстриженных газонов, туда, где виднелись ворота, ведущие к трассе.

Майское солнце припекало, редкие машины проносились мимо. Сердце стучало, а слух обострился в ожидании звуков погони. Побег — это нечто из ряда вон. Триумф нелогичности и главный маркёр неисправности. Иван остановился на обочине и притянул к себе Свету.

— Мы отошли достаточно, чтобы попасть в статус беглецов, — выдохнул он. — Идти нам особо некуда, можем и здесь подождать. Главное, не бойся. Мы всё делаем как надо.

Она нерешительно прильнула к нему и впервые улыбнулась, озираясь по сторонам. Улыбка преобразила её, Иван замер, любуясь. В первый раз Света выглядела правильно, как и должна была выглядеть всегда. На фоне запылённой трассы, деревьев по сторонам дороги. И рядом с ним.

— А я и не боюсь. Просто… отвыкла.

— Как небо, — голос Ивана дрогнул. — Твои глаза сегодня, как небо. Посмотри наверх.

Оба запрокинули головы как раз вовремя, чтобы увидеть на горизонте чёрные лопасти поискового дрона.

* * *

…Иван очнулся в узком полутёмном помещении. Голова кружилась, во рту было сухо. Фигура перед ним расплывалась перед глазами, но мысли о Свете обожгли изнутри, и он резко сел. Мир пошатнулся.

— Эй, молодой человек, не спешите. — Фигура постепенно обретала чёткость, это был высокий пожилой мужчина в очках. — Мы же не хотим второго обморока? Вы плохо отреагировали на дротик с успокоительным.

— Где моя подруга? — требовательно спросил Иван. — Нас отправят на диагностику? Нам надо на диагностику!

Мужчина поднял ладони, призывая лечь обратно. Теперь Иван разглядел, что комната была чем-то вроде подсобного помещения. В углах стояло оборудование и процессоры, на единственной полке — коробки с проводами.

— Полагаю, вы там, где и хотели оказаться. Диагностика уже была.

— И что? — Иван не узнал свой собственный голос, дыхание перехватило. — Вы видели? Убедились?! Мы люди, не андроиды!

Он вдруг почувствовал себя совершенно беззащитным. В этой странной комнате, в компании невозмутимого сотрудника. Тот спокойно смотрел на него из-под толстых линз.

— Иван, я хочу, чтобы вы знали. Я не одобряю всего, что происходит. Просто поверьте. Да, вы человек. — Он с любопытством склонил голову. — Чипа у вас нет и не было. Вас восстановят в правах и вернут данное при рождении имя. А вот за сокрытие личности в совершеннолетнем возрасте вы ответите по закону. Насколько мне известно, это два месяца тюрьмы. Не проблема для того, кто столько лет пробыл в плену чужой жизни.

С ума сойти! Неужели у них получилось? Иван шумно выдохнул и почувствовал, как слёзы облегчения потекли по щекам. Два месяца тюрьмы… это совершенно неважно. Теперь он должен увидеть Свету, и как можно скорее. Сейчас!

— Нет, — предугадал его вопрос сотрудник. — К девушке нельзя. Её готовят к процедуре утилизации. Мне очень жаль.

— Что? — Иван изумлённо поднял голову, внутри разливался ужас. Этого просто не могло быть! — Она человек! Я знаю, я её

знаю, пустите меня к ней, я докажу!

Он попробовал вскочить на ноги, но те предательски подкосились.

— Я уже говорил, — мужчина снял очки и начал протирать их полой халата, — что не одобряю происходящего. Меня просили присмотреть за вами, пока не подъедет полиция. Девушка неисправна, она долгие годы жила и наблюдалась в коррекционном центре. И жила бы дальше, если бы не проступок с побегом. Не знаю, чем вы сподвигли её на это. Утилизация — отработанный процесс, вы должны знать, что замена чипа не всегда возможна. По регламенту…

— По какому регламенту, — прошептал Иван. — Нет никакого регламента. Вы просто творите с нами, что хотите.

«Это просто кошмарный сон, — вдруг подумалось. — Сейчас я проснусь в палате и пойду на обед. Сяду за Светин стол».

Он не проснулся. Он продолжал слушать путаные объяснения про стычки с комитетом по этике, правомочность действий и прочий штампованный бред, что нёс этот человек в халате. Что, по факту, они и не андроиды вовсе, просто модифицированные люди, и проект давно закрыт стараниями правозащитников. «Сперва они покушались просто на термин, но в итоге давление общественности взяло верх, и чипирование прекратилось. Но что-то же с вами надо было делать? Столько молодых образцов, вам же дали все права… обязанности… Работали с вами в центрах, решали ваши проблемы…»

Что? Иван слушал его и не понимал. Мысли вдруг отяжелели, как и тело.

— Оставьте её, пусть живет в центре. Я умоляю, — он бессильно сжал кулаки. — Так нельзя поступать с людьми, понимаете, нельзя. Так не поступают! — последние слова он проорал, найдя в себе силы. Выплюнул их в лицо того, кто стоял напротив.

Воцарилась тишина. Сотрудник водрузил очки обратно на переносицу и прислушался.

— Кажется, полиция подъехала. Для вас эта история закончилась. А девушка — теперь её поведение непредсказуемо, она потенциально опасна для социума. Признайте, что вы не всё знаете о высокосоциализированных андроидах. О возможных осложнениях и последствиях.

— Я знаю её, — упрямо повторил Иван. Слёзы успели высохнуть, все эмоции ушли разом, словно их и не было. Только холод и боль внутри. — Я её знал.

Мужчина опустил руку в карман и достал прямоугольный глянцевый листок. Не глядя, протянул его Ивану.

— Просила вам передать. Простите.

Мир пошатнулся повторно. На этот раз необратимо.

* * *

Тридцать первое мая — день традиционно тёплый, и сегодняшний не стал исключением. Иван стоял посреди россыпи цветов, глядя на чёрную могильную плиту. То, что вокруг Светиной могилы росли цветы, было результатом его трудов — три года он каждый сезон высаживал их. Сперва они не хотели приживаться, но этой весной усилия взяли верх.

Интересно, думал Иван, глядя на чёрный мрамор, был ли он таким же упорным, когда раз за разом пытался заразить её идеей о том, что они обычные люди. Взгляды исподтишка, улыбки, открытка. Не потому ли она пошла с ним?

Или потому, что один бы он никогда не решился? Как не решился признать когда-то смерть своих родителей. Спасовал бы, вышел «отремонтированный» и с дежурной улыбкой отправился на поиски чужой семьи. Неужели она почувствовала это, поняла? Что ему нужно было прежде всего чьё-то доверие.

Тогда он просто не посмел бы не решиться.

— До какой же степени надо быть неисправной, — Иван невольно улыбнулся, хотя на сердце щемило. — Милая моя девочка.

Старая открытка помялась. Несуразная, с надписью, что не соответствовала рисунку. Видимо, ошибка типографии. Он положил её на землю у могильной плиты. Возможно, Светы там не было, и власти ему солгали. Кто знает? Памятник он поставил за свои деньги. Теперь они у него были, как и друзья. Сегодня Иван к ним вернётся, ведь когда-то это было днём его рождения. Тоже по-своему неисправная дата.

Но пока что он здесь. Весь, целиком — для неё одной.

— Сегодня тридцать первое мая, завтра начинается лето. — Иван присел на корточки и на секунду закрыл глаза.

Нагретая земля отозвалась тёплым прикосновением. «Я знаю, ты меня слышишь. И поймёшь это, как никто другой».

— С рождеством.

Елена Шмидт. Эти деньги

Тяжким непосильным трудом, потом и кровью он, наконец, заработал эти деньги! Заработал! Желание так и будоражило Грегора, растекаясь по венам и артериям жидким металлом.

Конспирация! Нельзя забывать о конспирации! Дорогой костюм из светопоглощающей ткани делал его практически невидимым в закоулках Большой Сферы Мега-сити. Бионические протезы на присосках не издавали ни малейшего звука. Экзоокуляры, настроенные на сумеречную зону нижнего эшелона, с предельной чёткостью передавали информацию на подкорку лучше, чем кошачий глаз в тёмную сентябрьскую ночь.

Грегор попытался ещё больше вжаться в стену и стать совсем невидимым. Бывали случаи, когда желающих добраться до заветной двери, вылавливали даже на подходе. А чего стоили полицейские облавы? Но, слава Всемогущему Разуму, эти времена канули в лету. Сейчас достаточно было предъявить пластик с энной суммой и… Грегора даже немного подташнивало от волнения. Страшно было представить, сколько он пережил, пытаясь заработать эти деньги.

Сначала просто была мечта. Юношеская мечта о далёком и, может быть даже и не реальном мире, в который невозможно попасть обычным путём, просто купив билет.

Рос Грегор, росла и крепла вместе с ним и мечта. К совершеннолетию мечта переросла в непреодолимое желание. Оно манило Грегора тем больше, чем недоступнее казалось. Для его осуществления нужны были деньги. Но где жителю захудалого городишки самого отдалённого рукава Галактики можно было найти или заработать эти деньги? Да ещё жителю среднего эшелона?.. Так Грегор превратился в Гора — командира девятой первопроходческой линии группы Пси общекосмического десанта.

Десант — это десант. Бойцов списывали только при полной потере разума. Все остальные «запчасти» менялись по мере необходимости.

Первую бионику Гор получил на хи Вольфа 1061. Девятка обследовала Бездумный лес второго континента южного полушария. Работали в мысленепроницаемых шлемах. Потеря шлема на этой планете была равносильна смерти. Очень жестокой и мучительной. Гор прикрывал свою линию с левого фланга. Мыслепузыри пытались взять их в кольцо, но шлемы спасали. Протискиваясь сквозь закрученные «стволы» Бездумного леса, Гор застрял. Для того чтобы освободиться из петли, нужно

было снять шлем. Он не знал, как быстро может перемещаться мыслепузырь, и решил рискнуть. Всё произошло не просто быстро — молниеносно. Сначала Гор потерял способность двигаться, потом почувствовал, что его ноги что-то грызёт. Медленно, дюйм за дюймом отрывая кровоточащую плоть, урча и чавкая. Нечто дробило и перемалывало кости с особой тщательностью. Гор кричал и извивался, но это не помогало. Когда дело дошло до коленей, он провалился в небытие.

Очнулся Гор уже в биопротезокамере на корабле. Наращивание прошло успешно. Присоски идеально контактировали с нервными окончаниями, и бионические протезы ног работали как часы.

Вторую бионику Гор заработал на лямбде Лейтена 726-8 B[1]. На планете обитало совершенно дикое племя альфашизотиков. Во время сезона спаривания особи мужского пола рвали на куски всё, что попадалось им на пути. Гор был неосторожен. Ошибочно рассудив, что сможет решить проблему мирным путём, он попытался вступить в переговоры. Два здоровенных самца схватили «парламентёра», и каждый начал тянуть в свою сторону. Они выдрали Гору руки, а потом с удивлением наблюдали, как из рваных ран с торчащими обломками костей хлещет кровь.

Выйдя из биопротезокамеры, Гор снова почувствовал себя обновлённым.

Каппа Грумбриджа 1618 была сказочной планетой. Уменьшенная в несколько раз копия далёкой Земли, о которой уже мало кто и помнил, с одним небольшим исключением. Здесь обитали ангелоподобные летающие крабопауки, плюющие ядовитой слюной. Паук пробрался на корабль и плюнул Гору в лицо, не защищённое сеткой из алюмопласта, попав сразу в оба глаза. Под действием яда глаза вытекли из орбит и сизой дымкой испарились.

Для установки экзоокуляров Гора срочно переправили в стационарный госпиталь на Марсе. Он смог увидеть планету-прародительницу почти воочию. Пусть и далёкой точкой на небосклоне, но совершенно реальной.

Однако, теперь это был совсем другой человек. Вернее человеко-механизм. Все его заслуги почётно материализовались на банковском счёте. Зато у него были эти деньги! Дома ему уже нечего было делать и Грегор решил остаться на Марсе, используя так любезно предоставленный недельный отпуск. Прежде всего он сделал решительный шаг: зарегистрировался и заполнил предварительную Анкету Жаждущего. Вопросов было много, и некоторые из них показались ему довольно странными. Ну, какое значение имел рост его матери? А вопрос о том, что больше

нравится трогать руками: круглое, квадратное или прямоугольное? Вопрос о молекулярной модификации поверг Грегора в шок: в какой цвет вы бы предпочли перестроить свои волосы — блондина, брюнета или шатена? Да он вообще об этом никогда не думал! Ни во сне, ни наяву!

Трясущимися руками Грегор достал приготовленный заранее пластик и просунул в узкую щель приёмника. Автомат довольно проурчал и щёлкнул. Заветная дверь приоткрылась, Грегор поспешил протиснуться внутрь помещения и замер. Что-то опять щёлкнуло, и он услышал мелодичный голос:

— Мы приветствуем вас, Жаждущий! Ваша анкета зарегистрирована и пластик учтён. Ознакомьтесь с особыми условиями, пожалуйста, — голос был вежлив, но довольно твёрдо отчеканил: — Никакого оружия, никакой бионики, экзо и прочих эрзац-частей. Всё лишнее можете сложить в бокс и получить обратно при возвращении. На столике есть кнопочка, когда будете готовы — звоните.

Грегор был в шоке. Всю свою жизнь он посвятил одной единственной цели, а ему предлагали лишиться большинства своих органов?!

— Но… — шептал он, лихорадочно сдирая с себя запчасти. Что же я буду там делать?

Через полчаса Грегор был «готов». Голосок снова ожил:

— Итак, какие параметры вы предпочитаете в ширину и в высоту? Какой цвет ко…

— За эти деньги вы надо мной издеваетесь?! Мне всё равно! У меня нет рук! У меня нет ног! Я — слепой! — возмущённо орал Грегор.

Многие пытались попасть на благословенную материнскую планету через камеру нуль-перехода этого заведения. Многие пытались, но не у всех получалось. Земля давно уже объявила мораторий на любую электронику, и бионические органы не стали исключением. А где сейчас на просторах Вселенной вы найдёте хоть одного целого и здорового человека? Кроме самих землян, к чьим услугам все лучшее с самого рождения?

«Что же он там действительно будет делать?» — хмыкнула про себя девушка-оператор, наблюдая за мониторами.

В холле марсианского публичного дома, колошматя по полу обрубками рук и ног, билось в истерике изуродованное человеческое тело.

notes

Примечания

1

Лейтен 726-8 (Luyten 726-8) — двойная звезда в созвездии Кита. Одна из ближайших к Земле звёздных систем. Находится на расстоянии 8,73 св. лет от Солнца. Компонент **Лейтен 726-8 B** (UV Кита) — красный карлик спектрального класса M6,0e, эруптивная переменная звезда: время от времени на её поверхности происходят впечатляющие вспышки; к примеру, в 1952 году её яркость увеличилась в 75 раз всего за 20 секунд.